

Николь Беккер

Огненная
айка

Ржавые крылья

Я шла по коридору как королева, мой шаг был широк. Кожанные штаны, потрепанная футболка с пятнами краски, жвачка во рту, небрежно разбросанные кудри и уверенный взгляд. В ушах играла Скай Свитнам. Шакалы могли шипеть за моей спиной, но меня не волновали ни они, ни тем более их мнение. Толпа огибала меня, как море скалу. Моя осанка была безупречна- я ещё с детства училась держать спину ровно и носила по пол дня книжку на голове.

— Смотри, куда прёшь, деревенщина!

На меня налетел капитан футбольного клуба. Блондинистая челка, наглая ухмылка и широкая грудь. Всё стандартно. За его спиной гогочут дружки.

Возвращаемся в реальность. Никакая я не королева, а просто Зои, девочка с фермы, подъезжающая в школу на папином драндулете прошлого века.

— Ну, че уставилась? — он склонил голову на бок.

Я посмотрела на него снизу вверх, не переставая жевать.

— Она в тебя втюрилась, — заржал его приспешник. Такой же, только тёмненький, — На уроках постоянно на тебя пялится.

Вообще-то я смотрю в окно. Просто тытам сидишь.

Моего лица коснулось что-то холодное. Я почувствовала запах колы и услышала смех. Похоже, меня облили колой. Она стекала по моим волосам, лицу, одежде. Я вся промокла, только ноги оказались нетронутыми.

— Мокрая курица, — засмеялась тёмноволосая капитан клуба болельщиц.

Она украдкой покосилась на Марка. Тот стоял в сторонке и со смехом смотрел на нас. На неё он никогда не обращал внимания. И никогда не участвовал в травле. Некоторых он защищал, и те вскоре становились популярными. Одной из таких была капитан.

Остальные подхватили этот клич. Но больше смеялись, тыкая в меня пальцем и снимая на телефон.

— Хватит, не хватало нам её приступа, — проворчала девушка Марка, Сандра, — Не хочу опять отмываться от её пены.

— Русалочка на новый лад, — мечтательно вздохнул местный терпила, больше всех травивший "неудачников".

Марк хрюкнул от смеха. Он был единственным, кто оценил шутку.

Я сорвалась с места, растолкала всех и побежала в уборную. Напоследок меня пинком заставили распластаться на полу под общий смех.

— Классно ты её, Рик, — услышала я вдогонку, — Чистый нокаут!

Я закрылась в уборной и сняла футболку. Открыла кран, принялась умываться и полоскать футболку.

— Могла бы выпить колу, — услышала я мужской голос. Да, я не опислась. Мужской голос. В женском туалете, — Халявный напиток. Надо видеть во всем позитив.

На подоконнике, как на скамейке, сидел парень, облокотившись об окно. Он с ухмылкой взирал на мои попытки избавиться от липкости газировки. Кудри, эпичный шнобель, который так похож на картошку, что из него хочется сделать пюре, какие-то непонятные висюльке на шее, браслеты, джинсовый жилет, утыканный значками с

изображением атрибутики различных субкультур.

— Мне уже начинать визжать, как сирена? — сухо осведомилась я.

— Пожалуй, не надо, — пожал плечами парень.

— Тогда потрудись объяснить, что ты тут делаешь?

— Отдыхаю, — невозмутимо ответил парень, — А что?

— В женском туалете?!

— Ну да.

— Но он же для девочек!

— Мне правила не писаны.

Со стороны коридора послышались смешки. Кто-то подглядывал в дверь. Увидев это, парень подошел к ним, распахнул дверь и выжидающе посмотрел. Девочки растерялись.

— Проблемы? — поинтересовался он, — Если хотите, мы можем поговорить об этом.

— Не стоит, — странно булькнула болельщица, — Пойдёмте, девчата.

Они удалились, а парень захлопнул дверь.

— Ты всё видел, да? — подавленно спросила я.

— Да, — сказал этот экспонат, ухмыльнувшись во все тридцать два зуба, — И ты выглядела как Венера, рождающаяся из пены.

— Кончай издеваться, — взмолилась я, — Уже звонок.

И впрямь. Песнь школьного звонка оповещала о начале урока.

— Надо идти, — засобиралась я, — Тебе тоже, кстати.

— А ты хочешь? — склонил голову набок парень, — Я вот нет. Мне скучно. Тебе тоже.

Тогда давай сделаем так, чтобы нам не было скучно?

Я оценивающе на него посмотрела. Разного цвета носки, развязанные шнурки, джинсы, растянутые в коленках.

— Меня Эрик зовут, — подмигнул он мне, — Ну так что? Решилась на удивительные приключения? Или предпочтёшь протирать штаны в классном кабинете?

— А почему нет? — пожала я плечами.

Вот так я и познакомилась с самым невыносимым типом во всей Вселенной.

— Три тысячи чертей и одна ведьма, вы гребаные засранцы и дети обезьян! Вот сейчас я вам задницы надеру!

Мы бежали, по лестничному проему. Белые кроссовки Эрика уже стали черными. Как и джинсы. А ему хоть бы хны. Трясется от смеха, ржет, как полоумный, пока за нами бежит разъяренный дед, махая метлом. В прошлый раз он стрелял солью и та попала мне в задницу. Тогда он тоже ржал, как ненормальный, но в медпункт всё-таки отвел.

— Вот повадились ходить на эту крышу, и хоть бы один сиганул! Так нет, горланят свои тупые песни, спать никому не дают! Вот погодите у меня!

Мы сбежали вниз по лестнице, чуть не сбив с ног бабушку, несущую пакеты. Так покрыла нас и деда отборным матом. Открыв дверь, мы ринулись навстречу оживленной улице.

— Он отстал? — задыхаясь, спросила я.

— Отстал, — радостно ответил Эрик, — Еще несколько кварталов назад.

— Тогда какого мы всё ещё бежим?! — возмутилась я.

— А что, нельзя?

Я попыталась ускориться, чтобы шлёпнуть его, но он бежал слишком быстро, а я была уже на пределе и тяжело дышала.

— Что, уже выдохлась? Да тебе на пенсию пора, старушка! — прокричал он и ускорил бег.

Он специально бежал по газонам, среди кустарников и деревьев. Я обливалась потом, мои лёгкие разрывало. Ещё немного — и я лягу прямо на дорогу, и мне будем на всё плевать.

Так мы налетели на Тома и какую-то кудрявую девочку.

— Эрик? — изогнул левую бровь Том, — Опять хулиганишь?

— Нет, я убегаю от Зои, — сказал Эрик.

— Привет, Зои, — кивнул Том, — Как ты?

Это было простой формальностью. Мои дела его не интересовали, как и всё остальное. Он был местным мажором, целый день разъезжал на кабриолете, курил трубку и таскался за Марком и Сандрой. Остальное его никак не волновало.

— Нормально, — сказала я.

— А почему Ваше величество пешком? — язвительно спросил Эрик, — От кареты отлетело колесо? Конь сдох? Кучер заболел?

— С моей машиной всё в порядке, — процедил Том, — Просто я захотел пройтись пешком. Мне уже и это нельзя, что ли?

— Всё в порядке, брат, — выставил руки Эрик ладонями вперед в знак примерения, — Я ничего такого не имел в виду.

— Тогда богатенький сыночек сможет пойт на вечеринку с коксом и бабами? — спросил Том.

Приобняв спутницу за спину, тот пошел в сторону супермаркета.

— Какая муха его укусила? — поразилась я.

— Родаки его приехали, — пожал плечами Эрик, — Возможно, поэтому. Ладно, не бери в голову. Пойдём.

Мы зашагали вдоль проезжей части. Я несла в руках пакет с баллонами краски, он шел впереди, размахивая руками, как ветряная мельница. С одной стороны был пустырь с глубоким оврагом, на дне которого был крохотный дом с темными провалами окон. Мне показалось, что в его глубине горел неясный свет. Вдали было озеро, а ещё дальше — скудный рядик домов с палисадниками. С другой стороны были магазины, клубы, былконы с цветами и витрины с нарядными манекенами.

Шли мы долго, примерно час. За это время успели закончиться магазины, фонари стать редкими, а звуки города — далекими. С другой стороны дороги ловила машину девочка в черной мантии и длинными, не менее черными волосами. Я усмехнулась: ни справа, ни слева никаких машин не намечалось.

— Куда мы идём? — спросила я Эрика, — Опять очередная дорога без цели? Если кровавые мозоли и боль в желудке от голода для тебя часть дорожной романтики, то я пас.

— Это сюрприз! — развел руками аки церемонейстер Эрик, — Потерпи, сладенькая. Скоро будем на месте.

Он напялил мне на глаза ленту, завязав её как можно туже, взял меня за руку и повел по дороге. Незримый мир казался похожим на лабиринт, а мелкие камешки и холмики — внушительного размера колдобинами.

Внезапно я почувствовала нестерпимую вонь. Эрик остановился и снял с моих глаз повязку. Мне открылся вид на простирающуюся чуть ли не до горизонта свалку. Горы и дюны всевозможного мусора, бродячие псы, которых лучше не провоцировать и одинокий силуэт бомжа, сидящего на ободранном диване.

— То есть, я правильно поняла, что ты вел меня так долго, чтобы показать это? — ошеломленно спросила я, — Свалка? Серьёзно?

— Но-но-но! Я Вас попрошу, юная леди. не просто свалка, а Мировая Свалка.

— Хочешь сказать, там весь мусор мира?

— И не только. Хочешь проверить?

— Я что, похожа на бездомную?!

Я была вне себя от ярости. Расхаживала вокруг и отчаянно перебирала ругательства в поисках самых неприличных. Эрик же взобрался на вершину ближайшей горы и уселся на кресло.

— Иди ко мне, — пригласил он, — Тут хватит места для двоих.

— Иди-ка ты знаешь куда?!

Вдали светлело небо. Светло-голубой горизонт контрастировал с темной равниной.

— Знаешь, как тут прекрасно встречать рассвет? — тихо спросил Эрик, — Словами не передать это ощущение.

— Ну да. Верх романтики.

— Ты видишь только то, что хочешь видеть. И не замечаешь сути.

— А кто её замечает? Никому не дано видеть её всегда. Да и не надо. Целее будем.

— Ты это не по наслышке знаешь? — глухо спросил Эрик.

Я почувствовала, как кровь отливает от моего лица. Мне хотелось запустить в Эрика чем-нибудь поувесистей, но вместо этого я осталась стоять, как безвольная игрушка.

— Если спустишься — скажу, — помимо своей воли проронила я.

— Лучше поднимись, — ответил Эрик.

Нехотя я забралась на гору, несколько раз скатываясь вниз. Вся вымазалась и провоняла мусором. Эрик со смехом наблюдал за моими потугами. Я села рядом с ним. Кресло было широкое, а мы оба худыми.

— Как будто я могу выбирать. Как будто я это контролирую.

Эрик заинтересованно взглянул на меня.

— Можно подумать, что я так уж хочу брызгаться пеной по поводу и без повода, — продолжила я, — Я уже забыла, когда в последний раз расслаблялась. Всю жизнь прожила в страхе, что вот-вот упаду на пол и начну дергаться. А потом весь день буду как тряпичная кукла. Меня до четырнадцати лет никуда не выпускали одну, потому что боялись, что упаду посреди улицы.

Эрик мог бы прожечь во мне дыру своими ореховыми глазами.

— И каждый раз, когда у меня случался приступ, происходило какое-нибудь несчастье. От разбитой вазы до травмы на уроке физкультуры.

— Ты говоришь о Бадди?

Бадди был старым капитаном футбольной команды. Он был невысоким, не очень мускулистым и спокойным. Но перед ним расступались. За ним следовали. Он был лидером. Но однажды на уроке физкультуры он споткнулся и сломал колено. Дальше был гипс, протез, раскрошившиеся кости, замена протеза и разорившиеся родители. Семья Тома помогала ему всячески, поскольку их родители были друзьями, но о футбольной карьере

парнишка больше не мог и мечтать.

— Да, — ответила я, — Перед уроком в раздевалке у меня случился приступ. У меня было навязчивое желание предупредить Бадди о том, что с ним должно что-то случиться. Чтобы он был осторожен. И я видела понимание в его глазах. Ещё немного, и мне бы удалось его уговорить, но вмешались его дружки и начали ржать надо мной. И увели его.

— А я Бадди, кстати, на днях видел, — сказал Эрик, — Он сейчас живет в Аляске дышит свежим воздухом. Ходить нормально уже не сможет, да и не хочет. Приехал погостить у матери и поблагодарить семью Тома. И тебе спасибо передал. А еще подобные приступы были?

— Перед тем, как Майк разбился. Это был ужасный приступ, и он случился посреди ночи. А я живу далеко от города, поблизости людей вообще нет. Посреди ночи выскочила из дома в пижаме, побежала в сторону дороги, пыталась поймать машину. Махнув рукой, побежала. Долго бежала. Потом выдохлась.

— Вот почему уроки физкультуры полезны. Не отлынивай, детка!

— Вообще-то я от неё освобождена.

— Ну так что, предупредила его? Не уходи от темы.

Вот ведь жертва Кунскамеры!

— Я выдохлась и упала. Еле заставила себя подняться. Бежать сил уже не было. Ползла.

А потом я вижу его дымящуюся машину...

— Да ты буревестник, сестра!

— Кто, прости?

— Бу-ре-вест-ник, — по слогам повторил он, — Птица, предупреждающая о шторме.

— Я знаю, кто такой буревестник. Я спрашиваю, какого хрена я он.

— Потому что ты вещаешь о несчастье! Провидица! Оракул! Пророк!

— Ты такой невыносимый, Эрик.

— Я знаю, — захохотал Эрик, — Поэтому ты меня и любишь.

Черные воды

Воспоминания рассыпаются. Иногда я не запоминаю вчерашний день. Иногда забываю, о чем думала пять минут назад. Порой я вообще себя не узнаю. И потому злюсь на весь мир, на всех людей, а порой на саму себя. или на всё сразу. Понятно, что при таком состоянии учиться не стоит. Прогуливать не могу, потому сижу на парте у окна, рассеянно глядя на двор внизу, мокрое футбольное поле с болтающейся на ветру сеткой, гоняющими мяч детьми, припаркованными машинами и асфальтом с лужами. Конец августа, дождь мешался с солнцем, но при этом было невероятно жарко, потому я ходила в майке и в шортах, демонстрируя всем веснушки на плечах и шрамы на коленях.

— Мисс, не могли бы Вы присутствовать на уроке? — склонилась надо мной учительница.

— А я итак здесь, — ответила я.

— Нет, Вы смотрите в окно и Вам плевать на происходящее.

— Я внимательно слушаю.

— Вот как? — саркастически переспросила учительница, — Тогда, будьте добры, повторите то, что я только что сказала.

— Мисс, не могли бы Вы присутствовать на уроке? — передразнила её я.

Послышались смешки. Марк с интересом посмотрел на меня. Леа оторвалась от телефона. Том чуть не выронил трубку. Сандра повернулась и приподняла бровь. Болельщица скривилась.

— Остроумничать будете? — скрестила руки на груди учительница, — Ну, я посмотрю, как Вы это будете делать на экзамене.

Она принялась строчить что-то маркером на доске, стуча им и скрипя, а я вновь уставилась в окно, подперев подбородок рукой. Форточка была открыта, и дул ветер, принося с собой запах улицы.

АЙ!

Виски пульсировали, голову будто сжало обручем. Мир перестал казаться чем-то реальным. Будто ребенок нарисовал акварелью эти деревья, асфальтовые полосы на фоне домов и стадиона, желтые стены класса и белую доску с пыльным проектором. Как будто если я протяну руку, то наткнусь на белый листок. Я его ударю, всё развалится, а потом что?

Звук звонка больно ударил по ушам. Одноклассники вскочили и побежали, на ходу собирая сумки. Я по инерции осталась сидеть, пока не обнаружила, что осталась наедине с училкой, которая, забыв отключить проектор, зашла на фейсбук и что-то строчит, судя по "зайчику", "сладенькому" и "котику", своему партнеру. Смутившись, я тут же убежала, пока учительница не заметила. Коридор опустел: было довольно поздно и скоро должно стемнеть.

Навстречу мне шел школьный психолог. Окинув меня оценивающим взглядом, он произнёс:

— Мисс, в школу не носят такие вещи. Сотрудникам мужского пола будет дискомфортно, — сказал психолог.

— Из-за Лии Вам тоже было дискомфортно?

Он вспыхнул, как пион.

— Это всего лишь слухи, — прошипел мужчина, приближаясь ко мне, — Не стоит верить неподтвержденной информации. Не думал, что Вы настолько наивна.

— А мне плевать, что Вы думаете.

Я повернулась к нему спиной и показала неприличный жест. Хотела уже уйти, но он схватил меня за запястье, больно сжав его.

— А вот это Вы зря, — горячо зашептал он, опалая моё плечо раскаленным дыханием, — Я это так просто не оставлю.

— Уберите от меня свои грязные руки, — процедила я.

— А то что? — хмыкнул он, — Что Вы мне сделаете? Я компетентный и востребованный специалист, таких, как я, в Нью Йорк приглашают. А Вы всего лишь дочка каких-то жалких фермеров. Ни Вы, ни Ваши подружки ничего не смогут доказать.

— Ну вот и валите в свой Нью Йорк, а нас оставьте в покое, — сказала я, наконец вырвавшись.

Я побежала по коридорам, слыша его шаги. У лестницы он меня догнал, сгреб в охапку и потащил обратно.

— Отпустите меня! — кричала я, — Уберите руки, а не то я применю силу, и меня не остановит то, что Вы психолог!

Он втолкнул меня в кабинет директора.

— Вот. Посмотрите на это. Одевается неприлично, сотрудникам хамит, угрожает.

Директриса взглянула на меня поверх очков и жестом попросила психолога выйти.

— Я решительно не понимаю, что за конфликты у Вас с мистером Макроу. Он опытный психолог с двумя высшими и знает своё дело, — устало вздохнула она.

— И это не мешает ему быть подонком, — презрительно сплюнула я.

— Выбирайте выражения, — нахмурилась директриса.

— Лия не станет врать, — сказала я, — Она не из тех людей. Представляете, как ей тяжело было признаться в этом? Представляете, сколько она храбрилась?!

— Лия сама во всем виновата, — фыркнула директриса, — Она выглядит слишком вызывающе. В уставе школы четко прописан дресс-код, — твердо сказала учительница, — Но вы, девочки, предпочитаете нарушать его и одеваться, как проститутки.

— Значит, если в голове взрослого, когда тот смотрит на ребенка, возникают подобные мысли — это, по-вашему нормально?

— Я... — смутилась директриса.

— Самое ужасное в том, что в глубине души Вы понимаете, что то, что я сказала про Лию — это правда. Но продолжаете защищать его.

— Мы не можем лишиться такого специалиста, — вернула директриса, — Тем более из-за неподтверждённых сплетен.

— Вы пытаетесь сохранить престиж школы ценой других людей, — сказала я, — Ценой психики молодых девушек, которые будут заново учиться отношениям. Которые, возможно, не смогут нормально смотреть на парней. Вы в курсе, что Лия пыталась покончить с собой и до смерти боится любых прикосновений? Вы в курсе, что она целый день сидит в душе, пытаясь смыть с себя эту грузь?

Директриса шокированно уставилась на меня. Думаю, до неё наконец дошел смысл сказанного. Я поднялась и ушла из кабинета, оставив её в раздумиях.

Эрик вилял задницей и подпевал музыке. Если таковым можно назвать звуки, напоминающие мяукание. Я терла виски. Рядом валялся Том и курил кальян. Подальше — две загорелые девушки, читающие комиксы.

— Кстати, псих на тебя окрысился, что ли? Смотрит на тебя, как маньяк какой-то, — обратился ко мне Том, выпуская изо рта дым.

— А мне плевать, что ему там не нравится, — сощурила я глаза, — Я не коррупционная сволочь, как директриса. Я это так просто не оставлю.

— Не оставишь что? — вмешался Эрик.

— То, что он сотворил с Лией, — сказала я.

— Что он с ней сделал? — спросил Том.

— Догадайся, — фыркнула я.

Его глаза расширились, трубка кальяна выпала изо рта.

— Вот гад! — выругался он, — Почему его до сих пор не засадили?

— Взятку дал, — фыркнула я.

— Так это из-за него Лия такой замкнутой стала, — покачал головой Эрик, — Да, не дело, чувак. Не дело.

Мы замолчали. Танцевать желание пропало. Вокруг орали подростки, хлебая из бутылок, гремела музыка, а в окно стучалась ветка, и только я слышала это.

— Испортил я всем настроение, да? — хмыкнул Том, — Простите, я не хотел. Можешь треснуть меня, Зои.

— А мне, значит, нельзя? — обиделся Эрик.

— Ты же не Зои, — улыбнулся Том.

— Пойдемте отсюда, — вдруг сказала я.

— Ты чего? — удивился Эрик, — Утро будет нескоро.

— Здесь больше нечего делать, — твердо ответила я.

— Вы идите, — сказал Том, — Я останусь.

Я направилась к выходу, расталкивая танцующих. Эрик побежал за мной. Рядом кто-то блеванул. На меня попали брызги, и я выругалась, как портовый грузчик. Эрик заржал и несколько раз хрюкнул. Он обнял меня за плечи, чуть облокотившись, и я ногой толкнула дверь. Мы вышли навстречу прохладному ночному воздуху, лиловым сумеркам, темно-зеленой траве и подстриженным кустам. Музыка и тепло остались где-то позади.

— Тут дышится очень свободно, — сказала я.

— Думаешь? — отозвался Эрик, крепче сжимая моё плечо, — На меня этот город давит.

Он вдруг сделался злым, жестким. Даже его взгляд сделался... Каким-то волчьим, что ли. На секунду мне показалось, что его глаза налились кровью, как у оборотня.

— Не делай так, ты пугаешь меня, — взмолилась я.

— Бу! — клацнул зубами Эрик, — Я сейчас тебя растерзаю, жалкая смертная.

— Не попадешь в меня из-за судорог, — фыркнула я.

— Ты тоже иногда меня пугаешь, — признался Эрик, — Иногда твой взгляд становится звериным. А на самом его дне таится страх.

Я удивленно на него посмотрела.

— Пошли на озеро, — вдруг сказал он, указав на темный водоем вдаль, — Искупаемся! Давно не купался...

Он побежал к воде. Я едва поспевала за ним. Мы спустились по белым ступенькам, ведущим прямо на берег, на ходу скидывая обувь, и с разбега плюхнулись в воду.

Огни домов и уличных фонарей отсюда казались далекими. Как будто мы оторваны от всего мира, находимся на несколько ступень ниже всех и никогда не выберемся. Небо было как будто нарисовано чернилами, без луны и звёзд, над нашими головами замер огонь. Толи вертолет, толи НЛО, мне уже было всё равно. А вода была холодной, как-то странно-холодной для начала сентября. Казалось, она засасывала, как болото, тянула меня на самое дно, чтобы меня опутали водоросли и в мою кожу впились осколки разбитых бутылок.

— Тут уже несколько детей утонуло, — сказал Эрик, — Один на моих глазах. На тот же самом месте, где ты сейчас плаваешь.

— Что?!

Я принялась барахтаться, пытаюсь отплыть.

— Да шучу я, шучу, — принялся хохотать Эрик, — Видела бы ты сейчас своё лицо.

— Ты идиот, Эрик! — заорала я.

— Я знаю, — с гордостью ответил Эрик.

Я пыталась догнать его, но он слишком быстро плавал.

— Ладно, извини, Зои, — сконфузился Эрик, — Я не подумал.

Он остановился. Я подплыла к нему.

— Ничего страшного, — сказала я, — На дурачков не обижаются.

— Ага, попалась! — заорал Эрик.

Он схватил меня и потянул на дно. Я вырывалась, но он только сильнее прижимал к себе. Я почувствовала ногами прикосновение ила и водорослей. В волосах запутался какой-то мусор. В нос забила мутная вода. А его руки сжимали мои, и я чувствовала их тепло, как будто передающееся мне. Эрик медленно закружил меня, и мусор наконец покинул мои волосы. Я порезала палец о что-то острое. Легкие разрывались от отсутствия кислорода в них, нос болел. Толкнув друга, я вынырнула на поверхность и погребла к берегу, кашляя и отплевываясь. Челюсти сводило судорогой, ногти стали фиолетовыми, а кожа бледной до голубизны и покрылась мурашками. Я вся дрожала. Я села, и поверхность ступеньки показалась теплой. Уткнула лицо в колени, обхватила их руками и заплакала. Я не помню, когда в последний раз плакала.

— Зои?

Эрик сел рядом со мной и тронул за плечо. Я дернула им.

— Ты в порядке, Зои?

Эрик был напуган. Но у меня не было никакого желания с ним разговаривать. Мне хотелось, чтобы он ушел.

— Уходи, — просипела я.

— А что я такого сделал?!

— Ты что, издеваешься надо мной? — я наконец подняла голову, — Ты утащил меня под воду, стал держать меня там, не заботясь о том, что я могу захлебнуться, и ещё спрашиваешь, что такого сделал?!

— Но ведь не захлебнулась же...

— И что?! Ты вообще думаешь, что творишь?!

Эрик пристыженно опустил голову, вжав её в плечи.

— Извини, я... У меня иногда спонтанные идеи. Мне вода помогает.

— А мне нет! Я вообще её боюсь!!!

— Почему?..

— В воде можно утонуть. Ногу или руку может свести судорогой. Может унести течением.

Я встала и чуть не упала, но успела удержать равновесие, облокотившись об Эрика.

— Да, я без тормозов, — сказал тот, — Мне всегда так говорили.

— Тогда тебе следует пересмотреть свое поведение, если хочешь дальше общаться со мной, — сказала я и отправилась прочь.

Оранжевое затишье

Сижу на крыше, ласкаемая бореем. Внизу город подмигивает мне огнями вывесок и уличных фонарей, поет уличными бродягами, манит ароматом горячего супа и горячего шоколада. А сверху холодно и одиноко. Спину подпирает ржавая дверь, по бокам кирпич. Всё исписано граффити.

Мокрые и спутанные волосы лезут в лицо, подводка размазалась, косуха не греет. Я подвываю холодному осеннему ветру:

Привет, ночь, моя старая подруга,
Я пришла вновь побеседовать с тобой.

Видение незаметно подкралось
И оставило свои семена, пока я спала.

— Тебе это знакомо, не так ли?

Четко очерченный профиль, острый нос и русые волосы, собранные в хвост. И гитара, ярко-черная, новенькая и блестящая.

— Умеешь? — спросила я.

— Нет, — ответил он.

— А я умею. Дай сюда.

Я взяла у него инструмент и принялась наигрывать.

— Можешь прекратить? — взмолился он, — Я не люблю эту песню.

— Почему?

Он грустно улыбнулся и посмотрел своими зелеными глазами на меня.

— Когда-нибудь я тебе расскажу.

От него пахло бензином и серой. Он был огнем. А я так, головешка.

— Ты не из здешних, да? — спросил он.

— Здешняя, — проворчала я, — Даже более здешняя, чем ты.

— Что ты имеешь в виду?

— Этот город блеклый, как будто с винтажного фото. А тебя словно цветными мелками нарисовали.

— Забавно, я думал совсем наоборот.

— А думать наоборот вредно. Ты же не житель Зазеркалья, верно?

— Ты странная... Не из деревни, случаем? Напоминаешь мне одну девицу.

— Я с фермы.

— Ещё лучше.

Мы замолчали, каждый о своём. Ветер утих, листва умолкла. Стало вдруг как-то тихо. Парень встал и собрался было уйти.

— Останься, — неожиданно для самой себя взмолилась я, — Я сойду с ума, если пробуду одна хоть минуту.

— И снова я думаю наоборот, — хмыкнул парень, — Ты не одна, с тобой ведь ночь, — я сделала страшные глаза, и он осекся, — Так и быть, останусь.

Он сел поближе. Несмотря на то, что мы не соприкасались, я чувствовала тепло его тела. И мне хотелось прижаться к нему, но я знала, что, сделай я это, и он бы тут же ушел и никогда не вернулся.

Он брэнчал на гитаре песни, как он сам мне сказал, норвежской певицы, и даже пытался петь. И мне сразу же сделалось холодно, и я даже почувствовала запах хвои, костра и теплого молока. Закрыла глаза и почувствовала мелкие поцелуи снежинок, падающих и кружащихся в каком-то безумном танце, услышала вой далекой вьюги, а дыхание превращалось в пар.

— Холодно, — выпалила я, стуча зубами.

— Ты издеваешься? — спросил он, — Сейчас +15.

— Это от твоих песен, — сказала я.

— Что, настолько очаровал? — усмехнулся незнакомец, — Играю я посредственно, прямо скажем. Пою ещё хуже. Мне в школе говорили, что мне медведь на ухо наступил.

— Меньше слушай их, — фыркнула я, — Тут не качество главное.

— Качество тоже имеет значение, — сказал он, — Надо просто уметь подбирать публику.

Он поставил сумку перед собой и принялся рыться в ней.

— Чего делаешь? — спросила я.

Он вытащил стопку тетрадей.

— Прощаюсь, — сказал он.

Достал зажигалку. Поднес к бумаге. Сначала возник крохотный огонек. Потом он распался, и уже через минуту на крыше распустился огненный цветок, освещающий наши лица и рождающий причудливые пляшущие тени. Рыжий, рыжий огонь, как мои кудри, как кирпич, как ржавчина на трубах, как уличные коты. Я подносила руки к огню, пока тот грел мои щеки и нос, дыша мне в лицо жарой, а в это время парень достал... Сосиски! Сосиски на вертеле!

— Ты что, собрался сосиски тут готовить? — обалдела я.

— Почему нет? — тот пожал плечами.

Он подбрасывал тетради, чтобы огонь не погас. Я, вздохнув, решила ему помочь и держала сосиски. Следом за тетрадями полетели книги, блокноты, газеты, ветровка. Снизу кто-то громко заржал. Соседка высунулась из окна и ругнулась на нас. Потом махнула рукой и скрылась.

— Готово, кажется, — неуверенно объявила я, глядя на обуглившееся мясо.

— Вот и отлично.

Парень выхватил одну у меня и отправил в рот.

— Очень вкусно, — прошамкал он, — Обязательно поешь.

Я откусила от одной. Явно перегорело, но в целом на вкус неплохо. Думаю, с кутчупом и специями было бы очень даже недурственно. Мы жевали и смотрели друг на друга, улыбаясь и смеясь, как дети в парке аттракционов, наши щеки покраснели и глаза хитро сощурились. Казалось, еще немного, и на его щеках выступят веснушки.

Тем временем от стопки тетрадей остался темный пепел, который развеяло ветром. Как будто стая черных ворон. Жители верхних этажей не остались равнодушны к такому дивному зрелищу, и вскоре нам пришлось убежать от того же деда с метлой, к которому прибавилась мастерски ругающаяся бабка.

Мы убежали, но не смеялись. Только улыбались с заговорщическим видом. И я поняла, что этой ночью мне было очень-очень весело.

Розовая сладость

На ферме мы всегда встаем в пол шестого. Солнечный свет мягок, в воздухе витает аромат лаванды и какая-то легкость, за окном травинки покрыты росой. Мать их называет слезами неба. Отец кормит скотину, мы с матерью един тосты, запивая молоком. Иногда добавляем мед, который покупаем у знакомых пасечников. Кухню заливают утренний свет, поют птицы, ветер шепчет что-то листвою. Идиллия. Но в последнее время я не могу её чувствовать. Ночи выматывают, я чувствую непонятную тревогу, как будто надвигается буря.

Эта осень была буйноцветущей, холодной и дождливой. Дождь лил днем и ночью, грозя всё затопить, и иногда мне хотелось, чтобы это действительно случилось.

— А ведь ты прав, — сказала я, — Давит.

— Что давит? — охотно откликнулся Эрик, — Резинка от джинсов? Говорил же, подбирать надо вещи по размеру. Ох уж эти сельские!

— Город, идиот, — клацнула зубами я.

— Видишь? Я всегда прав, — горделиво подбоченился Эрик.

Огонь разгорался всё ярче, клубами валит серый дым. На мангале лежало мясо. Вокруг была мокрая трава. Тут повсюду были кострища — следы от бывшего веселья, вот мы и воспользовались одним.

— Я как-то жарила сосиски на крыше, — сказала я.

— Сосиски! На крыше! — оживился Эрик, — Почему я до этого не додумался?! Кто-то пытается спихнуть меня с пьедестала самого безбашенного чувака в городе?!

Барбекю было уже готово. Мы принялись его лопать прямо с вертела, обжигаясь и пачкаясь маслом. Мясо было снова подгоревшим, но сочным, горячим и очень вкусным. Если бы я ела его одна, то меня бы вырвало. А с Эриком вкуснее.

— Почему с тобой еда становится вкуснее? — спросила я.

— А я вообще отличная приправа, — прочавкал Эрик, — Еда всегда вкуснее, когда разделяешь её с кем-то.

— Ты проверял? — скептически спросила я, поливая мясо кетчупом.

— Нет, — радостно ответил Эрик, — У меня нет друзей.

— Странно, обычно такие, как ты, быстро располагают к себе людей, — удивилась я.

— А я исключение, — нахмурился Эрик, — Никто не выдерживает со мной дольше месяца.

— Ничего удивительного, — хмыкнула я.

Снова пошел дождь и потушил костер. Перед тем, как погаснуть, огонь зашипел. Капли барабанили по железу, по дровам, распрямили мои кудри и намочили мою одежду. Я поежилась: было уже достаточно холодно.

— Сколько времени? — спросила я у Эрика.

Тот посмотрел на небо. Сквозь тучи неуверенно пробивалось солнце.

— Время пить чай, — сказал он.

— Это сколько? — скрестила я руки на груди.

— А во сколько часов начинается английское чаепитие? — хмыкнул Эрик, — Че, реально не знаешь? Ну ты и тёмный лес... Пять часов, детка. Сейчас англичане садятся за

стола, наливают чай в фарфоровую посуду, добавляют молоко, размешивают сахар, хотякто-то пьёт без сахара, достают печенья, пирожные, кексы, торты, собираются всей семьей и неторопливо предаются сему эстетическому занятию.

— Ну ты сейчас загнул, — с уважением сказала я, — Аж самой захотелось попробовать.

— А что тебе мешает? — приподнял бровь Эрик, — Давай сейчас пойдём и нальём чайку. С тебя фарфоровая посуда, потому что у меня её нет.

— Нет, мне надо к врачу, — сказала я.

— К какому? — удивился Эрик, — И почему я об этом ничего не знаю?

— Потому что не твоё дело, — огрызнулась я.

Машины у меня нет, потому я шла пешком. Дождь участился, превратившись в ливень, но при этом было тепло. Жители бежали под укрытия, громко смеясь и защищаясь зонтами, газетами, плащами, дождевиками, мешками и портфелями. А я не пряталась. Шла в своих вьетнамках, майке и шортах, мои волосы превратились в ржавые сосульки, лицо всё промокло и смыло жалкое подобие макияжа, которое я автоматически наносила каждое утро.

— А тебе без косметики лучше, — услышала я.

Парень в пиджаке и в шлеме сидел на мотоцикле. Кажется, то был владелец музыкального магазина. Мотор шумел, приглушая его голос.

— Ты так более живая, настоящая, — продолжил он, — А с косметикой похожа на куклу. Ну, рыжую бестию, горячую девочку.

— А я разве не рыжая бестия? — хмыкнула я.

— Нет, ты рыжая катастрофа, — улыбнулся владелец, — Не страстная ведьмочка из любовных романов, а тайфун. Цунами. Чайка.

С последнего я заржала.

— Дурачок, что ли? Чайки не рыжие. Они кучкуются и орут. Ничего из этого я не делаю.

— Очень даже делаешь, — рассмеялся парень, — А ты куда с таким радостным видом прешь, кстати?

— В психушку, — растянула рот в безумной лыбе я, — Не подбросишь?

Он дал мне второй шлем. Я села и вцепилась в парня. Он дождался, когда я устроюсь, и ка-ак газанул! Дома, окна, прохожие превратились в размытые линии, встречный ветер дул в лицо, по ушам бил мотор. Не представляю, как он мог ориентироваться на такой скорости. Вскоре мне стало дурно. Тошнило, голова кружилась, поднялось давление. Тревожный звоночек. Когда я думала, что сейчас выпаду из сидения и начну дергаться, водила наконец остановился.

Встала, сделала несколько шагов, пошатываясь. Наскоро пробормотала слова благодарности. Владелец музыкального магазина кивнул и поехал дальше. А я осталась перед серым зданием.

Оно всегда вырастает перед тобой внезапно, возвышается, как королевский замок. Одни говорят, что там всегда шумно и события сменяют друг друга как в каледоскопе, в бешеном ритме. Другие — что там всегда спокойно, безмятежно, как в доме престарелых. Но все

сходятся в одном: время там течет всегда медленно. День там кажется неделей, неделя — месяцем.

Я сюда хожу давно. С детства я обиваю пороги кабинетов психиатров. Точнее, это делает мой отец. С целью помочь мне. Мама против, она считает, что я не псих и мне нечего делать в психушке. Нет, мои родители хорошие и я с ними прекрасно лажу. Просто у них свои закидоны.

И вот, я иду по знакомым коридорам. Летом я лежала здесь чуть меньше месяца. Сначала в одиночке, потом в общей палате. Пропила курс таблеток, познакомилась с местными психами. Интересно, как с тех пор всё изменилось?

Вообще, это такое место, где связи непостоянны. Все приходят и уходят, состав окружающей толпы меняется ежедневно. С ушедшими прощаются навсегда, потому что знают: больше нас с ними ничего не связывают. Наши пути разошлись. Хотя, некоторым удается поддерживать связь и вне больницы.

Навстречу мне идет Нелли. Множество косичек, веснушки, толстые колени. Она улыбается мне, демонстрируя брекеты. Здесь она достаточно давно. Очень долгое время лежала в реанимации, а потом в наблюдательной палате. С тех пор в ней что-то сломалось.

— Привет, Зои, — помахала она мне рукой, — Вернулась? Надолго? Или просто посетить мистера Эррони?

— Посетить, — кивнула я.

— На сколько записана?

— Семь часов.

— Ты че?! Сейчас только шесть. Давай сходим в столовку. Сейчас столько новеньких!

Не дожидаясь ответа, она схватила меня за руку и потащила по коридорам. В столовую вел широкий вход с всегда распахнутыми дверями, у которых дежурили санитары, следящие за порядком. Но даже при этом не обходилось без драк и перепалок.

Нелли подвела меня к столику у окна. Положив локоть на подоконник и побперев рукой подбородок, сидел растрепанный мальчик в свитере, изъеденном молью. Он грустно смотрел на голые деревья и кустарники. Рядом с ним сидел смуглый парень с черными волнистыми волосами и полными губами. У него были пушистые, как у модели, ресницы и почти что колдовской взор черных глаз.

— Брайан? — удивилась Нелли, — Тебя уже выпустили?

— Ненадолго, — пробурчал Брайан, — И при условии, что буду хорошо себя вести.

— Ничего, всё позади, — ободрил его черноглазый, — Ты больше не попадешь в это место. Я буду помогать тебе.

— А это Зои, — представила меня Нелли, — Она тут, типа, старожил.

— Куда ей до меня? — хмыкнул Брайан.

— Ты интересная, — внимательно на меня посмотрел черноглазый, — Ты очень интересная. Было бы здорово, если бы ты осталась тут. Мне нужно о многом спросить тебя. А тебе — о многом узнать.

— Не хочу ничего знать, — заупрямилась Нелли, — Давайте просто поедем.

Я посмотрела в тарелку с рисовой кашей и стейками. К горлу подступила тошнота. Все закружилось в бешеном ритме, зажужжало, загудело. Мысли перебивали друг друга, я не успевала их додумать. Мир вдруг стал ужасно большим. Я почувствовала себя Алисой в стране чудес.

— Помогите, — прохрипела я.

— Сейчас, — подбежал ко мне черноглазый.

— Ромео, что это? — обеспокоенно спросила Нелли.

Ромео сжал в руках мое лицо. Чернота его глаз обжигала. На их дне притаилось что-то жуткое.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

— Страшно, — просипела я, — Сладкий запах. Приторно-сладкий. Жуткий. Меня сейчас вывернет наружу.

Ромео отвесил мне оплеуху. Потом другую.

— Держи себя в руках, — скомандовал он, — Нельзя. Ни в коем случае. Терять контроль над собой. А то хуже будет...

Внезапно он позеленел.

— Как-как ты сказала? — переспросил он, испуганно уставившись на меня, — Сладковатый...

Дальше я ничего не помню. Помню только, что всёзакружилось в бешеном вихре, всё засосало в водоворот.

— Она приходит в сознание.

— Без тебя вижу, дурень.

— Припадочная, блин.

— Мистер Эррони, это неэтично.

Надо мной склонилось множество голов. Сама я лежала на кровати. Санитар занес надо мной шприц.

— Нет! — я ударила его по руке.

Шприц отлетел и разбился. Санитар громко выругался. Меня прижали к кровати.

— Всё в порядке, — мягко сказала я, — Не надо мне ничего колоть. Я в порядке, просто немного испугалась.

Несмотря на это, мне что-то вкололи. Явно неправильно, потому что мне было очень больно, я даже вскрикнула.

— Так, Нелли сказала, что у тебя были галлюцинации. Так?

— Ну...

— Они сопровождались дереализацией?

— Да.

— Как обычно? Мир ненастоящий?

— Эм...

— Ты принимала таблетки, которые я тебе прописал?

— Да. Я пропила весь курс.

— Чувствовала какое-то действие? По-прежнему бессонница, кошмары?

— Вроде того...

— Значит, назначим тебе что-нибудь потяжелее. Сейчас тебе придется полежать в реанимации. Твое состояние нестабильно, мы не хотим, чтобы ты повредила себе или другим. Скоро снотворное подействует, и ты заснешь. Здоровый сон — это важная составляющая реабилитации.

Вскоре палата опустела. Все перед глазами расплывалось, веки как будто налились

свинцом. Мне стало как-то тепло. Даже жарко. Проваливаюсь...

Красные бездарности

Дни были однообразными. Потолок. Лампы. Уколы. Еда. Сладость. Таблетки. Мелькающие белые халаты. Я вцеплялась в любое нарушение этой унылой повседневности. Например, в черное пятно мухи. Она шустро ползала по потолку, едва слышно жужжа. Вскоре она улетела, а я начала плакать и ерзать в постели. И после это переросло в истерику.

— **Я НЕ МОГУ ЗДЕСЬ НАХОДИТЬСЯ! КАК ВЫ НЕ ПОНИМАЕТЕ, ЧТО ЭТО МЕСТО ДАВИТ НА МЕНЯ?! ЭТО НЕ БОЛЬНИЦА, ЭТА ТЮРЬМА! НЕМЕДЛЕННО ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА! НЕ-МЕД-ЛЕН-НО!**

Меня скрутили, я вырывалась, брызгалась пеной, закатывала глаза, визжала, плевалась, царапала санитаров, била их, пинала, проклинала. Меня крыли матом под замечания доброго психиатра в очках. Эта добрый психиатр — единственный лучик света здесь, и если бы не она, я бы давно рехнулась и передушила тут всех.

Дальше был сон. А после сна — сладость и больная голова. Несколько дней я находилась как бы в оцепенении. Или то были не дни? Я потеряла счет времени. Всё смешалось в единую кашу, все звуки — в единую какофонию. Лекарства выкачали из меня силы злиться. Осталось лишь на дне моего сознание навязчивое желание что-то сказать Нелли.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил мистер Эррони.

— Удовлетворительно, — ответила я, — По пятибальной шкале на четверку.

— Сколько пальцев я показываю?

— Три.

— Какое сейчас время суток? — спросил он.

— День. Я недавно позавтракала. Меня зовут Зои Пеперс, мне 16 лет. С памятью всё в порядке, можете не беспокоиться.

— Ты хорошо сегодня спала? Что снилось?

— Спала неплохо. Мне приснилось, что я везла пингвина на велосипеде покупать виноград на итальянском фестивале. Один раз просыпалась среди ночи. Дальше мне снилось что-то про пляж.

— Вот как. Радуйся: если твоё состояние не ухудшится, тебя в скором времени переведут в общую палату.

— Я рада.

— Хорошо, отдыхай.

Он вышел, хлопнув дверь.

А я итак отдыхаю. Целыми днями отдыхаю. Интересно, когда я смогу отдохнуть от этого отдыха?

Тупое равнодушие. Навязчивая одержимость. Мне нужно сказать ей что-то. Но что? Что? Это не дает мне покоя. Я запуталась в своих мыслях и порой мне казалось, что это уже не я.

Что-то новое рождается во мне. А может, оно всегда во мне было?

Лапмочка мигает. Её давно пора поменять, но никто не хочет. Всем лень. И не надо. Тут

всё старое, застыло во времени. И эти пыльные коридоры, надписи на стенах, грязная плитка туалета, хорошо спрятанные окурки в туалетах, скрипящие качели в саду. Анахронизм. Вневременные чертоги.

— Собирайся. Тебя переводят в общую палату.

Чему там собираться? У меня никаких вещей с собой.

Меня встречают родители. Дали мне стопку журналов, шарфик, шапку, свитера, платья, юбки, брюки. Подачки строго проверялись персоналом. Потом отводят в общую палату. Я открываю скрипучую дверь в невиданный, крохотный и замкнутый мир. Пахнет порошком, пижмой и мятой. Только одна кровать занята. То была Нелли. Она усердно переплетает косички, ей помогает Ромео.

— Зои! — вскрикивает она, заметив меня.

Нас оставляют. Она кидается мне на шею. Ромео приветственно кивает.

— Какой сейчас день? — спрашиваю я.

— Пятое ноября, — радостно отвечает Нелли, — Ты все пропустила.

— Ничего, скоро зима, — успокаивает Ромео, — Всё наверстаем.

Он вертит в руках радиоприемник.

— Ты его настроить забыл, — высовывается в дверной проем девочка.

Я сажусь на кровать рядом с Нелли и Ромео. Радио громко шипит, Ромео шипит вместе с ним. Нелли покатывается со смеху.

— Как забыл, если не забыл? — огрызается Ромео.

— Вот это колёсико, — устало сказала девочка.

Она протягивает руку и вертит колёсико. Вскоре сквозь шипение начинают пробиваться обрывочные звуки песни. И этого хватило, чтобы Нелли оживилась, а девочка скривилась

— О нет, только не он, — простонала девочка.

— Мариам, ты ничего не понимаешь в хорошей музыке, — снисходительно сказала Нелли.

— Давайте на моё переключим, чтобы никому не было обидно, — миролюбиво предложил Ромео.

— Опять американо? — разозлилась Мариам, — Вы мне не даете слушать мою любимую музыку! То визги, которые обожает Нелли, то итальянские мяукания! А я, может, блюз хочу послушать...

— Это еще хуже, чем то, что слушает Нелли, — сказал Ромео.

Я молча подошла к радиоприемнику и переключила на какую-то станцию. Заиграло диско.

— Дискотека! — воскликнула я.

Потом вскочила на кровать и принялась танцевать. Нелли засмеялась и присоединилась ко мне. Мы взялись за друки и принялись лихо отплясывать сальсу. Ромео хлопал в ладоши, Мариам хлопнула себя по лбу. Забавляясь над испанским стыдомдевочки, мы хором подпевали:

Ты не кто иная, как охотничья собака,

Которая всё время лает.

Действительно, ты никогда не ловила кролика,

И ты не друг мне!

И сказать, что у нас не было слуха — ничего не сказать. Мы были бездарностями. И нам это нравилось. Это была моя первая теплая компания. После мы не один раз так собирались.

Сбежали во время отбоя, негромко включали радио, сооружали палатки из подушек и одеял и прятались там, представляя, что сидим в пещере у костра и рассказываем истории. Иногда к нам приходим Брайан, приносил гитару и пел. В основном то был "вкус мёда" и "лестница в небо". Играл отлично, а вот пел — не очень. И примечательно то, что мне ни разу не удавалось поговорить с Нелли. Даже когда пришла Кларисса. Девочка из клуба шахмат, тихоня, известная своим странным поведением в начальной школе и удивительными рассказами о её снах. Мы её приняли к себе, но было уже не так весело. Замечала это только я, чувствуя отчуждение. И его источником была она. И потому я втихую начала её ненавидеть.

Вместе с ней пришел Блейн. Ужасная язва, художник гениталий и жутко невыносимый тип. И в то же время самый проникательный человек во всей больнице. Быть может, и во всем городе. Мудрец с плащом из Млечного Пути. И глаза золотые, как лава, как янтарь, как Солнце. И он был жутко влюбчивым типом. Достаточно было не послать его — и он бегал за тобой хвостиком, посвящая тебе "портреты". Но наших девочек такие ухаживания совершенно не трогали. Они, конечно, любили его, трепали по голове, тискали, хохотали, а порой убегали от него, но становиться его музой не желали.

— Гляди, Нелли, что я нарисовал!

Показалась голова Блейна. Он демонстрировал нам гиганский лист с не менее гиганским рисунком. Мариам закричала и чуть не свалилась с кровати. Ромео прикрыл глаза руками. Нелли заржала. Кларисса сморкнулась и принялась кашлять.

— Что же ты свою специализацию расширять не желаешь? Порисуй, например, лица...

— Это лицо! — не своим голосом закричал Блейн, — Не видишь, что ли?!

— Не вижу! — вторила ему Нелли, — Это гениталии!

— Вы можете заткнуться?! — заорала я, — Музыку из-за вас не слышно!

Приемник работал с перебоями. Каждый из нас предлагал разные способы его починки. Мариам штудировала справочники. Брайан без конца крутил колесики и нажимал на кнопки. Ромео просто стучал по нему. Но ничего не помогало. Посему я в тот момент сидела злая и раздраженная, битый час пыталась понять, что с ним не так.

— Да забей ты на него, Зои, — положил мне руку на плечо Ромео, — В зале проигрыватель есть. Без этой развалюхи обойдемся.

Делать было нечего. Я спрятала его в шкафу в соседней палате, забросала вещами и с тяжелым сердцем вернулась, мысленно прощаясь с нашим старым приятелем.

— Да ладно, не кисни, подруга, — вскочила Нелли, — Сейчас телек обещали включить.

— А у нас он есть? — хмыкнул Ромео, — Я думал, это просто декорация.

Мы всей компанией бросились в зал. По телевизору шел мультфильм про чипа и дейла. Перед ним образовалась толпа, регулируемая санитарями. Мы протиснулись вперед, чем навлекли на себя неодобрительные взгляды и брань, уселись и принялись смотреть. Телевизор — всегда радостное событие, потому что редкое. Сколько раз была тут, а застала его включенным всего два раза, не считая этот.

— Разве я настолько плох? — прошептал Блейн.

— Вовсе нет, — улыбнулась Нелли, сверкнув брекетами.

— Заткнитесь, — прошипел Ромео.

Блейн обнял Нелли, та положила голову на его плечо. Мариам скривилась, а я

улыбнулась. Но тут же меня полоснуло жуткое чувство. Как только мультик закончился, я шепнула Нелли, что мне нужно поговорить с ней наедине. Блейн с Ромео заинтересованно на нас посмотрели, а Мариам неодобрительно покочилась. Кларисса шепотом пожаловалась, что у неё нестерпимо болит горло и с утра мучает температура.

Мы пошли с Нелли в служебный туалет, который служил курилкой, беседкой, местом для свиданий, для чего угодно, в общем, но не для справления нужны. Медперсонал ходил в туалет на другом крыле, потому что в этом всё было раздолбанно, прокуренно и воняло так, что можно задохнуться.

— Что такое?

Нелли устроилась на подоконник. Её трясло от смеха. Проницательностью она не отличалась.

— Нелли, меня постоянно преследует такое чувство, будто тебе что-то угрожает, — сказала я.

Она резко побледнела.

— Это всё началось с Кларриссы. А может, с белого платка. А может, и с того, и с другого. Хотя, всё-таки с Клариссы.

— Ты можешь говорить по существу или нет?!

— Просто я заразилась от неё гриппом. Горло очень болит. Даже говорить больно.

— Поэтому ты пропустила завтрак?

— Да. Не перебивай меня. Короче, потом у меня начался насморк, и я нашла платок. Белоснежный такой, даже жалко было его пачкать. Но я всё-таки высморкалась его и спрятала в шкаф. А ночью я увидела свою смерть. Утром платок исчез.

— Ты... что?!

— Увидела свою смерть. Ты дрыхла, как убитая, а я побежала к мальчикам. Когда в палате два Знающего, я скорее побегу туда, чем обращусь к тебе, уж извини.

Да. Точно. Знающие, прозвища, Грань, Иные. Я что-то слышала об этом, но мне такая жизнь казалась далекой и недоступной. Я не была её частью. Пока.

— Королева предложила мне выбор. Уйти с ней или остаться. Вырваться или умереть. Я предпочла второе. Вечность думает, что из-за неё я умру. Что если бы не она, то не было бы никакой опасности. Быть может, это и так. Но она предложила выбор. Она не хотела моей смерти. Когда дело касается меня, Вечность не отличается рациональностью.

— Почему же ты предпочла умереть? Если верить рассказам этих... Иных, то Грань — это хорошо.

— Не совсем. За всё платят. Королеве пришлось отречься от всего, что любила, чтобы стать серым кардиналом больницы. Я не хочу быть частью Грани. Не моё это...

Она подобрала окурок, почертала его в руках и бросила. На стене зарыбились надписи. Я снова почувствовала сладковатый запах.

— Зато её частью можешь стать ты, — повернулась она ко мне, — Ты Буревестник, я это при первой встрече поняла. В какой-то степени ты Джонатан Ливингстон, чайка-мечтатель. И в какой-то степени ты несешь на крыльях шторм. Нет, это не будущее, это настоящее: просто ты, пролетая над морем, видишь, как вдали рождаются гиганские волны, и летишь оповещать моряков и жителей берега. Но можешь ли ты что-нибудь изменить? В конечном счете, у каждого из нас есть выбор.

— Только верный ли он? — спросила я.

— Для меня верно лишь остаться. Я не смогу быть частью Грани. Она плохо на меня

действует.

Нелли грустно улыбнулась.

— Вечность меня обычно называет Травницей. Я еще летом готовила вкусный чай. И цикорий таскала. Весело было... Уже не посидим так. Ты меня подмени, ладно?

Она рассмеялась. И с каждым смешком она разбивала моё сердце. Один смешок — один осколок.

Серебрянный снег

Эта зима была не холодной, но мокрой. Тем не менее остальные носили шарфы, шапки, свитера, сапоги чуть ли не до колен. То была скорее дань приватной моде, чем цель утеплиться. Я ходила в майке и шортах, а когда было слишком холодно, то накидывала на плечи кожанную куртку, и потому меня за глаза называли ведьмой. Но признавали, что рядом со мной почему-то теплее.

Мы несколько раз убегали из больницы посреди ночи и гурьбой бежали по направлению к заброшенному зданию, забирались на послений этаж, распологались на остатках крыши и пели под гитару или укулеле. Мы — то есть Брайан, Блейн, Ромео, Нелли, Кларисса и Мариам. Последняя сетовала на то, что она только на дневном стационаре и не может ночевать с нами. Ромео говорил, что нечего ей здесь делать, Брайан мрачно кивал, погружаясь в воспоминания о Клетке.

Потом мы возвращались, принося запахи дыма, сухих листьев и теплой земли, ложились спать, каждый видя свой сон. И если как следует сосредоточиться, то можно было почувствовать, кому что снилось. Кларисса рассыпалась, и с каждой ночью какую-то её часть уносило ветром. Или то был жуткий водоворот? В любом случае, то место, куда она попадала каждую ночь, было нехорошим и она рвалась оттуда, но безуспешно. Вокруг Брайана сгущалась тьма, она струилась по его венам и артериям, текла из него подобно черному дыму и слизи, заполняя палату враждебными тенями. А у изголовья кровати Ромео сидел темный силуэт, и что-то в нем было от самого Ромео, но они не были похожими.

И только у кровати Блейна сгущался космос, переливаясь тысячью оттенков, сверкая звездами и галактиками. Это его звездный плащ и звездная постель, и только там он чувствует себя кем-то.

Вечером мы ходили на крышу. Иногда к нам присоединялись компании, иногда мы присоединялись к ним. Танцевали, прыгали, скакали, бесились, танцевали, гонялись друг за дружкой, рисовали на двери и стенках вокруг красками, сидели на краю, свесив ноги и встречали закат. Кларисса лежала сзади и сморкалась в платочек, Ромео предлагал её лечебный чай, а она всегда отказывалась, Нелли и Блейн обнимались в сторонке, Брайан сидел в одиночестве и о чем-то думал. В те минуты он был похож на нахохлившегося вороненка.

— Есть такая народная песенка в Исландии, — сказала я ему в одну из таких посиделок, — О вороне, которому зимой нечего было есть и он замерзал.

— Исландцы, как всегда, поражают высокой концентрацией позитива в творчестве, — невесело усмехнулся Брайан, — Одна сказка об утопившейся великанше чего стоит.

Я включила примус, забрав травяной чай у Ромео.

— Ты чего такой невеселый? — спросила я.

— Прислушайся к ощущениям, — посоветовал Брайан, — Ты же чувствуешь торнадо и землетрясения.

Я расслабилась, закрыла глаза. И чуть не обмерла: вокруг него настолько сгущена тьма, что даже если закрыть все двери и окна в комнате и занавесить шторами, то всё равно будет светлее. И на самом дне притаился нечеловеческий страх.

— Как мне это надоело, — пробормотал Брайан, — Это когда-нибудь закончится? Мне

иногда кажется, что я и не жил вовсе. И правда: чернокрылый Ворон.

— Что, надежды на спасенье нет? — спросила я.

— Ну, разве что если кто-нибудь согласится разбить своё сердце за меня, — мрачно улыбнулся Брайан, — Кто-то, с кем я связан всю жизнь. Кто-то, кто посылает мне хорошие сны.

— Ну надо же, — хмыкнула я, — То один болезнь соглашается разделить с возлюбленной, то другая разбивает за него своё сердце. Любить вас нормально не учили?

— Не знаю, — буркнул Брайан, — Думаешь, мне самому хочется, чтобы за меня умирали?

Он лег рядом с Блейном, дав понять, что не намерен продолжать этот разговор. На его место села девушка с розовыми волосами.

— А ты у нас кто? — проворчала я.

— Радуга, — улыбнулась девушка, — Мои глаза меняют цвет в зависимости от настроения.

— Вот как.

— Видишь, какие у меня сейчас?

— Зелёные.

— Это значит, что я спокойна. Когда я зла, они чернеют. Когда мне грустно, они становятся синими. А при страсти — красными.

Я чуть не подавилась чаем. Она ехидно на меня посмотрела.

— Это не очень удобно, знаешь ли. Люди всегда видят меня насквозь.

— Сомневаюсь, что они видят изменения цвета твоих глаз. Иначе давно бы сдали тебя на опыты.

— Они чувствуют изменения моего настроения. А вот мои глаза для них всегда серые... Только ты их видишь. Я у многих спрашивала.

— Здорово...

Мы замолчали. Она смотрела вверх, на перламутровое небо, а я вниз, за сады без листьев и цветов, пожухлую траву, припорошенную снегом. Белые хлопья падали вниз, плавно кружась и оседая на мои волосы и руки. Сзади кашляли Нелли, Кларисса и Блейн. У Нелли был надрывной, лающий кашель, она задыхалась, и в тот момент, когда я повернулась, чтобы предложить помощь, на её платке показались пятна крови.

— Да ты вся горишь, Нелли, — ужаснулась темнокожая девушка, — Быстро в инфекционку.

— Всё в порядке, — просипела Нелли.

Блейн молча подхватил её на руки и побежал вниз. На лестничном проеме мы столкнулись с санитарями. Те молча потащили Нелли в инфекционную палату. Врач в очках остановила Блейна и Клариссу и осмотрела их горло, измерила им температуру и отправила их вслед за Нелли. Мы с Ромео испуганно переглянулись.

— Что теперь будет? — едва шевелящимися губами спросила я.

— Не знаю, — прошептал Ромео, — Но кто-то из них уже не вернется.

Я почувствовала клокочущую ярость.

— Это всё Кларисса виновата, — процедила я, — Халаты тоже хороши. Как они могли впустить больную сюда?!

— Может, проглядели, — рассеянно отозвался Ромео, — Ласка вообще очень лояльная. Нас до сих пор с побегами не поймали частично благодаря ней. Ладно, не кисни. Пошли в

палату.

— Как я могу вернуться в палату?! — вспыхнула я, — Она же умрёт! Как я могу это допустить?!

— Это её выбор, — сказал Ромео, — Я уважаю чужой выбор. Потому я сейчас вернусь в свою палату и буду ждать начала ужина. И тебе предлагаю сделать тоже самое.

Я решила подсмотреть. Окна палат инфекционного отделения выходят на внутренний дворик. Дождавшись, когда Ромео отвлечется на разговор с девочками, я улизнула в сад.

Снег медленно падал крупными хлопьями, грозя заполнить собой всё. Я задрала голову. Потемневшее пустое небо, тянущиеся к нему стены, черные ветки деревьев, одетые в снег, словно в фольгу. И черные провалы окон. В одном из них показался Вечность. Он смотрел на меня, прислонив ладонь к стеклу. Расстояние между нами было достаточно большим, но я видела отчаяние в его глазах. То был первый и последний раз, когда я видела его таким.

— Говорят, что между людьми, встретившими первый снег, останется связь на всю жизнь.

Я попыталась оглянуться, но тот же голос меня остановил:

— Не оглядывайся. Я исчезну.

— Получается, у меня связь как минимум с сотней людей?

— С тобой так сложно...

Я поёжилась от холода. Голые плечи целовали снежинки.

— Скажи ещё что-нибудь... Теплое. Я так хочу весну.

— Попадёшь на восьмую — станешь королевой.

— Тогда мне придется поседеть и пожертвовать родителями. Алисе и не снилось.

— О, Алисе очень даже снилось!

— Мы говорим о разных Алисах...

Незнакомец рассмеялся.

— Не кисни, Буревестник. Всё наладится и весна придет. Но вот близко к воде не летай. Перья намокнут. Икару и не снилось!

— Здравствуйте, дети, как многие из вас знают, меня зовут Ян Силарио. Помимо психотерапии я занимаюсь искусством.

Брайан зевает. Ромео внимательно смотрит, грозя прожечь в бедняге взгляд. Девушка с разноцветными глазами, которую звали Мелисса, жевала и полусонным видом. Девочка рядом со мной пыталась съесть свои волосы. Мальчик за мной отбивал ритм пальцами.

— Искусство обладает целительной силой. Оно заставляет обнажить твою душу, исследует её до самых темных уголков, придает сил жить дальше. В своё время я спасался в своих картинах.

Девочка передо мной спит, положив голову на парту. У неё почти серые волосы со множеством заколок. Она громко храпит, и это здорово мешает.

— Также искусство может служить средством самовыражения. Вы слышали о таком явлении, как арт-терапия?

Те, кто слушают, дружно мотают головами.

— Выплесните свои эмоции на кусок бумаги. Слепите своё внутренне я из пластилина. Сшейте его, сделайте. Вы можете задействовать любые материалы. Вы абсолютно свободны.

Мы приступили к работе.

— Всегда ненавидел уроки искусства, — шепнул мне Ромео, — Не умею я работать руками.

— А у меня проблемы с визуализацией, — внутренне напряглась я, — Все расплывается. И в голове, и когда я рисую или пишу.

— Дисграфия, что ли? — приподнял бровь Ромео.

— Не знаю. Мне трудно сосредоточиться. Даже в средней школе я никак не могла научиться нормально писать и читать. Иногда буквы забывала. Поэтому я так ужасно учусь.

— А у тебя это с рождения?

— Не знаю. Мне говорили, что в начальной школе я была драчливая и несколько раз попадала в больницу. Но я мало что помню оттуда.

Ромео открыл рот, чтобы ответить мне, но вдруг послышался дикий визг:

— ЭТО ЧТО ТАКОЕ?!

Это была та самая спящая девочка. Она показывала руками в рисунок Брайана. Мы с Ромео бросились к ним.

— Что случилось? — спросила я у своего друга, — Чего она испугалась?

— Я просто рисовал свои сны, — буркнул Брайан.

Я посмотрела на листок. На нем был изображен темный тоннель, грязная вода с бурым оттенком и какие-то уродливые твари, выползающие из щелей. Они смотрели своими пустыми, ничего не выражающими глазами, виляли своими голыми хвостами, а их кожа была сморщенной, белой и наполовину гнилой. Они скалились и грозились выбраться из рисунка. И на секунду мне показалось, что одна из них прыгнула на меня.

— Что это такое Вы нарисовали, мистер...

Над рисунком склонился психотерапевт, с интересом его изучая.

— Просто Брайан. Это мои сны.

— И где происходит действие?

— В канализационном тоннеле.

— А ужасные монстры тогда кто? Работники?

— Не знаю.

— Это связано с каким-нибудь событием? Когда они вообще начали Вам снится?

— Сколько себя помню.

Психотерапевт озадаченно на него посмотрел.

— Может, предпосылкой к ним послужило какое-нибудь трагическое происшествие?

Может, Вы заблудились там?

— Не знаю.

— Посмотрите на мою скульптуру, мистер Силарио, — вмешалась Мелисса, — Это танцующий дельфин!

— Очень красиво, мисс. Он что-нибудь значит?

— Да! Когда я была маленькой, я ездила в дельфинарий в соседнем городе! И мне очень понравилось! Это мое самое счастливое воспоминание. Дельфины такие милые! Я хотела быть дельфином.

— Это очень хорошее воспоминание. Подольше сохраните его в себе, оно согреет вас в холодные дни.

— Ах, какие прекрасные слова, мистер Силарио!

Ромео скептически фыркнул:

— Я поражаюсь просто. Говорит очевидные вещи с таким умным видом, будто открыл непостижимую тайну. А главное, на это ведутся!

— Ревнуешь? — усмехнулась я.

— Вот еще, — со злостью сказал Ромео, — Просто мне совершенно не хочется заниматься этими порисовками. Зачем это вообще надо?

— Может помочь, — сказала я.

Ромео вздохнул и принялся шить. Все вокруг чем-то занимались, мастерили, рисовали, бросались друг в друга пластилином, смеялись, показывали друг другу свои творения. и я почувствовала уже с детства знакомую обиду. И одиночество. Как будто я законсервировалась в возрасте 11-летней девочки.

— Апчхи! Как же сопля достали. И горло болит, как будто в нем мои соседи ремонт затеяли! — девочка с кототкими кудрявыми волосами и торчащими резцами села рядом со мной.

— Элиза? — удивилась я, — Ты опять здесь? А как же санаторий?

— Накрылся санаторий! Дорого, блин. Че грустишь?

Она взяла кисточку и принялась что-то рисовать.

— Ой, из меня энергия так и прет! Конечно, из меня всегда она прет, но на этот раз особенно прёт! Прямопрёт!

— Рада.

— Че не рисуешь? Это легко. Давай!

Она вложила кисточку мне в ладонь и принялась водить моей рукой.

— Давай, че ты хочешь нарисовать?

— Не знаю... Может, чайку?

— Ой! Это так скучно. Давай лучше осьминога нарисуем.

Она принялась мазюкать. Через минуту листок украшал розовый осьминог в темных очках в виде звездочек, который играл на барабанах.

— Класс, да? — улыбнулась она, — Ну, скажи, класс!

— Я тут подумала... Интересно, если бы тут был Блейн, то какое лицо было бы у художника, увидь он его "шедевры"?

— Блейн — это тот смешной мальчик, рисующий промежности? Ой, он такой милый, он и меня нарисовал и бегал потом за мной. Такой милашечка! Цветы еще дарил, которые с куста сорвал, а заливал, типа он их контрабандой достал!

Мне сделалось грустно. Интересно, как там Блейн?

Элиза продолжала болтать, потом достала пакетик с картошкой фри и соусом, принялась жевать и параллельно объяснять психотерапевту глубинный смысл этого рисунка. Я встала, оперевшись о стол, и продефилировала к выходу. Поймала на себе взгляд Ромео. Покачала головой.

Коридоры опустели. Зимой здесь обычно тоскливо, насколько я помню. За окном шел дождь вперемешку с мокрым снегом. Я поднялась на крышу, села на край и принялась смотреть на небо.

— Привет, — сказал какой-то парень.

В его уши были воткнуты наушники.

— Дай плеер, — сказала я.

— Окей, — сказал он, — Кому-то надо погрустить. Понял. Только двадцать минут, ладно?

— Отдам.

Он дал мне плеер.

— Тут есть много грустных песен. Тыкай на любую и, скорее всего, не ошибешься.

Я кивнула. Он перешел на другую сторону и устроился за будкой. Я легла на холодную поверхность крыши. Снег падал с неба, засыпал меня, целовал мою кожу, таял в волосах. И мне хотелось навсегда остаться здесь, в этом снегу. А может быть, и самим снегом стать.

— Если заснуть среди цветов черёмухи, то во сне ты можешь стать снегом. Ощущения здоровские, вот только таять очень больно...

Ворон сел рядом со мной. На нём был ярко-красный шарф, который ему не совсем не шел. Не глядя на меня, он обмотал шарфом и мою шею.

— До сих пор не могу просушить своё оперение. Кто бы батарею мне подогнал?

— И почему вы все так любите говорит загадками?

— Все — это кто? — заинтересовался Ворон.

— Просто я ходила на задний двор, потому что туда выходят окна из Склепа. И там я слышала голос, который сказал мне не оборачиваться, иначе он исчезнет.

Ворон побледнел.

— Неужели Скрипичный Ключ? Он же ни с кем не разговаривал... Я от него мог добиться только посиделок вдвоем.

— Скрипичный Ключ?

— Да... Видимо, он, после того, как сколлапсировал, стал более разговорчивым.

Я посмотрела вдаль. Показалось, что снежинки осветили лучи рассвета. Но были по-прежнему сумерки, лиловые, сгущающиеся. И пусть. Ненавижу утро.

— Когда я успела стать такой? — спросила я.

— Какой? По-моему, ты классная.

— Воспоминания куда-то ускользают. Я не понимаю, кто я, что со мной случилось. Я даже прочитать ничего не могу, хотя выпрашивала у Халатов книги. Буквы смешиваются.

— Ты сейчас своё состояние описала, — улыбнулся Ворон, — Я даже не помню, с каких пор мне не дают покоя кошмары. Быть может, мои крылья всегда были черны. И я черная дыра, которая затягивает свет. Это так невыносимо.

— А как же твоя суженная?

— Я искал её. Я столько искал её. Вглядывался в лица девчонок, пытаюсь отыскать что-то от музыки. Но нет. Её не было нигде. Какое-то время я думал, что это Мелодия, но потом понял, что ей самой нужна помощь.

— Найдешь ещё. Уверена, найдешь.

— Только где? — хмыкнул Ворон.

Ко мне подошел парень, протянув руку за плеером. Я протянула его. Тот удовлетворенно кивнул и ушел.

— Хочешь, покажу тебе кое-что получше, чем то, что ты только что слушала? — предложил Ворон.

— Давай. Дерзай.

Он лег на крышу и указал на место рядом с собой.

— Закрой глаза, — сказал он, — Расслабься.

В голове роились мысли. они не давали друг другу прохода.

— Да перестань ты думать. Просто... лежи, и всё. Мысли — это облака. Будь ветром, разгони их.

Я попыталась последовать его совету. Стало как-то спокойно. Поверхность крыши превратилась в теплую траву, снег — в лепестки цветов. Ветер шумел, трепал мои молосы. Сквозь него тихо прорывалась песня. Я вся обратилась вслух, впитывая каждую ноту. Песня была похожа на шум прибоя и крики чаек, на шелест леса и стрекот кузнечиков, на треск костра и звон капель. Словно полуденный зной и запах ягодного варенья, словно цветущая черемуха и спелая вишня, словно крылья голубя и изогнутая шея лебедя, словно спираль ракушки и пятна камня на пляже.

— Что это? — прошептала я.

— Говорят, это поет само здание, — сказал Ворон, — Скрипичный Ключ часто играл эту мелодию,

— Это... Это очень красиво.

— Знаю, — сказал Ворон, — Не каждый может услышать её. Значит, ты и впрямь Иная... Я так рад услышать её. Она успокаивает.

Я стала подпевать. Кажется, Ворон удивился, но слушал внимательно, и, кажется, ему нравилось. Да и мне стало так хорошо, как будто меня уносило в неведомые дали, и надо мной было только небо.

— Я как корабль наоборот, — сказала я, — А небо — это море. И ему нет конца. И я вечно буду плыть, качаясь на волнах и чувствуя прохладный ветер и лучи солнца.

— И кроме этого моря, ничего нет?

— Совсем ничего. Бескрайние воды без пиратов и миражей.

Песня стихала, улетая куда-то вдаль. Как будто птица на крыльях её уносила. Или бабочка.

— Мне стало легче, — сказала я.

— А мне — ещё хуже, — рассмеялся Ворон.

— Давай, шевелись. Я ждать не буду.

Мы шли по пыльной лестнице. Его фигура маячит далеко впереди. Я едва успеваю за ним. Мы выходим в тесный коридор, подходим к ржавой двери. Ромео взламывает замок и открывает дверь...

Нас обдаёт запахом пыли, старой бумаги и дерева. В теплом пепле погребены игрушки, волчки, погремушки, соломенные куклы, тетрадки с однотонными обложками. Едва слышно играла музыкальная шкатулка. И, кажется, я узнала эту мелодию...

В у окна, купаясь в лунном свете, стояло пианино. Искореженное, кособокое, но всё же пианино. И даже стояла нотная тетрадь.

— Ты знаешь, что Вечность был пианистом? — тихо спросил Ромео.

— Что? — обалдела я, — Вот это разносторонняя личность.

— Он ненавидел этот инструмент, потому что с ним были связаны плохие воспоминания. Но потом я привел его сюда и он заиграл. Как он играл... На этом пианино любой может сыграть, если его коснется лунный свет. Но так, как Вечность, не сыграет никто.

Я тронула клавиши. Они были теплые, гладкие. Принялась играть произвольную мелодию, но получалось у меня неважно.

— Он мог без нот сыграть, — сказал Ромео, — Мог подобрать их на слух и воспроизвести по памяти в три часа ночи. Спросонок. Через десять лет.

— Да прям уж, — рассмеялась я.

— Ладно, мы не за этим сюда пришли, — сказал Ромео.

Он лёг на теплый пепел. Я плюхнулась рядом с ним.

— Не делай ничего, — сказал он, — Я сам всё сделаю.

Внизу был город, пестревший крышами, фонарями, заснеженными газонами. Мы поднимались всё выше. Я взмахивала своими крыльями, чувствуя небывалую свободу и легкость. Мне казалось, что я сверну все горы мира.

— Скажи, какая я птица? — спросила я Ромео.

— Чайка, — удивился тот, — Кто же ещё?

Сам он был острокрылым стрижем с точеным клювом и дерзким взглядом блестящих глаз. Он летел впереди, рассекая воздух, и указывал мне путь.

— А куда мы летим? — спросила я.

— Через океан, — сказал он.

Город сменился заснеженной пустыней. До самого горизонта не намечалось никаких деревьев, только редкие заброшенные постройки: заправочные станции, магазинчики, хижины, фермы... Вот и моя была ферма. С голым пшеничным полем, на котором теперь, увы, ничего не росло, загон, хлев, маленький кирпичный домик. По дороге на всех парах пчала машина, в которой сидела молодёжь.

— Летом здесь красивее, — сказал Ромео, — Жаль, что тогда я не взял тебя с собой.

— А я тогда только на терапию ходила, — сказала я.

Если бы я могла показать ему язык, то я бы показала.

Дул холодный и пронизывающий ветер. Он залезал под оперение, подталкивал сзади, гнал тучи к югу. А впереди маячил город, как дворец в Ксанату. Как и всегда, он был полон огней, придорожных кафе, гостиниц, цветов, гирлянд, уличных музыкантов и художников, продавцов жаренных каштанов. Неудивительно, почему все рвутся сюда. Если тот город давит, то этот освобождает.

Зимний пляж — это пристанище одиноких, поэтов, художников и мечтателей. Они сидят на голом песке и задумчиво смотрят вдаль, или же бродят вдоль кромки воды. Выше на скале стоял реабилитационный центр — предмет мечтаний наших. Попасть туда — это лучше, чем попать на Карибы или Гоа. Цветы, кафе-веранда, балкон с видом на закат, музыка, доносящаяся из города и пляж совсем рядом. Окна в комнатах выходили на море, и больные засыпали под шум прибоя, и снились здесь только самые лучший сны. Понятно, почему стоил он таких бешенных денег.

Но нам нужно было лететь дальше. Вскоре и город, и реабилитационный центр остались позади, сделавшись маленькими, далекими и недостижимыми. А впереди была только гладь океана, волны, белая пена и облачное небо.

— Думаешь, долетим? — спросила я.

— Долетим, — твердо ответил Ромео.

Я отражалась в воде. Белопераячайка с черными "черчатками" на крыльях. Я гордо выпятила грудь.

— Быть может, я и вправду Джонатан Ливингстон, — сказала я.

— Наверное, — отозвался Ромео.

Пейзаж не менялся: море, небо, отражение. Ни шторма, ни вечера. Крылья начинали затекать.

— Я устала, — пожаловалась я.

— Устала? — недоверчиво переспросил Ромео, — Ты птица, если что. Как ты можешь устатьлетать?!

— Ну, ходить я тоже устаю, — пробормотала я.

Ромео устало вздохнул.

— Еще немного осталось.

— Ну да, другой континент — это так близко...

— А мы летим не на другой континент. Мы летим в Огненную Землю.

— А такая есть? Круто!

— Да. Самая южная точка Америки.

Он вдруг резко повернул в сторону.

— Потерпи, еще немного осталось.

Я напряглась. Ради Огненной Земли можно и потерпеть. Потерпеть и затекшие крылья, и раздражение, и скуку.

Вскоре мои мучения были вознаграждены, и вдали замаячила земля. Вопреки моим представлениям, то был скалистый берег с пингвинами, маленькие и уютные домишкии заснеженные горы.

— Где же тут огонь? — спросила я.

— Посмотри вниз.

Горело множество костров. Дым, затмевающий звезды, огни, тянущиеся к небу,

отражающиеся на льду. о свет в домах, и бенгальские огни, и алый закат, отражающийся в море и окрашивающий небо.

— Мореплаватели, впервые прибывшие сюда, увидели множество костров, разжигаемых туземцами. И поэтому назвал это место Огненной Землёй.

— И впрямь, — восхищенно сказала я, — Огненная.

— Ой!..

Ромео закашлялся. Я испуганно посмотрела на него.

— Всё в порядке? — спросила я.

— Да, — процедил Ромео, — Просто слишком долго продержался. Мой рекорд, знаешь ли.

— Знающие могут такие штуки? — спросила я.

— И не только, — сказал Ромео.

— Вот бы стать одной из вас...

— Не надо это тебе. Тьмы в тебе нет, но не твоё это.

— Ой, да ну тебя.

Он закашлялся еще больше, согнувшись в три погибели.

— Эй, не стоило так напрягаться...

— Ради тебя — не жалко, — улыбнулся Ромео.

Она умерла в пять часов утра. Сквозь штору пробивался рассвет, по стеклу скатывали капли дождя, небо было голубым с фиолетовыми облаками. Она не дождалась цветения сирени и черемухи, не дождалась дуновения южного ветра и весенних ливней. Я уверена — зефир бы её согрел. Но теперь она холодна и бледна. И сердце Вечности остыло навсегда, той веселой искринки не было в его золотых глазах.

Когда её уносили, мы всей гурьбой провожали Халатов, несмотря на то, что нас пытались прогнать. Я видела её посиневшее лицо, закрытые глаза, тень ресниц, раскиданные спутавшиеся волосы, круги под глазами, впавшие щеки. Никто не думал, что всё так выйдет. Никто не думал, что мы потеряем её. Никто не думал, что она выберет смерть.

После этого в больнице царил атмосфера отчужденности и было холодно, несмотря на то, что близилась весна. Но потом её забудут, как забывают всех ушедших. Сюда приходят и уходят, и мы друг другу лишь попутчики.

Мы продолжили жить дальше: жгли костры, убегали по ночам, делали цветы из бумаги, рисовали, пели под гитару, сидели на крыше, носились по саду, но что-то изменилось, так неуловимо, и потому вынести это было невозможно. Поэтому Мариам ушла, не выдержав нагнетающей атмосферы и в особенности пустого взгляда Брайана.

— Странно, что я в ней нашел? — спрашивал он, вырезая из бумаги, — И что она нашла во мне?

— Она не пугалась твоих рисунков, — сказала я, — И не видела в тебе всезнающего мудреца.

— Тоже мне, причина, — рассмеялся Блейн.

Он закончил свой цветок. Белый, с желтым в центре. Много-много таких цветочков на извилистой ветке, сделанной из картона.

— Я ей постоянно дарил такие букеты, — сказал он, — Зимой ведь цветов не нарвешь.

— Так даже лучше, — сказала я, — Цветы сорвать каждый может. А вот сделать... Я бы не смогла. Лепешки какие-то сморщенные всегда получаются.

— Вот и у меня сразу не получилось. Но мне хотелось ей подарить что-нибудь этакое. Только ей. Белые цветы, как на её платье. Она его часто рвала о ветки деревьев и никак не могла нормально зашить. Ромео пришлось каждый раз распарывать и заново зашивать. Потом ему это всё надоело и он решил научить её сам... В итоге оба так расбушевались, что чуть в одиночку не попали.

Он глухо засмеялся. Мне стало страшно.

— Не надо, — попросила я, — Когда тебе смешно от того, что больно, это признак того, что ты сходишь с ума.

— Ну надо же, какие мы просвященные. А то, что мы в психушке — это не признак? — съязвил Блейн.

— Да мы тут как на курорте, — хмыкнула я, — Какая же это психушка?

— И то правда, — согласился Блейн, — Я был в психушке в другом городе. Вот там действительно психушка, с решимом, как в армии, с решетками на окнах, таблетками на завтрак и прогулками под наблюдением медперсонала. Да и больные там другие...

Он положил цветы в вазу на окно. Они смешались с другими: красные маки Ромео, моя

ветка сакуры, желтые тюльпаны Клариссы.

Последняя была легка на помине. Открыла дверь, замерла в проёме. Лохматые волосы, стеклянный взгляд, худые руки, торчащие кости на запястье. Блейн сморщился, как будто съел лимон. Я схватила его за руку и повела прочь из палаты.

— Куда? — удивился он, — У меня терапия через десять минут.

Я не отвечала. Мы спустились по скрипучим деревянным ступенькам крыльца, вышли по каменистой тропинке в сад. На деревья были развешены гирлянды, привязанны цветы из цветной бумаги и фенечки.

— Чувствуешь? — спросила я.

Подул теплый ветер, принес запах талой воды, корицы и мокрой травы. Запах приближающейся весны.

— Да... — сказал он, — Скоро весна. А за ней лето. Как думаешь, каким оно будет?

— Очень хорошим, — сказала я, — После него останутся светлые воспоминания.

И то была правда, уж я-то знала. Конопатое, цветущее лето. Самое лучшее лето.

Я шла по направлению к кухне, чтобы взять стакан лимонада. На скамейке возле кабинета Ласки сидел, сложа руки на коленках... Эрик собственной персоной. Он ослепительно улыбнулся, сощутив зелёные глаза.

— Какая встреча, — сказал он, — Думала от меня скрыться? От судьбы не убежишь, сладенькая.

Я воздела руки к потолку.

— За что мне такое несчастье?

— Ты хотела сказать, счастье? — хмыкнул Эрик, — Согласись, я ведь такая лапочка.

— Да, настолько лапочка, чтоя вынуждена тебя покинуть. Не могу вынести твоей убийственной харизмы.

Я побежала сломя голову на кухню. Осушила стакан лимонада. Потом ещё. И ещё. Успокоилась. Вернулась в палату. Легла в постель. И тут в палату вплыла черным лебедем лучшая подруга и по совместительству причина моих неприятностей.

Золотая флейта

Она была глубока, как океан, горделива, как орлица, невероятно, словно сон. За неумелым макияжем скрывались следы усталости и застывшая маска ужаса, а шляпа скрывала колтуны и жирные корни. Непохожая ни на что: ни на сон, ни на явь. Безумная шляпница.

Вошла и внесла в нашу жизнь хаос. Пугала по ночам кошмарами, днем незримой тенью следовала повсюду. Как раз в то время ушла Кларисса, и потому мне пришлось вкусить всю прелесть её так называемой черной крови.

— Вот честно, даже я не настолько страшен, как она, — сказал как-то раз Брайан.

Он снимал промокшие цветы-оригами с веток дерева, склонившихся над окном из ординаторской.

— Куда ейдё тебя, — хмыкнул Ромео.

— Да, надеюсь, у неё до такого не дойдет, — согласилась Мариам.

Она собирала мусор с газона и складывал его в урну.

— Почему намусорили все, а убирать должны мы? — жалобно спросила она, — Что за незаконная эксплуатация труда несовершеннолетних?

— Трудовая терапия, — развел руками Ромео, — Радуйся, могли бы на завод отправить.

— А я вся свечусь от радости, не заметил? — мрачно спросила Мариам.

— Акуда Блейн подевался? — спросила я.

— Ушел, — вздохнул Ромео.

Пшеничные волосы Мариам развевались на ветру, некоторые пряди прилипали к вискам. Она взглянула на меня.

— Вернется, — сказала Мариам, — Куда денется? Обычно сюда возвращаются.

— А ты бы вернулась?

— Нет... Мне бы подлечиться, подсушиться... И тогда я уеду в реабилитационный центр в Эвер-Порте и никогда сюда не вернусь.

— Повезло тебе, — с завистью сказала я.

Она отвернулась, продолжила убирать мусор с деревьев. Ромео хмуро наблюдал за нами. Брайан залез на дерево, чтобы дотянуться до крупного цветка, сделанного из какой-то блестящей ткани.

— Чего киснем? — послышался знакомый невыносимый голос.

В меня полетела струя воды. Через минуту и я, и Брайан, свалившись с дерева от неожиданности, были насквозь мокрыми. Ромео возмущенно привстал, а Мариам принялась хохотать.

Эрик пнул ногой дверь и побежал по ступенькам, перепрыгивая через одну.

— Ну вот, теперь я весь запачкался, — огорченно сказал Брайан.

Эрик щедро полил его струей из водяного пистолета. Я шокированно уставилась на это чудо техники. Поймав мой взгляд, Эрик ослепительно улыбнулся.

— Зацени, какой крутой бластер! — он потряс им перед моим носом, — Я теперь похож на супершпиона!

— Ага, супершпионку из "тотали спайс", — заржал Брайан.

— Скорее, на ученика начальной школы, — проворчал Ромео, — Что за детский сад,

мистер Самый-невыносимый-тип-во-всей-мультивселенной?

— Так школа или детский сад? — хмыкнул Эрик, — Определись, Ромми.

— Смотри, как бы Брайан не заревновал, — фыркнула Мариам, — Только он так может его называть.

— Брайан тоже не может, — покраснел Ромео.

— Могу, — ухмыльнулся Брайан, — Ромми, Ромми, Ромми!

— Ты у меня сейчас получишь!

Ромео погнался за ним, но Брайан уж очень быстро бегал. Эрик с радостными воплями носился вокруг них, одной рукой стреляя из водяного пистолета, другой держа меня. Мариам хлопала в ладоши, подпрыгивая на месте и заливаясь безудержным смехом. На мои полуумоляющие-полуиспепеляющие взгляды она никак не реагировала.

В итоге мы все промокли до ниточки и раскидали весь мусор. Ромео, заметив, что я стучу зубами, накинул мне на плечи свою куртку.

— Фу, Зои, она же пропахла нафталином! — поморщилась Мариам.

— Или гуталином? — предположил Брайан.

— Или гуанином! — подхватил Эрик.

— Или пурином! — продолжил Брайан.

— Тоже мне, химики, — надулась Мариам.

— Ну уж прости, с серебрянной посуды не едим, — развел руками Ромео.

— Заметь, не я это сказала, — хмыкнула я, укутываясь в куртку.

Ей было лет двадцать, и предназначена она была явно для суровых алясских морозов, но никак не для наших теплых зим. Растрепанными, вспотевшими, промокшими и грязными нас заметили санитары и нам как следует влетело. Нас послали сушиться, потом пришел мистер Эррони и накричал на нас, надрываясь, что мы худшие больные за всю историю больницы, не считая нескольких с прошлым году, и что нас надо рассовать по изоляторам. Мы надрывались от смеха, передразнивая его, а он от этого злился ещё больше, чуть ли не пар из ушей шел. Потом пришла мисс Алингтон и наорала на мистера Эррони, а Эрик подарил ей одуванчик.

— Первопроходец, — гордо сказал он, — Практически раньше всех рассвел.

— Тогда зачем срывать его было? — рассмеялась мисс Алингтон, состроив довольную улыбку, как у сытого кота.

— Видишь, как меня все любят? — посмотрел на меня Эрик, — Я такой очаровательный ребенок, с кудряшками и ангельской улыбкой.

— И с милейшими большими ушами и аппетитным носом, — закончил за него Брайан, — Но тебе далеко до Блейна.

— О да, Блейн ещё тот дамкий угодник, — рассмеялась я, — А помните, как он Розе подарил портрет со вложенным в него цветком?

— Ага, и ещё такой: "я хотел запечатлеть красоту твоего лица, но даже самый лучший художник не смог бы этого сделать", — покатывался Брайан, — Она потом так гонялась за ним.

— А помните, как он подумал, что Гарри — это девочка? И такой: "у тебя такая летящая походка, даже не слышны твои шаги, это поступь королевы!" — хрюкал от смеха Ромео.

— А помните, как он впервые подрался с Сьюзи? — хохотал Брайан.

— Ой, Сьюзи — это вообще отдельная история, — держался руками за живот от смеха Ромео, — Девочки с ней так мило заигрывали, думая, что она мальчик! А она... Помнишь,

что она говорила?!

— "Вы все дочери собак, сношающихся на помойке, чтоб вас заперли смотреть на то, как чувак два часа выдавливает свои прыщи!" — передразнил её Брайан, — "Че ты там вякнула, девка с мордой тюленя?! Сейчас тефтели из тебя сделаю, почувствуй силу Швеции!"

— А помнишь, как она пугала тебя сосисочными человечками? — фыркнул Ромео, — "По ночам у них вырастают ручки и ножки, и они бегают в твоём желудке! У особо чувствительных начинает пучить живот. Они думают, что это газы, **НО ЭТО ЧЕЛОВЕЧКИ БЕГАЮТ В ИХ ГРЕБАНОМ ЖЕЛУДКЕ!!!!**"

— Перестань, — катался по дивану от смеха Брайан, — Сейчас Мариам испугается, будет бегать к тебе по ночам! А помнишь, как Джонатан...

Он резко встал, перестав смеяться. Ромео подскочил к нему.

— Ну, будет тебе... Чего ты? Все нормально. Нормально.

Брайан положил голову на его плечо и закрыл глаза. По щеке скатилась слеза.

Я погрузилась в воспоминания.

Рыжая, рыжая, до боли рыжая, до боли родная.

Рыжая, рыжая, твои щеки конопатые моё сердце рвут на части!

— Гарри, заткнись!

В Гарри полетела жестяная баночка. Парень хохотал, взмахивая своими каштановыми локонами до плеч. Брайан подыгрывал на укулеле. Тогда он не так осунулся, но выглядел всё равно неважно. И все время пропускал завтраки.

— Эй, Брайан, задница ты ослиная, ты какого Гарри пропустил завтрак?!

В дверном проеме показалась розововолосая голова Сьюзи. От такого сравнения Гарри ещё больше заржал.

— Не хочу, — буркнул Брайан, — Тебе надо — ты и ешь.

— Сейчас у меня котлеты из ишачьего помета лопать будешь, — пригрозила Сьюзи, — Давай, кушай пюре. Вкусный пюре, горяченький. Пальчики оближешь!

Не дожидаясь ответа, она схватила мальчика за ухо и потащила его в столовую. Гарри вздохнул.

— Не ест совсем парень. А ты чего не ешь? Говорят, тебя утром стошнило?

— И вчера меня тошнило, — буркнула я, — Наверное, съела чего-то не то.

— А может, Луна на тебя так действует, — усмехнулся Гарри, — Сейчас же полнолуние. Вот ты и превратилась ночью в оборотня, покушала человечинки, а потом, когда ты стала человеком, желудок понял, что ты натворила, и поспешил избавиться от этой гадости.

— Будешь так шутить — и тебя съем, — устало погрозила я.

Из сада послышалась музыка. Мы подбежали к окну, оперлись на подоконник. Снизу, перед клумбой играл Джонатан. Черные кудри, весь пухленький, с деревянной флейтой. Я села на подоконник, свесив ноги. Ветер развеивал подол платья, дул в лицо. Тень от листвы падала на сад, в её зелени прятались щебечущие птицы. В волосах Джонатана были спрятаны розовые цветы.

— Эй, Джо, дай флейту, — сказала я.

— Эй, Джо, куда это ты собрался с пушкой? — пропел Гарри.

Я злобно зыркнула на него и спрыгнула, приземлившись рядом с Джонатаном.

— Так можно? — протянула я руку.

Он дал мне флейту. Деревянная, вся в занозах, кое-где лишайник. Я скептически на неё посмотрела и подула. Вышел какой-то сдавленный свист.

— Да ты просто охренительный музыкант, рыжая, — захохотал Гарри.

Я огорченно отдала флейту Джонатану. Он снова заиграл. Вокруг заплясали огненные единороги, то появляясь, от исчезая, расцвели цветы в его одежде, летали бледнокрылые бабочки, словно сотканные из лунного света. Я замороженно смотрела на Джонатана. Он посмотрел на меня своими черными глазами. Как-то печально посмотрел, что ли. Никогда не забуду этот взгляд.

На секунду я увидела образ падающей с крыши девочки. Рыжей девочки.

— Перед тем, как ну-ты-понял, он позвал меня на то же самое место, где он любил играть. Хотел показать мне, с кем я связан. Встреча та не состоялась.

Брайан понурил голову. Воздух вокруг него стал напряженным, горячим. Почувствовав это, я умоляюще посмотрела на Эрика.

— Так, народ, хватит киснуть! — поймал мой взгляд Эрик, — Лучше пойдёмте знакомиться с ведьмой.

— Я уже с ней знаком, — буркнул Ромео.

— А я нет! — возмутился Эрик, — Возражения не принимаются. Пойдемте-пойдемте!

Одной рукой он схватил меня, другой — Брайана. Мы покинули палату и побежали искать Клэр. Эрик заливисто смеялся — этакая смесь характера Гарри и внешности Джонатана. Брайан тоже улыбался, и это была его последняя улыбка перед Клеткой.

Класс, залитый солнцем. Блики гуляли по золотистым партам, освещали доску, исчерченную мелом, раскрытые страницы книг на учительском столе и деревянный пол; заставляли пыль сиять. На подоконнике сидели птицы и весело щебетали. Цветы тянулись к солнцу, роса на темно-зеленых листьях блестела. Недалеко от стекла качались на ветру цветущие ветки, шумели зеленью, сыпали семенами. Пахло новой бумагой, лавандой и деревом. Воздух был так горяч, что вдыхать было больно. Вот он, солнечный, цветастый май — месяц пустеющих классов, лениво протекающих уроков, ярких маек, загорелых плеч и физкультуры на улице, больше похожей на веселые игры.

— Май мне кажется самым лучшим месяцем. Я бы хотела, чтобы у меня было такое имя.

Она стояла, облокотившись о подоконник. Её косы были растрепаны, торчащие волосы сияли в солнечном свете, делаясь похожими на ореол.

— Прогуливаешь физкультуру?

— Мне сегодня совсем не хочется гонять в мяч. Мне хочется уехать куда-нибудь в лес, где много прохлады, зелени, запаха листьев и травы, и кленовый сок.

— Разве тут есть лес? Это же выжженная пустыня, наш город — жалкая попытка сотворить оазис.

— Я переписываюсь с девочкой из другого города. Он окружен лесами, и их класс постоянно устраивает походы и купается на пляже. Она присылала фотки. Очень зеленый город.

— Если их город зеленый, а Эвер-Порт синий, то наш...?

— Наш желтый. Цвета пыли.

Пыль поднялась и закружилась, унося с собой всё, закрывая небо, превращая город в пустыню, сравнивая дома с землей. И меня она куда-то понесла на своих крыльях, и как бы я не брыкалась, вырваться я не могла.

Кларисса сопела рядом. Белая ткань одеяла вздымалась и опускалась в медленном ритме. Было душно, как будто она заполнила всю комнату своим равномерным дыханием. Я посмотрела на часы. 05.30. Ненавижу это время.

Я подошла к окну, раздвинула шторы, открыла форточку. Поток теплого воздуха ворвался в комнату. Посмотрела вниз, и мне показалось, что я увидела кудрявую сгорбленную тень.

— Эй, Джо, куда это ты собрался с пушкой? — вполголоса пропела я.

Я закрыла глаза, подставив лицо порывам сквозняка. Капало с сосулек. Хлопали крыльями птицы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Где-то вдали заиграла песня. Тот же мотив, манящий, как игра Крысолова. Крысолов... Что-то было знакомое в этом имени. И это никак не было связано с детской сказкой.

Неведомая сила влекла меня на улицу. Я открыла настежь окно, вскочила на подоконник и спрыгнула на газон, увязнув в холодной жиже. Не заботясь ни о том, что я в

одной ночнушке, ни о том, что я не закрыла окно, ни о том, что меня могут заметить, я побежала по садовой дорожке, оставляя за собой грязный след. Впрочем, меня не заметили: ни когда я пробегала под деревьями с молодой листвой и набухшими почками, ни когда я перелезла через забор, едва не ободрав подол ночнушки.

Я бежала по улицам города, наполненная такой легкостью, словно меня накачали гелием, и мне хотелось улететь прямо в небо, невзирая на то, что я лопну в высших слоях атмосферы. Свет неона слепил меня, шум мотора оглушал. Я шлепала по лужам, уворачивалась от летящих мне навстречу машин, грозно сверкающих фарами, обегала ночных прохожих. Мелодия прочно въелась мне в мозг, диктовала ритм моему сердцебиению, дыханию, сделалась моим серотонином. А всё остальное сделалось блеклым и незначительным, словно находилось по ту сторону монитора.

Очнулась я уже в заброшенном доме. Сквозь рваные кирпичи виднелось светящееся небо с последними звездами. На стенах смешивались надписи, рисунки, узоры, пол кирпичная пыль красила в рыжий.

Крысолов стоял передо мной, сверкая очками, глядя из-под черных волос. Мне подумалось, что он был очень похож на Ласку.

— Интересно, кто-нибудь жил в этом доме? — спросила я, — Он выглядит пустующим много лет.

— А ты как думаешь? — спросил он, — Кто, по-твоему, мог в нем жить?

Страшная догадка полоснула меня.

— Нет-нет, — помотала я головой, — Лучше бы он остался в моей памяти как загадочный дом, который всегда был таким.

— Первое впечатление — это, конечно, здорово, но вредно. Так не докопаться до самой сути.

Он подошел ко мне и развернул к окну. Отсюда, с небольшой возвышенности, хорошо просматривался город. Сеть широких улиц и узких переулков, крохотные дома, похожие на спичечные городки, островки зелени, колыхающиеся, словно водоросли, и всё это сияло золотым и синим. Я завороченно смотрела вниз.

— Это тот город, который вижу я.

— Желтый. Ненавижу желтый.

— Но желтый очень красив. Цвет солнца. Цвет застывшей древней смолы. Цвет глаз Вечности.

— Но они у него янтарные. Это совсем другое.

— А какой цвет нравится тебе?

— Я не...

Снова заиграла песня. Она могла исполняться на самых разных инструментах, но мотив был тот же. Тогда почему я её не узнавала? Потому что исполнялась она совсем разными людьми. Крысолов — он и есть Крысолов. Хитрый, манящий, заволаживающий. Джонатан не был таким. Джонатан был из тех, от самого присутствия которых было легче.

— Ваши правильно уходят, что не скорбят по ушедшим. Они провожают их с радостью. Линии, что однажды пересеклись, больше не пересекутся.

— Он часто на меня смотрел, как будто что-то хотел сказать. Он знал слишком много, и это его в конце концов погубило.

— Думаешь?

Он протянул мне флейту. Пыльную, набухшую от сырости, но я её все равно узнала.

— Где ты её достал? — прошептала я.

Он загадочно улыбнулся.

— Что с ней надо сделать? — спросила я.

— А как думаешь ты? — спросил он.

Я поднесла её к губам. Как и ожидалось, вместо мелодии был только сдавленный свист. Но я упрямо продолжила, преставив, что могу играть. Крысолов присоединился ко мне, наши мелодии слились в одну, обволакивая округу дуновением августа, ароматом уютных солнечных деньков, проведенных в тенистом саду и ощущением безграничного счастья. Моя флейта рассыпалась пеплом, который тут же унёс ветер.

— Спасибо... — услышала я знакомый мне голос.

— Что я сделала? — спросила я у Крысолова.

— Освободила его, — сказала я, — Прямо сейчас в одиночной палате сиделка услышит сдавленный хрип и увидит уставшую улыбку. Скрипичный Ключ покинул катакомбы, влекомый твоей мелодией.

— Берегись, коллега, теперь мы соперники, — усмехнулась я.

Вдали заалел рассвет. Небо окрасилось в ярко-оранжевый.

— Видимо, я никогда не узнаю тайну, что он хотел поведать мне, — сказала я, обернувшись.

Но Крысолова уже не было. Я спустилась вниз, вышла из дома и побрела по улицам. Шел весенний дождь. Первой марта. Я была первой, кто встретил весну.

— Привет, весна! — кричала я, прыгая и громко хлопая в ладоши, — Мы тебя жаждали! Добро пожаловать, весна! Добро пожаловать!

Прохожие шарахались от меня, а я заливалась громким смехом.

Внезапно передо мной выросла Ласка.

— Ой, а Вы откуда здесь взялись? — удивилась я.

— Не знаю, как ты, а я пришла. Ногами, — отчеканила Ласка, — И мне интересно какая неведомая сила увлекла вас сюда. Голоса в голове? Маленькие зелёные человечки?

— Что за стереотипы? — притворно возмутилась я, — Вы же психиатр, как Вы можете?

— Ладно, маленькая несносная девочка, — поморщилась Ласка, — Пойдемте обратно в больницу. Отмываться будете и греться. И объяснять, что с Вами случилось.

И всё-таки они очень похожи, Ласка и Крысолов.

— А теперь объясни, какого хрена это было?

— Мистер Эррони, это неэтично.

— Ты слишком мягка, поэтому твои подопечные такие необузданные и недисциплинированные.

— А ещё радостные и счастливые.

— Но так они никогда не излечатся. Вспомните Джонатана.

Я вздрогнула. Рука чувствовала тепло нагретого утренним солнцем стекла. На подоконнике была пыль, мотылек бился крыльями о стекло, снаружи в паутине блестели капельки воды. А я сидела здесь, в кабинете мистера Эррони, и его лысина сверкала в свете энергосберегающих ламп.

— Не смейте трогать Джо! — прорычала я, — Он ни в чем не виноват!

— Никто не виноват, Зои, — мягко сказала мисс Алингтон.

— Джо был слабаком! — рявкнул мистер Эррони.

— Хватит! — стукнула кулаком по столу мисс Алингтон, — Перестаньте так отзываться о больных, иначе я дам об этом знать заведующей.

По щеке скатилась слеза. Мне хотелось разбить о голову мистера Эррони вазу, стоящую по правую сторону от меня. Или убежать отсюда, закутаться в постель и никогда не вылезать.

— Ещё раз, что заставило тебя покинуть здание больницы без разрешения лечащего врача? — осведомился мистер Эррони.

— Ваша лысина сияла слишком ярко. Я чуть не ослепла, — процедила я.

— Я должен знать, что это было. Вдруг опять обострение, голоса в голове или ещё какая неведомая хрень, — сплюнул мистер Эррони.

— Оставьте её уже в покое, — устало сказала мисс Алингтон, — Вы её тут уже час прессуете.

— А что тебе мешает уйти? — хмыкнул мистер Эррони, — Я с ней разговариваю, а не с тобой.

— Я просто захотела прогуляться, — отмахнулась я, — За окном был такой красивый рассвет. Я скучаю по городу.

— Вот как? Тогда запасись терпением, выпишут тебя нескоро, — фыркнул мистер Эррони, — У тебя не то состояние. В прошлый приём ты закатила мне истерику и пыталась укусить.

А я ему и впрямь устроила разнос, потому что тот не выпустил меня на прогулку и хотел утяжелить нейрорептики. А я итак чувствую себя героиней фильма про ужасы карательной психиатрии. Спасибо, что не лоботомия.

— Хорошо, — сказала я, — Нет так нет. Я могу пойти спать?

— Да, иди, — ответил мистер Эррони, не поднимая головы, — Значит, просто скучаешь по воле... Хорошо.

Я вздохнула, встала с дивана и ушла, громко хлопнув дверью.

— Тяжелый мяч. Череп раскроить может.

Гарри недоверчиво вертел мяч в руках. Его волосы были собраны в пучок и пахли машинным маслом. Джонатан помогал Сьюзи прикрепить самодельную сетку для баскетбола.

— Не страшно? — смешливо посмотрел на меня Гарри своими зелеными глазами, — Если попадет по голове, то будет сотрясение, гарантирую.

— Хватит чушь пороть, — фыркнула Сьюзи, — Ниче не будет. Мяч на то и рассчитан.

— А ты что думаешь, Джо? — обратился Гарри к Джонатану, — Эй, Джо!

Джонатан пожал плечами.

— Тебе не надоело тянуть эту шарманку? — закатила глаза Сьюзи.

— Не ссорьтесь, — попросила я, — Лучше Давайте уже начнем игру.

— И че мы, втроём будет играть? — проворчал Гарри, — Это тупо.

— Вчетвером, — сказала Сьюзи, — Джо тоже будет.

Мы с Гарри одновременно заржали, представив Джонатана, играющего в баскетбол.

— Да, он гений баскетбола! — заходился Гарри, — Просто Майкл Джордан!

Сью грозно на него посмотрела, и тот заткнулся. И началась игра...

...В результате которой по мне попали мячом благодаря Гарри, который не в состоянии рассчитать силу удара. Перед глазами всё смешалось, раздался непонятный грохот, который едва не заглушил меня, появился желтый туман. Честно говоря, я вообще не поняла, что произошло, и несколько секунд находилась в полном беспмятстве.

— Ало! Земля-Зои, говорит Гарри, приём!

Голос Гарри отдавался эхом. Вскоре показалось и его встревоженное лицо. Голова гудела. Дежавю? Я много раз ударялась головой, но почему-то именно этот случай породил во мне странной чувство того, что так уже было, когда-то давно, и осталось на самых далеких задворках моих воспоминаний.

— Не открывай ящик, Пандора, — прошептала я.

— Че? — обалдел Гарри, — Так, я позову Ласку.

— Не надо никого звать! — испугалась я, — Со мной всё хорошо.

Джонатан с интересом смотрел на меня своими круглыми глазами, как Джоконда. Забавно, что остальные не помнили, какого цвета у него глаза. Он прятал их за лохмами, ходил с опущенной вниз головой. Их видела только я и Ласка.

Голова опять саднило. Хуже того: мне на какие-то дикие три минуты показалось, что моим телом управляет другой человек. Руки и ноги не слушались меня, даже ритм дыхания и морганий был другой. И я даже закричать не могла, только умирать от страха, будучи не в силах отбросить его прочь. И когда я наконец совлала с собой, я закричала не своим голосом. Мне казалось, что люди где-то далеко, и чтобы меня услышали, я должна кричать как много громче. Это заставило сбежаться санитаров и скрутить брыкающуюся меня, вколоть транквилизатор и потащить в одиночку. Хотя тогда я уже была без сознания.

Первое, что я увидела, когда открыла глаза, был свет ламп. Ну конечно. Опять реанимация. Кто бы сомневался. Я туда как на работу хожу. Ладно, с этим я перегнула, это скорее про Брайана.

— Обычная тоска по воле, значит? — грозно надвинулся на меня мистер Эррони, — Впрочем, я тоже хорош. Где были мои глаза.

— Будто я это контролирую. Будто я это выбирала.

Мне хотелось прокричать эти слова ему прямо в лицо, выплюнуть, как пресную кашу, как горячий кофе, но всё, что у меня получилось — это жалкое сипение.

— Я понимаю, что не выбирала. Я тебя не обвиняю. Просто хватит уже.

— Ну да! Конечно! Это так весело — сходить с ума! Это такая, так её перетак, привелегия! Обожаю терять связь с реальностью, не быть уверенной в завтрашнем дне, с пеленок ходить по рукам врачей и терпеть косые взгляды из-за приступов. О-о-о, приступы — это вообще отдельная тема! Веселухза полная — судороги, потеря сознания, агрессии, галлюцинации, навязчивые состояния, пена! Весело! Весело! Весело! Балдэжполный! Все чики тусят у нас в больнице! Ну-ка пенку вверх! Туц-туц-туц!

Я всё это говорила громким шепотом, и, кажется, что-то подействовало, но мистер Эррони быстро взял контроль над ситуацией и сказал мне заткнуться, иначе мне вколят ещё успокоительного. Потом заставил меня описать причины приступа, моё состояние, назадал наводящих вопросов, нахмурился, сказал, что это деперсонализация и оставил меня в одиночестве. Я лежала, зажмурившись, мои глаза слезились от яркого света, губы едва шевелились, не говоря уже об остальных частях тела. Не знаю, сколько я опять так пролежала, пока меня пичкали едой и выносили за мной горшки, но потом меня всё-таки выпустили.

— Наконец-то, — процедила я на очередном сеансе групповой терапии.

— Зои? — удивилась Клэр, — Ты где была?

— В реанимации, где ж ещё? — хмыкнула я, — Лежала, как овощ, ходила под себя.

— Этот мистер Эррони регулярно нарушает медицинскую этику, — прошипел Ромео, — Не удивлюсь, если он лоботомию и электросудорожную терапию начнет практиковать.

— У нас одну пытались токомлечить, — вспомнила я, — Гарри рассказывал. Правда, то был не мистер Эррони. Мисс Алингтон тогда помешала, да и заведующая подключилась. Отстояли девушку.

— Да ну? — присвистнула Клэр.

— Да врёт он, скорее всего, — хмыкнула Кларисса, — ЭСТ редко где лечат. И подростков вряд ли будут. Тем более против воли. У нас, конечно, много отсталых, но так, чтобы настолько?

— И где психотерапевт? — закатила глаза Клэр, — Отличное медицинское обслуживание у нас. По международным стандартам, чтоб их.

В комнату ворвался молодой человек в костюме, с очками набекрень и галстуком с бегемотиками.

— Извините, — принялся кланяться он, — Простите. Опоздал. "Битлджус" не могу пропустить.

У него был азиатский акцент, но "р" он выговаривал как француз. Но при этом был похож на скандинава. Смешной дядька, но все обожают его.

— Итак, начнем? — глупо улыбнулся он, растанув рот до ушей.

Все по очереди принялись рассказывать об изменении своего состояния, выполняли различные задания, состоящие из психологических упражнений. Я с трудом выдержала до его конца.

— Так сколько я пролежала там? — спросила я у Клэр.

— Не знаю... День? — пожала та плечами.

— Че? То есть, ты даже не придавала значения тому, что меня нет? — обиженно спросила

я.

— Почти сутки, — сказал Ромео, — Потом мисс Алингтон начала ругаться с Эррони и приказала выпустить тебя отсюда. Видела, что метод Брайана на тебя не подействует. Одиночество давит на тебя.

Навстречу нам побежали детишки в разноцветных свитерах.

— Весна, — хмыкнул Ромео, — Как сказал мистер Эррони, время обострения у всяких психов.

Мы вышли на крыльцо. Близилось начало лета, и всё вокруг кричало об этом.

— Скоро июнь, — сказала Кларисса.

— Вот и хорошо, — сказала я, — Ненавижу май.

— Я тоже, — признался Ромео, — У меня аллергия.

— Хочешь, подарю цветы? — осклабился Эрик.

— Интересно, с каких пор ты ненавидишь май? — мрачно спросила Кларисса.

— А что, хочешь вернуть? — резко спросила я, — Потому что я лично нет.

— Успокойтесь, дамы, — миролюбиво сказал Эрик, — Мир и любовь!

Кларисса внимательно посмотрела на меня через свои очки. Цепи прошлого нас связывали, цепи, свисающие вниз, в темноту. То, откуда они брали начало, было недоступно моему понимаю. Может, оно и к лучшему.

Не открывай ящик, Пандора.

Багряные метаморфозы

Июнь сопровождался песней цикад, запахом горячих грязных волос и запекшегося пота, полуденной негой и ощущением сухости в горле. И чем жарче становилось, тем более ухудшалось моё состояние, тем ближе подступало ко мне прошлое, тем больше раскрывалась дверца ящика Пандоры.

Когда вернулся Блейн, мне стало легче. Вдвоём мы с ним гуляли по крыше, воображая, что линия горизонта — океанская гладь. Он мне рассказывал о севере и юге, о горах и морском дне, о забытых мелодиях и сожженных рукописях. Мы не говорили, подобно "образованной молодёжи", о классике литературы, философских течениях и проблемах, об иных мирах и высшем разуме. Мы говорили о том, что здесь и сейчас, о том, что было и всегда будет. Мы не тянулись к звёздам — нам хватало блеска воды и солнечных зайчиков. А иногда мы заходили на чердак, и он играл на пианино. Сначала неуверенно, нехотя. Ромео говорил, что сначала он чуть ли не шипел при виде этого инструмента, а сейчас он играл, закрыв глаза, повторяя пение соловья, свист ветра и шум прибоя и листвы.

— Дед заставлял играть меня на этом инструменте, — говорил он, — Кровь стекала с моих пальцем, окрашивая клавиши в красный. На концертах многие плакали, но они не знают, что это кровавые песни.

Он сжимался от страха, делаясь вмиг беззащитным и маленьким.

— Ты знала, что многие пианисты и скрипачи ненавидят музыку? Что многие балерины видят станок в кошмарах? Искусство построено на реках крови. Гении дома выпускают свои когти, а в глазах публики остаются вдохновенными слугами народа, преданными вечным темам.

В те минуты даже воздух становился плотным. Он пугал меня, и я просила его прекратить. И тогда он делался прежним добродушным и слегка язвительным пареньком.

Не открывай ящик, Пандора.

Эрик мог веселить меня, устраивать всякие шалости подобно Карлсону, но он мог лишь заглушать. Быть может, он и шумел, чтобы перебить свой внутренний крик. А может, я опять делаю из окружающих лирических героев.

Меня пичкали таблетками, кололи, донимали терапиями, мистер Эррони всячески меня унижал, выворачивая мою душу наизнанку, и потому мы с Эриком отыгрывались на санитарах. Угоняли тележки, я сидела, он вез, а иногда мы устраивали гонки с Клэр и Ромео, а Блейн с ехидным видом мелкого предпринимателя принимал ставки. Дрались едой в столовой, порой устраивая масштабные войны. Рисовали на стенах, писали всякие глупости, бегали по коридорам во время отбоя, подсовывали санитарам крыс, жуков, тараканов и пауков, соревновались в небылицах во время групповой терапии. Победу присудили Эрику: он создал целую эпопею об инопланетном жителе шкафа, являющимся носителем коллективного сознания межгалактической империи колонизаторов, присланным, чтобы поработить человеческий вид.

А потом к Эрику присоединился Саймон. Он прибыл одновременно с вернувшимся Блейном. Саймон был удивительно лохматым, небритым, похожим на Йети, а на руках у него были нарисованы созвездия. Когда я его впервые встретила, он сидел на скамейке возле кабинета мистера Эррони, сложив руки и выпрямив спину, как школьница на общем фото.

Воозле сидел Эрик, жеманно что-то ему рассказывая, держа в руке стакан с трубочкой и лимоне, нанизанном на зубочистку.

— Эрик, ты отпочковал себе собрата? — удивилась я, — Что это за кадр?

— Если я Эрик Первый Препротивнейший, то он Саймон Второй Придурочный, та сложно догадаться, что ли? — проворчал Эрик.

— А почему второй? — села я рядом с Саймоном.

— Потому что первый у нас я, — Эрик чуть ли не светился от гордости, — И только я. А он — моя правая рука.

— А я думала, я твоя правая рука, — обиделась я.

— Ну, ты моя правая нога, — примирительным тоном сказал Эрик, — Тоже очень ответственная должность.

— А ты у мистера Эррони, что ли, наблюдаешься? — спросила я. — От всей души сочувствую тебе.

— Что, настолько всё плохо? — испуганно спросил Саймон.

— Конечно! — оживился Эрик, — Ты не представляешь, что только с ней не делали! И запирали в изоляторе, и привязывали к кровати, и кололи парализующее, и лечили электрошоком, и даже провели лоботомию! Теперь она матерый псих, прикинь!

— Обычно после лоботомии становятся овощами, — заметил Саймон.

— А она у нас особый случай, — хмыкнул Эрик, — она так просто не сдастся. Она ведет кровавую войну с карательной психиатрией, принявшей облик гуманистической.

— Да ладно? И скольким психиатрам она расцарапала морды?

— Какое "расцарапала"? Бери выше! Она троих убила, нескольких избивала, во всех кидается фекалиями. Видел лысину мистера Эррони? Это она сделала!

— Нифига себе! Это её голоса научили?

— Это она голоса учит! Корону Зои — королеве психов!

Эрик вскочил, поставив ногу на скамейку, и принялся декламировать, и вскоре его подхватили другие голоса:

— Корону Зои! Корону Зои! Корону Зои!

Я громко хлопнула себя рукой по лицу. Из кабинета вышел разъяренный мистер Эррони и накричал на нас. Схватил меня и Эрика за ухо, потащил в кладовую и запер там.

— Всё, это было последней каплей! — надрывался он под наш перекрестный смех, — Вы уже всех сотрудников достали! Сколько можно вести себя, как обезьяны?! Вы не в кабаке, понятно?! Гребаные психи, вас надо галоперидолом накачать, чтобы слюни текли!!!

Он запирает дверь на ключ и уходит. Мы остаемся с Эриком одни в полной темноте, и мне это жутко не нравится.

— Помнишь, как я говорил? — смеётся Эрик, — надо уметь находить во всём позитив. Кладовка — это же целый лабиринт! Здесь столько всего интересного можно найти!

— Например, вход в Нарнию, — съязвила я.

— Или в Средиземье, — поддержал Эрик.

Я наткнулась на что-то гладкое и холодное.

— Баночка? — я недоверчиво ощупала её, — Да, и впрямь стеклянная банка. Только вот с чем?

— С маринованными человеческими мозгами, — осклабился Эрик, — Это осталось от тех, кто насолил мистеру Эррони.

— Что?! — охренела я и выронила банку.

Запахло спиртом и чем-то ещё.

— Ха, да ты чего? — рассмеялся Эрик, — Это же просто лекарство! Ой, не могу, видела бы ты сейчас свою рожу!

— Перестань, Эрик, — взмолилась я, — Я итак вся на нервах, я ненавижу замкнутые тесные пространства. Особенно если темно! А почему нас никто не слышит?.. Действия мистера Эррони же неправомерны. Почему ему никто не помешал?

— Ну, во-первых, нас вся больница ненавидит, причем по моей милости, — хмыкнул Эрик, — А во-вторых, отсюда не очень-то хорошо слышно. Да и в третьих, здесь довольно малоллюдно, ближайший кабинет принадлежит семейному психотерапевту, который плохо слышит.

— Значит, нет спасения?

Я скатилась вниз по стенке, сев на колени. Закрыла лицо руками. Мне хотелось заплакать, но это бы дало Эрику материал для новых шуток и подколов.

— Нет спасенья, нет возврата, — мрачно сказал Эрик, — Мы сгнием здесь. Сожрем друг друга своим безумием. И темнота будет проводником. О, она отличный проводник.

Внезапно он расхохотался. Я вжалась в стенку, мысленно моля хоть кого-то услышать нас и придти на помощь.

— Интересно, чье победит? — спросил он скорее самого себя, чем меня, — Хотя, нет... Мне больше интересно, как долго ты будешь держать ящик Пандоры закрытым? Может, тебе подсобить, а?

— Эрик, пожалуйста, замолчи, — сказала я дрожащим голосом.

Мне стоило заткнуться. Но было поздно. он почувствовал мой страх и его это сильнее раззадорило.

— Эй, птица-буревестник, хочешь, смочу твои крылья кровью? Летать ты не сможешь, зато твоё оперение станет ярко-красным. Разве не красиво? Прямо как Ворон! Только без тьмы. Только тебе не поможет какая-то там муза.

Я беззвучно заплакала. Меня трясло и бросало в жар, голова буквально трещала по швам.

— Давай, Буревестник, я подсажу тебя поближе к огню. Ты загорись, но зато почувствуешь пламя на вкус! Поцелуешься с костром по-французски. Давай! Вкуси все оттенки эмпатии, это ведь неизбежно, и ты это знаешь. Ты сторишь, так какая разница, сейчас или потом?

— Нет! — хотелось крикнуть мне, но вышел сдавленный хрип, — Я хочу ещё пожить. Я так просто не сдамся.

— Бла-бла-бла. Громкие речи, но за ними прячется страх. Прыгай ко мне, сестренка. Почувствуй мой огонь на вкус.

Я услышала, как он начал подбираться ко мне, гнусно хихикая и зовя меня "кис-кис-кис". Я нацупала осколок банки и выставила его вперед.

— Не сопротивляйся, я только выпущу твою кровь, черной её заменять не стану. Я это не умею! Хотя, быть может... Знаешь, а мне интересно, как ломаются люди.

Он подбирался всё ближе и ближе, и я чувствовала его горячее дыхание, слышала едва слышный хрип, доносящийся из его груди, чувствовала вкус своей слюны, наполняющей мой рот так быстро, что я не успевала её проглатывать. не отдавая себе отчета, я полоснула осколком по нему.

Кровь! Кровью окропились белоперые крылья.

Чувствовала теплое и мокрое на моих руках и лице. Слышала его крик, хрип, бульканье. Яркий свет ослепил меня. Раздались шаги, голоса. Замелькали руки. Я потеряла сознание.

— Очнулись?

Этот голос был женским, бархатистым, мягким и вкрадчивым. Ласка

— Что случилось? — прохрипела я.

Я лежала в Клетке. Клетке, ставшей домом Брайану. А голос Ласки доносился откуда-то издалека. Я попыталась встать с кровати, но смогла только приподняться на логтях.

— Меня теперь посадят? — испугалась я.

— Нет, что ты, — рассмеялась Ласка, — Это же просто царапина. Ты же расскажешь, что произошло, правда?

— Он... — я бессильно опустила на подушку, — Он вдруг переменялся. Стал каким-то странным, пугающим, даже зловещим.

— Он пытался напасть на тебя?

— Ну... Да.

— Ты не представляешь, как сильно заточение в тесном замкнутом пространстве меняет людей. Особенно если это двое. Они варятся там, вынимают все свои секреты, выворачиваясь наизнанку. А порой превращаются в искаженные отражения самих себя. Как в кривых зеркалах. И совершенно неважно, друзья это, влюбленные, враги, а может, просто знакомые. А вы оба — ходячие ящики Пандоры, и иногда мне непонятно, кто страшнее — ты или он?

Слова отняли все мои силы. Я лежала, глядя в потолок, и, наверное, со стороны походила на рыбу, выброшенную на берег. У меня состояния дикого ужаса всегда завершались вот таким вот. Не без содействия Халатов.

— А Эрик сейчас в последней палате. Спит беспробудным сном. Наверное, к пробуждению уже не будет ничего помнить, — сказала Ласка, — А ты не бойся. Здесь не страшно. Я знаю, что вас это место пугает, и совершенно напрасно. Это ведь шанс побыть наедине с собой. Перезлиться, переплакать, переболеть. В полной тишине. Впрочем, можно выпросить прогулку в сопровождении медперсонала.

Мне вредно оставаться наедине с собой, как ты этого не понимаешь? Да и какое это одиночество? Я как под микроскопом, за мной круглые сутки наблюдают. Это не одиночество, это заточение. Клетка.

Я снова лежала в беспомощности, прокручивая в голове сцену в кладовке, смакуя ощущение теплой крови, сжимаясь от страха. Порой меня тошнило, порой мне хотелось биться в истерике, но я знала, что тогда меня надолго здесь продержат, и я не выпускала яд, чувствуя, как он разъедает меня изнутри. Исправно ходила в туалет, отвечала на вопросы, ела каши, пила чай. Внешне старалась казаться выздоравливающей девочкой, иногда даже улыбалась. Сжалившись надо мной, Ласка выпустила меня.

— А где мистер Эррони? — спросила я её.

— Я уговорила его, чтобы он разрешил мне взять тебя.

— То есть, теперь Вы мой лечащий врач?

— Да. Ты рада?

— Да. Вполне.

Я шла по коридору, и мне казалось, что на меня все косо смотрят. но на самом деле всем было плевать, такие вещи здесь никого не удивляют. Не то чтобы здешние такие жестокие, но драки здесь в порядке вещей. Тот же Ромео регулярно с синяками ходит и разбитыми кулаками.

Клэр шла мне навстречу. Как всегда: завораживающий взгляд из-под шляпы, длинная юбка и лохматые волосы.

— Ты опять не заметила, что меня уволокли, да? — обреченно спросила я.

— Заметила, — пожала плечами она, — Но не придавала этому особого значения. Кстати, Брайан вернулся.

Странно. Я не заметила, что его не было, мне казалось, будто его и не уводили вовсе. Но когда мы пришли в его палату, и я увидела, как он сидел с накинутым на плечи одеялом, такой понурившийся и костлявый, я поняла, что он пропал. Того развесёлого Ворона больше нет. Он остался далеко-далеко, там, где ещё хуже, чем в Клетке, и только муза весны способна его оттуда вытащить.

Лиловая надежда

— Мы похожи на караван верблюдов. Пробираемся через пустыню верхом на верблюдах, прямо навстречу песчаной бури.

— С чего это такие ассоциации?

— Не знаю, просто на ум пришло.

А вот я знаю, почему. Она называет наш город желтым, миражем посреди пустыни. А мы, значит, бедуины с иссохшими глотками.

— Дать тебе воды? — спрашиваю я, косясь на автомат с напитками.

— Зачем? — пожимает она плечами, — Вода здесь отравленная.

Её лицо скрывает сомбреро, но я знаю, что на нём следы бессонницы. Уже тогда она находилась в невидимых цепях, а значит, и я.

— Почему на тебя Водонепроницаемая наорала? — спросила она.

Водонепроницаемой была наша учительница по истории. Даже в такую жару, как сейчас, она носила пальто, шляпку, перчатки и зонтик. Я представляла, как она прыгает по крышам, подхватываемая ветром, с зонтом, раскрытым, как парашют. Как Мерри Поппинс или Амевараша.

— Плохо написала сочинение, — сказала я, — Небрежно. Перепутала факты. Написала, что Черчилль был французским президентом, а НАТО — союз азиатских стран.

— Как же ты так? Это же общеизвестные факты.

— Я путаю. Я путаю аббревиатуры, фамилии политиков, термины, сражения. Я не могу начертить параллелипипед и написать формулу альдегида.

— В принципе, как и многие школьники. Эта Водонепроницаемая придирается на пустом месте. Мокрая курица.

— Да ладно, не бери в голову.

— А я не могу не брать в голову. Рядом с ней всегда идет дождь.

— Если так, но мы бы ходили мокрыми.

— А вы и ходите мокрыми. А ты — особенно. Но замечаю это только я.

Он шел мне навстречу. Вдали мигала умирающая лампа перед тем, как совсем погаснуть. С подоконника свесились цветы, об окно бились мухи, гоняемые санитарями. Он шаркал ногами, обутыми в незашнурованные кроссовки, и весь казался каким-то понурым, выжатым, непохожим на себя.

— Никогда не хотела узнать, как звучит песня из ящика Пандоры? — улыбнулся было он, но тут же сник, увидев моё выражение лица.

Мне хотелось убежать, скрыться, спрятаться, но я осталась стоять. И то только потому, что ноги меня не слушались.

— Ласка говорила мне, что я пытался напасть на тебя, но я ничего не помню. Честно.

Я не шевелюсь, только смотрю на него исподлобья. В голове ни одной мысли, всё вытеснили эти страшные зелёные глаза.

— Не простишь? — удрученно спросил он.

— Я подумаю, — процедила я.

— Может, всё-таки скажешь, что я сделал?

Я развернулась и ушла. Меня колотило. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь. Направилась к мальчикам. Скорее всего, девочки у них. Легко открыла дверь, и на меня подуло сквозняком. Типичный летний ветер, горячий, похожий на песчаную бурю, обжигающий ноздри. На подоконнике были пахучие цветы, Ромео чесал покрасневший нос, но терпел ради друзей. Стены были изрисованы, залапаны отпечатками тоненьких рук. Наши с Эриком и Саймоном руки были вместе. Я горестно вздохнула, уколённая воспоминаниями. Услышав это, ребята, как по команде, обернулись.

— Зои? Проходи, — Ромео указал на место рядом с собой.

Блейн мастерил вертушечку, Клэр настраивала гитару, Кларисса, листала сборник японской поэзии. Брайан просто сидел, уставившись в одну точку. Мариам разворачивала фруктовый лёд. Мы приветственно кивнули друг другу. Я этим самым поздравила её с возвращением, а она поблагодарила.

— Че так официально? — обратилась я к Ромео.

— Что с тобой? — спросил Блейн.

Меня по-прежнему трясло, ладони вспотели и стали холодными. Ромео взял в руку мою ладонь.

— Холодная, — констатировал он, — И мокрая.

— Да ладно? — съязвил Блейн, — Уж без тебя-то она бы никогда не догадалась.

— Это как-то связано с инцидентом в кладовке? — спросил Ромео, пропустив замечание Блейна мимо ушей.

— Он меня пугает, — сказала я, — Эрик, в смысле. Я ведь с самого начала догадывалась, что с ним что-то не так, но предпочитала делать вид, что не замечаю.

Солнце садилось за горизонт, последние лучи пробивались сквозь густую зелёную листву. Воздух стал прохладен и спокоен, где-то заливались кузнечики. Комната наполнилась розовым светом заходящего солнца, преобразившим рисунки. Они как будто грозились выскочить из плоскости стены, они бегали, танцевали, гонялись друг за дружкой, сидели в круге, перешептываясь о чем-то своём. Человек с кривой тенью. Мальчик, облаченный в звёздный плащ. Обнимающая его сзади призрачная тень девушки в венке из гортензий. Сторбленный чернокрылый ворон. Чайка с белым оперением и головой девушки с волосами, похожими на пламя. Начинающая превращаться ведьма с широкополой шляпой, которая ярко светилась, несмотря на то, что была тёмной. Девочка, начинающая рассыпаться. Мокрая девушка с арфой. Вдали сидел кудрявый флейтист, окруженный бабочками, но он уже был почти стерт, но я отчетливо видела каждую деталь. Вечность что-то пририсовывал, но заслонял зарождающийся рисунок с собой.

Красный закат отражался в черных глазах Кита, делала бронзовой его кожу.

— Оборотень, — прошептал он.

— Кто-кто? — не поняла я.

— Если ты узнаешь его ночное имя, то сможешь позвать, когда он начнет превращаться, — сказал Кит, — Не факт, что он отзовется, но попытаться стоит.

— Быть может, его кровь черна, — сказал Ворон, — Быть может, он хочет, чтобы твои крылья окрасились.

— Он сказал, что хочет смочить мои крылья кровью, — сказала я, — Что я должна познать вкус огня.

— Вас не надо было запирать вместе, — сказал Кит, — Ни в коем случае не надо было. Заточение на Иных плохо действует. Мы сходим с ума. Выворачиваемся наизнанку. А уж оборотни тем более.

— Амы уже, — лицо Ворона озарила нехорошая улыбка.

В комнате потемнело, стало жарко. Воздух стал плотным. Серые глаза сияли, как две луны. Как глаза слепца. Он был похож на иссохший скелет, давно забытый, всеми покинутый. Вряд ли что-то его могло спасти: он всё глубже и глубже погружался в черный омут.

— Ворон, прекрати! — прикрикнул Кит.

— И что ты мне сделаешь? — осклабился Ворон, продемонстрировав щербинку в резце, — Халатов позовёшь?

Кит отшатнулся от него, как-то странно позеленев. Ворожея испуганно смотрела на него.

— Это... Я такой стану? — шептала она, задыхаясь, — Меня тоже в Клетке запрут?

— Не запрут, — пообещал Кит, — У тебя до такого не дойдет.

— Дойдет, — сказал Ворон, — Ещё как дойдёт. Кровь черная поглотит тебя и хлынет за твои пределы. Быть может, она утащит тех, кто привязан к тебе. Это неизбежно! Никакая муза тебя не спасёт. Да и меня она вряд ли спасёт. Я безнадежен!

Испуг сменился раздражением. А ему на смену пришел гнев.

— Так, хватит с меня метаморфоз! — топнула я ногой, — Надоело!

Я подошла к Ворону и вlepила ему пощёчину. Его бледная и холодная щека покраснела, на губах показалась капелька крови. Он слизнул её, дотронулся до следа от удара.

— Извини меня, Буревестник. Я и правда зарвался, — заплетающимся языком сказал Ворон.

Он повалился на кровать, закрыв глаза и раскинув руки и ноги. Больше мы не добились от него ни звуков, ни даже каких-либо движений. Кит подошел к нему, дотронулся до его шеи.

— Уже чуть теплее, — сказал он, — А ты сурова, однако. Всё, я боюсь тебя. Страшная женщина.

— В тебя Эрик вселился? — приподняла бровь я.

— А что ещё он сказал? — перевел тему Кит.

— Что я должна открыть ящик Пандоры. И что пламя — это он. И что он хочет выпустить мою кровь, но не будет заменять её на черную.

— Еще бы заменил, — проворчал Кит, — Хорошо, что этого никто не умеет. Мы бы передохли тут все, как мухи. А вообще, ты присматривайся к нему. Наблюдай. Сам он своё имя не знает, но невольно может намекнуть... Эй, Вечность, ты чего там рисуешь уже битый час?

— А у тебя какое имя? — спросила я у Мариам.

— Мелодия, — сказала она, — Я муза песни, могу за секунду обогнуть весь земной шар и живу тысячу лет.

— Не прибедряйся, ты живешь гораздо больше, — хмыкнул Вечность.

Мелодия и Ворожея заглянули ему через плечо. Увидев это, Вечность нехотя отодвинулся, и Кит тут же подскочил, оттолкнув девочек. Около Ворона был изображен неясный силуэт девочки, которая оставила следы, из которых проросли цветы. Я не различила ни её лица, ни цвета её платья, ни волос, но я явственно видела, что она — сама

жизнь, воплощение мая. Пусться и ненавидела май.

— Это кто? — дрожащим голосом спросил Кит.

— Я в городе видел её, — сказал Вечность, — В спортивном костюме, лохматая, большеротая. Чем не муза? Я сразу понял: это её искал Ворон.

— Плохо искал, раз проглядел такую красоту, — хмыкнула Ворожея.

— Да он вообще мальчишка невнимательный, — поморщил нос Кит, — Но я рад, что она нашлась. Но мы не знаем, где она живет. Быть может, она вообще из другого города.

— Или у неё есть парень, — вздохнула Мелодия.

— Вряд ли, — успокоил их Вечность, — Она скоро придет.

— И когда? — ядовито спросила Мелодия, — Времени в обрез. Он скоро совсем окочурится.

Я поёжилась, вспомнив Джонатана.

— Наберись терпения, — раздраженно сказал Вечность, — Рано или поздно она придет. Наверное, в августе. Тогда самые лучшие вещи случаются.

— А может, его зовут Шалтай-Болтай? — подскочила я.

— Ну ты загнула, — присвистнул Кит, — Какой ещё, к Вечности, Шалтай-Болтай? Почему не Безумный Шляпник? Или Мартовский Заяц?

— Потому что Безумный Шляпник — это я, — подбоченилась Ворожея.

— А я — Алиса! — сделала книксен я.

— Тогда я — Белая Королева, — сказал Кит.

— Слышь, принцесса недоделанная, как бы тебя за такие слова наша белобрысая бы за кудри тебя не оттаскала! — хохотнул Вечность.

— Кстати, да, — поёжилась Мелодия, — Одной Королевы будет вполне достаточно.

— Да ну вас, — обиделся Кит.

Дыхание Ворона выровнялось. Почти над его головой сидела муза, и, несмотря на то, что её лицо не было нарисованно, я чувствовала, что она улыбалась. И сразу стало прохладнее, и снова запахло полевыми и садовыми цветами и летней ночью.

К Эрику и Саймону добавился Грегори. Он был поспокойней остальных и часто плел мне бисером или делал браслеты с бусами. Взамен я поставляла ему журналы по благоустройству дома, которые выписывает мой отец и отдает мне, как только прочитает всё от корки до корки. Кроме того, пришли Элис и Габриэль. С Элис мы сразу друг друга невзлюбили, а вот Габриэль я сочувствовала и оттаскивала от санитаров и других пациентов.

А потом пришла **она** — самая удивительная на свете девочка. В отличии от Мелодии, она была настоящей музой, целой и способной возродить. К сожалению, к тому времени он уже был в Клетке.

Вечность немного ошибся: пришла она не в августе, а в июне. В дождливый день, сменивший недельную жару, в тот момент, когда мы сидели в палате и умирали от скуки... По стеклу барабанил капли дождя, мальчики негромко переговаривались, Кларисса заперлась в ванной, а Клэр красила глаза. Я с косметикой завязала, как только легла сюда. Решила, что мне это не очень-то надо. Да и хлопотно это.

— Новенькая разбушевалась, — подал голос Эрик, — Слышите, как болтает? Кажется, нашу стаю ждёт пополнение! Так и быть, будет Четвёртой Препротивнейшей!

Клэр выронила тушь, как-то разом побледнев. Ничего не понимая, я высунулась из двери.

— Это и есть **она**, — успела шепнуть мне Клэр.

Спутанные кудряшки, тонкие брови домиком, родинка под глазом, пёстрая, не сочетающаяся друг с другом одежда и большой улыбающийся рот. Передо мной стояла муза возрождения, та, что способна украсть его сердце, но не разбить. Лишь на секунду мы встретились взглядами, и это хватило, чтобы я всё поняла. Но если бы мне ничего не сказали, то я бы увидела простую девченку.

Что я могу сказать об Элли, болтушке и девочке-лето, которая любит сладкую вату и легко сходится с людьми? Когда рядом с ней, тебе кажется, что вы давние подруги, и ты можешь сказать любую ерунду, а она только подхватит. А ещё — что как бы ты не был одинок, с ней тебе кажется, будто у тебя тысяча друзей — потому что она легко заменяет эту самую тысячу. Вот что такой муза. Нет, вот что такое Элли, и найти такую всё равно, что обрести сокровище. И потому таких очень мало. Одна Элли на весь город.

— Что думаешь? — спросила я у Грега.

Он разрисовывал кистью бусинки, сидя в своей палате. Я расположилась на подоконнике и глядела на клумбу с гортензиями и астрами. Вечернее небо было перламутровым.

— Она очень проникательная, — сказал Грег, — Сразу меня раскусила.

— И чьи это бусинки? — напряглась я.

— Мне пришлось её убить, — грустно рассмеялся Грег, — Ужасный был день. Букет цветов на полу, запачканный кровью. И рассыпанные бусы с её шеи.

Он поймал мой ошеломлённый взгляд.

— Да шучу я, шучу, — сквозь смех произнёс он, — Просто она должна была уехать. И на память подарила эти бусинки. Да не смотри ты на меня так!

Я подуспокоилась, но не сводила с него напряжённого взгляда. И весь вечер так

смотрела. В этом было мало его вины.

— Жалко её, — сказала вошедшая Клэр.

— Почему? — хором спросили мы.

— Мы бережём её, как скотину на убой, — сказала она, — И как мы можем допустить, чтобы она отдала свою жизнь за него?

— А как мы можем допустить, чтобы он... — едва слышно произнесла я пересохшими губами.

Клэр не виновата. Клэр не знает. Клэр не знает о застывшем взгляде и ярко-красных пролёжинах на белой гладкой коже.

— Умоляю тебя, не ходи! — кричала я, ползая в его ногах.

— Да ты просто дура, которая ничего не понимает, — вторил мне Гарри.

— Но у меня дурное предчувствие... — прохрипела я, — Вспомни вчерашний приступ.

— Ты просто слабачка. А я нет. Я всё выдержу и стану тенью, — грубо схватил меня за руку Гарри — Ты не понимаешь, как это здорово. Ты не понимаешь, как я хочу этого.

Бледные губы, красные щеки, лихорадочный блеск в глазах и капельки пота, выступившие на лбу.

Он толкнул меня, и я ударилась о камень. Но не это причинило мне дикую боль, а его совершенно безумный взгляд. Он ушел, скрывшись в цветущих терниях, ушел в уголок Королевы, чтобы сказать ей "да", чтобы начать метаморфозы, и больше я его никогда не увижу. Но не это страшно. Страшно то, что в глубине своей души я знала, что он не выдержит, но так и не смогла его остановить. Рука схватила пустоту.

Чьи-то мягкие руки обняли меня сзади.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — прошептал Ворон, — Не вини себя.

— Зои! Приём!

Клэр бесцеремонно трясла меня за плечо.

— Честно говоря, ты пугаешь меня, когда смотришь в одну точку вот так и не на что не реагируешь, — недовольно цокнула она.

— Ты тоже, — сказала я, — Когда проваливаешься в тьму.

Мы обе рассмеялись. Обе сходим с ума, обе это знаем, обоим это нравится. Грег косо на нас смотрел, заканчивая бусы. Получилось весьма симпатично, хотя Клэр моё мнение не разделяла.

— Это что? — с ужасом спросила она, — Столько глаз... Как будто смотрят на тебя! Убери это, прошу!

Грег принялся трясти бусами перед ней, а она — отбиваться. Они бегали по палате, переворачивая и разбрасывая всё на своём пути. Я подошла к окну и посмотрела вниз. Потом открыла окно и вдохнула прохладный воздух. Пахло деревом.

— Зои?

В двери стояла мисс Алингтон, сверкая овальными очками.

— Завтра ты пойдёшь на МРТ, — сказала она, — Не забудь подготовиться.

Я кивнула.

У него были нечеловеческие глаза. И даже не звериные. Чистая ненависть, чистая ярость. Но я продолжала думать, что где-то в этой светло-карей глубине таился Гарри.

Я знала, что мне нельзя было здесь находиться, но я рискнула. Подошла к Клетке близко-близко, вплотную к черным прутьям. Мы встретились взглядами лишь на секунду, а потом он зарычал и схватил меня за горло. Холодные пальцы сжимали мою шею, глаза обжигаяще смотрели, зубы скалились. всё его лицо было расцарапано, под ногтями засохла кровь. Волосы клочками выдраны. Стены тоже были изодраны, кулаки разбиты, локти исколоты лекарствами.

Всё в глазах темнело, стало жарко, я захлёбывалась слюной, глаза закатывались. Неужели это конец? Неужели это всё? Было не страшно. Было глупо. И очень-очень больно. Слёзы стекали по щекам, оставляя пятна на одежде.

Пальцы потянулись к глазам. Были так близко, что я могла разглядеть каждую трещинку, могла по памяти нарисовать отпечаток. Если бы не была такой криворукой.

— Отпусти её, сейчас же.

Кто то убрал его руку от моего лица и оттащил меня за шкуру, швырнув на землю. Кусочек спины с выпирающими позвонками и изъеденный молью свитер. Ворону было так же больно, как и мне. Но, в отличии от меня, он нашёл в себе силы противостоять ему. И это добавило ему новых кошмаров. Как и мне, впрочем.

— Не бойся, — сказал он мне, подойдя и внимательно заглянув в глаза.

Они вдруг потеплели, сделались такими родными и домашними. И пахло от него соответствующе: мёдом и сиренью.

— Возьму часть удара на себя, — усмехнулся он, — А ты не думай об этом. Не надо это тебе. Хорошо?

Хватит. Хватит, прошу, оставь меня, дай мне спокойно пожить.

— Эй, Джо, куда это ты собрался с пушкой? — пропела я.

Он молчал. И не играл. Вокруг него уже не было ни драконов, ни бабочек. И не сидел в саду, у клумбы, а лежал в кровати, закрыв глаза. Я легла рядом с ним и снова заплакала.

— Слишком часто я плачу в последнее время, ты не думаешь? — спросила я, — Как маленькая, честное слово. Просто никак не могу забыть эти глаза.

Его дыхание было ровным, как у спящего. Но что-то подсказывало мне, что он не спит.

— Поверить не могу, что больше его нет, — сказала я, — А что было бы, если бы я его остановила? Он бы ненавидел меня, но остался жив... Хотя он и сейчас жив, но это уже не то.

Я посмотрела в окно. Голубое небо невыносимого мая. Когда я посмотрела во второй раз, оно окрасилось в нежно-розовый. Но Джонатан был по-прежнему неподвижен. Не

помня себя от захлестывающего ужаса, я побежала за Лаской. Я ворвалась в её кабинет, крича что-то несвязное, но она поняла и пошла за мной. Это был самый долгий бег в моей жизни. Мне так казалось. И будет казаться ещё долго. Возможно, всю жизнь.

Она подошла к нему, осмотрела его и сделалась очень серьёзной. По одному её виду я поняла, что всё очень плохо. Она выгнала меня из палаты и позвала санитаров...

Прошлое следует за мной по пятам, и чем быстрее я бегу, тем быстрее оно меня настигает.

Когда-то мы знали, кто о чём думает в 5 часов утра и какие стихи мы пишем, когда не можем выйти в дождливый день. Взявшись за руки, мы шли по шоссе, и наша школьная форма мокла, прилипая к телу. Она из прокуренной квартиры, принадлежащей итальянцам, а я из фермы, окруженной дикими зарослями, через которые несколько десятков лет никто не пробирался, кроме как по протоптанной голой дороге, изуродованной шрамами от колёс машины.

— Дождь! — кричали мы, — Дождь! Да будет дождь!

Повернулись друг к другу лицом, взяли за руки и принялись кружить друг друга, скача и смеясь. И действительно пошёл дождь. Мы задирали головы, высовывали языки, чтобы поймать капли. Портфели были отброшены, туфли и носки сняты, ноги шлёпали по холодным лужам и шершавому асфальту. Звонкие голоса выводили:

Она подобна радуге,

Что украшает небо разными цветами!

О! Куда бы она не пришла,

Всё становится красочным!

И каждая из нас думала, что эта песня про неё.

— Извини, тебе придется открыть этот ларец. Иначе так и будешь убегать. Из ран необходимо выпускать яд, а то он доберётся до сердца.

Бардовые голоса

— Больше не получится убежать, Буревестник. У нас общие скелеты в шкафу. Общая ночь, когда всё решилось.

Он лежит на кромке льда. Это его уголок, и только здесь он свободен от ржавых прутьев. Но тут он делает то же, что и всегда — лежит, безцельно глядя вверх застывшим взглядом. Всё им здесь заморожено, и всё тут замерло. Нет, оно всегда было замёршим, мёртвым. Мне хочется убежать, что что-то удерживает. Что-то внутри меня, притаившееся на дне ларца, закрытого на замок.

— И что ты предлагаешь сделать? — в отчаянии кричу я, — И что я могу сделать? Сколько приступов я пережила? Сколько раз я орала не своим голосом, умоляла его остановиться? А сколько ночей мне снились эти ужасные глаза? Прошло почти два года, но мне кажется, что синяки на шее всё ещё свежи.

— Я знаю, — склонил голову Ворон, — Я знаю, что ты чувствуешь. Поэтому я и позвал тебя сюда.

— Зачем?

— Говори.

Я недоумевающе склонила голову.

— Тебе нужно выпустить всё, — сказал Ворон, — Нельзя держать дурные воспоминания в себе. Иначе могут трансформироваться в тьму.

— Ты знаешь, каково это, верно?

Лицо Ворона потемнело.

— Никто не слушал меня. Я всегда был одиноким. Я с детства насмотрелся на тьму в сердцах людей и перенял её себе. Тот подвал лишь всё ускорил.

Он криво усмехнулся, сверкнув серыми глазами.

— Что ты вообще знаешь, птичка? Ты даже не представляешь, как тебе повезло. Тебе не придётся разбивать чьё-то сердце. Всего лишь открыть этот ящик Пандоры и пострадать немного. **А ты и этого не можешь!!!**

Его глаза налились кровью, земля заходила ходуном.

— **Говори!!!**

Я стала отползать от него, дрожа всем телом. Он был страшнее Эрика. И чем больше он ненавидел эту тьму, тем сильнее она становилась. Она просвечивалась через его кожу, таилась в глубине его зрачков. Эрик был охотником, стреляющим в чайку. Ворон был черной нефтью, разлившейся в море, обволакивающей её перья и не дающий взлететь.

— **Если ты не откроешь ящик Пандоры, это сделаю я!!!**

— Тогда я сожгу его! — закричала я.

— **Какая ты смешная,** — глухо рассмеялся Ворон, — **А огонь ты как разожжёшь?!**

Тут же повсюду лёд!

Он одним прыжком преодолел расстояние между нами и схватил меня за шкуру. Наши лица сблизились. Он смотрел своими сощуренными глазами в мои, широко распахнутые.

— **Я сейчас отправлю тебя в твой последний полёт, птичка. Всё вокруг пеной забрызгаешь.**

Как тогда. В ту ночь, когда я в последний раз видела Гарри. Но на этот раз меня никто

не спасет. Спаситель сам стал палачом.

Его пальцы сомкнулись на моей шее, ногти впились в кожу.

— **Может, доделать начатое Лицедем? Уж я-то поделюсь с тобой своей тьмой. Я щедрый. И всегда возвращаю взятое в долг.**

Значит, ночное имя Эрика — Лицедей... Что ж, оно ему очень подходит.

— **Рыжая, Рыжая, до боли рыжая, до боли родная,** — предательски затянул Ворон.

Я попыталась оттолкнуть Ворона, но тот впился в меня своим взглядом. Моё тело словно налилось свинцом. Я всё глубже и глубже погружалась в омут его зрачков. Кривая, уродливая улыбка вновь исказила его лицо — он понял, что я в западне.

В какой-то степени я ивпрямь вместе с ним пережила эти метаморфозы. Сначала было воодушевление. Потом сомнение, лёгкое, ловко прчущееся, и навязчивое, прилипчивое, как банный лист. И он разрастался скользким червяком в спелом плоде. Он разрастался, поглощая всё. Дикий страх, нечеловеческий страх. Пробирался в сны, населяя их самыми невообразимыми кошмарами. А потом через них переполз и в тонкую плёнку реальности. В зеркале, в отражении в луже, за завтраком, в кабинете Ласки — везде.

Страх вытеснил всё, сделав остальной мир незначительным, блеклым, похожим на карандашный набросок. Страх победил — и это дало начало концу. Душа сгорела, песня забыта, в глазах появилась ненависть и горькая усмешка. И это уже был не Гарри и не Менестрель.

Когда мы только познакомились, он пел песни под расстроенную гитару и рисовал похабные рисунки на стене осколком кирпича. Оба безбашенные, оба без тормозов и оба знают цену дружбе, потому что невообразимо одиноки. Мы слушали в дождливые дни в наушниках "жуков" и рисовали комиксы. А рядом всегда сидел Джонатан и выводил мелодию этого дома.

И казалось, что так будет всегда. И казалось, что такой, как он, просто не может сгинуть и будет всегда всех бесить. Но нет — он купился на лёгкую наживу и не понял, что это ноша не для его плеч. А я не смогла его остановить, потому что слишком ценю свободу выбора.

— Я часто думаю о нём, — говорил Ворон, — Но слышу только белый шум. как от сломанного телевизора.

У нас несколько раз ломался телевизор. И каждый раз я надеялась, что удастся починить. Но его приходилось выкидывать на помойку. А Менестреля не выбросишь — он ведь не телевизор.

— Когда-нибудь он закроет свои глаза, — говорил Ворон, — Навсегда.

— Не надо, — плакала я, — Плевать, что он дерётся с Халатами и душим меня. Это всё равно он — наш глупый мальчишка.

— Ты ведь знаешь, что это не так, — говорил Ворон, — Это просто пустая оболочка. Как хитиновый скелет от насекомого, съеденного пауком. Как пустой панцирь краба. Как ракушка, покинутая моллюском. И ты, и я это знаем.

И каждое его слово — новый кусок, откалывающийся от сердца.

— С такими темпами это я разобью сердце, а не твоя суженная, — смеялась я.

Даже Ворон не был в состоянии уловить всю ту боль, скрытой в этом смехе. Но то была не его вина — тьма застилала его. И сейчас. И будет, пока за него не умрёт девочка-весна.

— **Вот так. Молодец. А теперь идём ещё дальше.**

— Девочки, я купила абонемент в бассейн!

Капитан клуба болельщиц, которая тогда была простой ученицей с нелепыми хвостиками, по имени Луиза, махала какой-то бумажкой.

— Здорово, — сказала Кларисса, — Я тоже хочу плавать. Но у меня нет денег.

— Будем на озере купаться, — предложила я, — Бассейны — для буржуев. А мы — простые девчонки, будем плескаться в мусоре.

— Да ладно вам, — махнула рукой Луиза, — Там не так уж и дорого. Тем более, скидки действуют до конца мая.

Она облокотилась о свой шкавчик. Мы с Клариссой стояли перед ней. Рядом молчала Сандра, которая впоследствии станет девушкой Марка и одной из элит школы. А пока она была забитой девочкой, которая считалась психом из-за того, что избивала свою подругу.

Мимо нас прошла футбольная команда и облила нас краской. Все вокруг заржали.

— Как смешно, просто не могу, — сказала Кларисса, вытирая стёкла очков, — Вас столь искромётному юмору Карлин научил?

— Че ты там вякнула? — приблизился к ней один из футболистов.

Луиза принялась реветь во весь голос, Сандра дала ей платок. Я подошла к стоящему перед Клариссой и принялась обмазывать его краской со своих рук. Ему это не понравилось и он уже был готов ударить меня, как тут между нами встрял Марк.

— Финн, братишка, успокойся, — сказал он примирительным тоном, — Не надо тратить на них время. Мы же собрались пойти к девочкам, забыл?

Команда ушла. Перед тем, как присоединиться к ним, он дал Луизе влажную салфетку и подмигнул. Луиза выронила платок Сандры и проводила Марка влюблённым взглядом. Марк её не один раз защищал от нападков своих приятелей и благодаря этому его почитательницы иногда приглашали её погулять с ними. Кларисса говола, что не очень-то верит, что Луиза перестанет быть изгоем. Говорит, что легче проглотить лампочку, чем изгую реабилитироваться в школе.

— **Значит, тень проглегла между вами уже тогда? Марк — яблоко раздора?**

Потом она распустила хвосты, выпрямила волосы и надела форму болельщицы. Кларисса сразу всё смекнула и прекратила всякие отношения с ней. Сандра её невзлюбила, но продолжала общаться, потому что, по её словам, ей было слишком лень с кем-либо

ссориться. Особенно с такой, как Луиза.

Луиза ходила по коридору, как королева. Чулки на фоне смуглой кожи, черные глаза, прямой нос, свидетельствующий об индейских корнях. А я думала, что она всё та же плаксивая Луиза со смешными хвостиками. Я подбегала к ней, что-то рассказывая, на она смотрела на меня со снисходительной усмешкой. А потом всё рассказывала подругам в прокуренном туалете, и они смеялись. А я сидела в кабинке, не смея и шевельнуться, боясь, что они заметят меня и набросятся коршунами. И Луиза заливисто смеялась, как с нами когда-то. Тоже перевёртыш. Ненавижу их. Наши "спортсмены" тем и хороши, что не скрывают своей гнусной природы и не гордятся ею.

— **Просто чем ближе ты стоишь к человеку, тем легче вонзить в него нож.**

— И всё равно я буду обжигаться вновь и вновь. Лучше, чем отрастить панцирь и признать своё поражение.

— У неё опять был приступ, прямо посреди урока!

— Серьёзно? Сколько можно уже?!

— На меня пена попала, мерзость!

— Почему её не перевели в коррекционный класс?! Мне уже надоело, что над ней все трясутся, как над королевой какой-то!

— А ты помнишь, как она к Лесли лезла, типа не ходить на ту вечеринку?! Типа, предчувствие!

— Че, в гадалки подалась? Ещё бы в горы ушла.

— Кларисса рассказывала, что она её всякие глупости заставляла.

— О да! Я когда ходила с ними, каждый раз обалдевала от её тупых идей. Какие-то тупые пляски под дождем, кто о чем думал в пять утра...

— А если я думала о том, что хочу посрать? Ха-ха-ха!

— Возвышенно! Экцентрично! Феноменально! Bravo, Лесли, у тебя такая утонченная натура!

Пока я затыкала уши, чтобы не слышать эти голоса, Ворон пришел в себя и отодвинулся от меня, виновато потупив глаза. Что-то говорил, но я не слышала.

— Прогони их! — кричала я, катаясь по земле, — Ворон! Убери их! Что ты наделал?!

Чьё-то лицо нависло надо мной. Мягкие кудри коснулись лица. Зелёные глаза насмешливо глядели.

— Сейчас! — пробился сквозь шум звонкий голосок.

И тут же всё стихло. От Поступи пахло мятой, и я готова была целовать ей ноги, но ограничилась простой благодарностью.

— Извини меня, Буревестник, — пробормотал Ворон, — Я не могу это контролировать.

Оно сильнее меня.

— Всё хорошо, — сказала Поступь.

И Ворон улыбнулся.

— И почему я этому верю? — спросил он.

И у меня был тот же вопрос.

Был август, время, когда Элли стояла перед выбором. Август, предвещающий долгую зиму.

Мы с Элли сидели на садовой скамейке. Она проваливалась под тяжестью моего тела, почти касаясь земли. Вокруг трещали цикады так громко, что их приходилось перекрикивать. Элли ела мороженное, которое Ромео принесли родители и он отдал ей его.

— Кларисса жаловалась, — прочавкала она, — Что ты кричала во сне. Что случилось? Тебе опять кошмары сняться? Как у Драйана, да? Или как у Клэр? Халаты что-то с этим делают? Ой, тебя же могут в Клетку засадить! Будь осторожней! Хотя, мисс Алингтон так не сделает...

— Сделает, — перебила её я, — Это она Брайана в Клетку утащила.

— Зачем? — выпучила глаза Элли, — Как она могла?! Она же наверняка знает, что это такое! Я думала, что она знает!

— Сдаётся мне, что иначе он бы и себя погубил, и нас напоследок захватил, — пробормотала я.

Говорить не было никакого настроения. Солнце слепило глаза и напекало голову. Мне казалось, что я плавилась, разрывалась на огонь и воду. Июль был ещё хуже мая. Хотя, куда уж хуже?

Сквозь деревья просвечивалась проезжая часть. На ней почти не было машин. Это была самая малолюдная часть города. Поэтому была так тихо и спокойно.

На дороге показались две тени. Долговязая и длинноволосая и коротенькая, кудрявая. Они бежали, болтая в воздухе сумками. Два серых, размытых пятна, похожих на проезжающий поезд. И всё же мне удалось услышать слова, больно ударившие по мне:

— О чём ты думала в 5:30?

— О, я думала о многом!

Голос Элли вернул меня к действительности. Правда, только на краткий миг. Я дико взглянула на неё.

— Я думала о тропическом дожде, который был бы достойным завершением этого знойного дня, а ещё об облаках на горизонте, окрашивающихся в красный. Было бы здорово прогуляться по ним, правда?

— Было бы здорово прыгать по облакам, перелетая с помощью зонтика, не правда ли? Зачем крылья, если есть зонт?

Я вскочила, испугав тем самым Элли.

— ХВАТИТ, ПРОШУ, ОТСТАНЬ ОТ МЕНЯ! ТЫ В ПРОШЛОМ, И ВЫ ВСЕ ПРОШЛОМ, ВАШЕ МЕСТО ТАМ И ТОЛЬКО ТАМ! ПРОСТО ДАЙТЕ МНЕ ЖЕ ДАЛЬШЕ!

Я кричала, задрав голову в небо. Надеялась, что оно поглотит мой крик. Надеялась, что он заберёт с собой этих призраков прошлого. Но это лишь дало им ещё больше сил. Они хватили меня, кричали в уши, овладевали моими мыслями. И я сама стала лишь вместилищем старых воспоминаний, светом далёкого мая и часами, показывающими 5:30.

Я упала на землю, ударившись головой. Надеялась, что боль отвлечет от меня. Но я не почувствовала ничего, только тёплую вязкую кровь, растекающую по земле. И у меня не

было сил проверить, не тёмная ли она.

Боль в голове. Лоскутное небо с пролетающей в нём чайкой, похожей на самолёт, не оставляющий следа. Пушистые кучковатые деревья и возвышающаяся стена, заканчивающаяся крышей, усеянной антеннами. Как будто так уже было. Уж не ускользало ли небо раньше из моих рук? Уж не протягивала ли я когда-то руку, пытаюсь схватить пустую голубизну?

Инсценирую. Пальцы сжимаются, грязно-желтые на фоне светлого, почти прозрачного небо. И я вижу ещё только намечающийся силуэт на крыше, смотрящий на меня сверху вниз. Этот силуэт преследовал меня во снах, каждую ночь я пыталась разглядеть хоть какую-то его черту и каждое утро я всё забывала.

— Почему мы перестали общаться с Клариссой? — хрипло спросила я это небо, — Нет, даже не так. Почему она Отступница? Что за странное чувство, когда я вижу её... Смесь презрения, ненависти и ужаса. Подобное испытывает олень в челюстях волка. Волка, воспользовавшегося хромотой оленя.

Снег. Я лежу в мягкой снежной постели, остужающей моё разгоряченное тело. откуда снег в июле? Или то были лепестки черёмухи, рассыпанные на траве?

— Всё просто: повернись лицом к востоку, и увидишь холм. Тогда иди в обратную сторону, и ты встретишь саму Королеву. Она спустится к тебе и откроет прошлое или будущее — выбор за тобой.

До боли знакомый голос, но из-за шума у меня в голове я не могла понять, кому он принадлежал,

Чьи-то руки насыпали мне снег на голову, прижав его к вискам. Ощутила блаженную прохладу. Голоса утихли, но по-прежнему жужжали, как мошкара.

— Поднимайся и иди. Тебе это нужно.

Я встала, пошатываясь, как пьяная. Повернулась на голос. То был Вечность с его сверкающим звёздным плащом. Он ласково взирал на меня своими янтарными глазами. Я бросилась ему на грудь и зарыдала, как маленькая. Казалось, я выплакала всю жидкость, находящуюся во мне, вымещая тем самым всю обиду, накопившуюся во мне за пять лет, всю злость и ярость. Я думала, что освободила сундук Пандоры, но ему нет конца, и не предвидется, пока не вмешается кто-то сильнее меня.

Я чувствовала тёплые руки Вечности, глядящие мою спину, мой затылок, мои плечи, слышала равномерный стук его сердца и плавное дыхание, чувствовала его волосы на своих щеках, пропахшие пшеницей. И мне стало стыдно.

— Извини, — пробормотала я, отстраняясь.

— Ничего, — улыбнулся Вечность, — Тебе надо выплакаться. Это нормально.

— А теперь пошли, — сказал он, — К Королеве.

Он развернул меня за плечи и легонько подтолкнул.

— Помнишь? — тихо прошептал он, — Дождись холма и иди обратно, никуда не сворачивая. Как в Зазеркалье. Помнишь? Я не смогу тебя проводить, но буду мысленно защищать.

— Бессмыслица какая-то, — подумалось мне.

И всё же я посмотрела вперёд, в заснеженную даль, и увидела возвышающийся холм. А за ним — огонь горящих небес. Огонь северных земель. Я повернула обратно и бодро зашагала, в глубине души посмеиваясь над всей нелепостью ситуации.

— Ну вот, напророчила, — бормотала я, — Теперь я и впрямь Алиса.

— Тогда я — Белая Королева, — услышала я.

Она шла мне навстречу, подол её юбки плавно колыхался в такт её шагам. В белоснежных волосах запутались перья чайки, на лицо падала тень от широкополой шляпы, украшенной цветком. И на фоне всей этой белизны ярко горели черные глаза, пронзительно глядящие на меня. Горделивая поступь, тонкие силуэт, похожий на длинноногую цаплю — то и впрямь была Королева. Не нужно быть Иным, чтобы понять это.

— Обычно я выбираю. Но на этот раз ты сама пришла ко мне, — сказала она мелодичным голосом, приближаясь ко мне, — Ты можешь сжечь целую пустыню своим пламенем, но вместо этого ты ограничиваешься лишь собой.

Когда мы поравнялись, я с удивлением заметила, что она ниже меня на целую голову. Однако при этом мне казалось, что она возвышается надо мной, глядя сверху вниз.

— Говорят, ты предсказываешь будущее и раскрываешь прошлое. Так вот, я выбираю второе, — буркнула я.

— Вот как? — лукаво сощурилась она, — Не боишься, что я покажу тебе твою смерть?

— Я же не поймала твой платок, — огрызнулась я.

Она достала две свечи и зажгла их.

— Задуешь правую — и я проведу тебя по тропам твоего выбора. Задуешь левую — и я достану всё, что притаилось на дне твоего запретного ящика, — сказала Королева, держа горящие свечи в руках.

Не раздумывая, я задула левую.

— А вот ищё одна тропа твоего выбора, — сказала Королева, — Жребий брошен. Я выверну тебя наизнанку, сколько бы ты не кричала.

Я отразилась в её черных глазах — сгорбленная, скрюченная, с большой приплюснутой головой и веснушками, похожими на пятна грязи.

— Первая сказка называется "Гном и великаны".

Я стояла одна, окруженная людьми, которые в два раза выше меня. Они толкались, пихались, кричали, куда-то бежали, задевали меня, сбивая с ног. Никем не замечаемая, я поднималась, чтобы снова быть припечатанной в пол. И меня заметят только тогда, когда я вновь озойду пеной, крича и плюясь. Но даже тогда меня просто посадят в клетку, как надоедливую птицу. А я и была ею: чайкой, буреветником, всеми ненавидимой, приносящей на своих крыльях печаль. В гонца, приносящего плохие вести, кидают грязь, его поносят и гонят отовсюду. Ведь буреветник — воплощение беды.

И среди серых-серых великанов затесался другой гном на ходулях. И он, и я встретились взглядами лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы увидеть друг в друге родственную душу. Гном на ходулях подбежал ко мне, но его не сбивали с ног — этим мы отличались. Быть может, в тот момент пропасть между нами была только трещиной, медленно, но верно разрастающейся.

— Вторая сказка называется "превращения".

Она перелезала через высокий забор. Пока что на нём не было колючей проволоки, но кто знает? Была ночь, такая, какой она бывает только летом: сиреневые сумерки, запах цветов и прохладный спокойный воздух, наполненный стрекотанием цикад. Близилось наше время. Время метаморфоз и полётов.

— Надо вообразить крылья, — сказала она.

Тогда у неё не было этого страшного имени. Она не была Отступницей, но я никак не могла вспомнить, как её по-настоящему звали. И не надо было — зачем?

Мы взяли за руки и пошли по проселочной дороге в сторону оврага.

— Если бы они были у тебя — какими бы они были? — спросила я.

— Прозрачными, — сказала она с закрытыми глазами, — Переливающимися радугой. Как у стрекозы.

— А они у неё переливаются? — изумилась я.

— Иногда, — буркнула она, — Не отвлекайся. Думай.

— А у меня бы они были белоперыми, — сказала я, — С черными кончиками. Большими-большими, чтобы я могла лететь высоко и перелетела океан. Как некоторые птицы путешествуют с одного полюса на другой.

А на мгновение мы их почувствовали. Тяжесть за нашими спинами и ощущения всемогущества. А на часах было 5:30.

— Третья сказка называется "тысяча и одна ночь Луизы"

Телевизор работал в гостиной, я сидела на диване. Сам по себе сериал не был интересен, но вот с девочками — очень даже. Было слышно, как работает фен у Клариссы и жарятся макароны у Луизы. А вот у меня всегда было тихо.

После титров Луиза рассказывала о своей жизни. Она часами могла жаловаться на домашний арест, восхищаться новой коллекцией одежды от нашего любимого дизайнера, смеяться над случаем в классе и злиться на футболистов, опять учинившим нам пакость. Рассказывай это кто-нибудь другой — и мы бы померли от скуки. А из уст Луизы это было интересно. Чем-то в эти моменты она напоминала Элли.

— Четвёртая сказка называется "первый полёт".

Да, я действительно в ней видела родственную душу. Мы обе были чайками, но я не знала, что она — поморник.

Всё решил май. Всё решила нагретая солнцем крыша и раскалённое железо. То было после полудня, в жару, когда воздух замер, и всё вокруг замерло, утомленное зноем и городской пылью. Только цикады надрывались, заглушая шум далекой газонокосилки.

— Сейчас не 5:30, но я чувствую, — сказала я, подходя к краю крыши и раскидывая руки, — Посмотри, мои руки не обрастают перьями?

Безобразная улыбка исказило её лицо. Очки упали на землю, разбившись. Сверкали на солнце, как бриллианты — только бриллианты эти были подделкой. Глаза налились кровью.

Медленно, шаг за шагом она подходила ко мне, Медленно, шаг за шагом увеличивалась пропасть между нами. А я не замечала — я была дурой. Глупой чайкой, смотрящей в небеса, а не вниз. Рука Клариссы протягивается, я оборачиваюсь. Её ухмылка на каменном лице — последнее, что я вижу. Она ощущает тепло моего живота и становится Отступницей. Это всё изменило, это её перекроило — а может быть, она всегда былараскроенной?

— Пятая сказка называется "бескрылая чайка".

Голову кутают бинты, на кровать падает мягкий дневной свет. У чайки оборвали крылья, чайка сломленна и не может читать и писать. Впоследствии чайке пришьют крылья,

но они не заменят настоящий — это крылья дворового голубя, неуместные, неприжившиеся, чужие.

От меня все отвернулись — не могли видеть эти уродливые шрамы и тремор в конечностях, не могли слышать мой сдавленный хрип по ночам, не смогли вернуть мне утраченный оптимизм и крупницы воспоминаний. Сломленная, разбитая, искорёженная чайка.

— А теперь, когда ты услышала пять сказок, разгадай две загадки.

— Ты совсем решила меня добить? — прохрипела я.

Она жадно впиалась меня своими чёрными глазами. И в ту минуту я ощутила, насколько она страшна. Эти глаза видели сгорающих родителей. Эти глаза видели разбитые сердца.

— Загадка первая, — пропела она, — Пять сказок, пять утра, пять лет. Почему?

По моим щекам не катились слёзы. Своё я уже выплакала. Все эмоции смешались в невообразимую кашу.

— Загадка вторая, — продолжила она, — Зачем поморнику нужны крылья буревестника?

Она помахала мне рукой перед тем, как покинуть меня и выкинуть из пустыни.

Я очнулась лежащей в своей постели. На тумбочке стояла ваза с цветами. Ветер из открытой форточке поднимал шторы. Возле сидел Лицедей.

— Очнулась? — обеспокоенно спросил он, — Что с тобой случилось?

— Не тот вопрос, — процедила я.

— Что-то нужно? — понимающе улыбнулся Лицедей.

— Да. Приведи мне Отступницу.

Она стояла передо мной, вытянутая, изогнутая, похожая на гусеницу. Только кальяна не хватало и верхушки гриба. Если приглядеться, на ней можно было заметить трещины. Она рассыпалась подобно разбитому зеркалу.

— Что тебе это дало? — просипела я.

Она непонятливо вскинула брови. Лицедей сопел позади меня. Остался, почувяв опасность. О да, оборотни чувят такое. Только вот вопрос состоял в том, от кого она исходила.

— Крылья, — раздраженно откинулась я на подушку, — Зачем было обрывать их?

— Ты хотела летать, — прошелестела Отступница, — Вот я и помогла тебе. Подтолкнула.

— И что тебе это дало? — повторила я, — Я же вижу, что ни мне, ни тебе это не помогло. Ты же понимаешь, что как бы крепко ты не пришила к себе чужие крылья, летать на них ты не сможешь?

— Это можно, — прошипела Отступница, — После метаморфоз. Я разрушу свок скорлупу.

— И станешь птенцом, — угрюмо сказала я, — Без мамы, братьев и гнезда. И сколько ты будешь расти — неизвестно.

Её лицо вновь исказила та самая ухмылка.

— Тьма — катализатор, — сказала она, — А здесь два источника тьмы. Если муза спасет Ворона, то в качестве запасной остаётся Ворожея.

— Ах ты гадина! — вскричала я и набросилась на неё.

Обе покатались по полу. Мои пальцы сжимали её горло, я смотрела в её глаза, но вместо страха видела в них торжество. Вот что чувствовал Гарри той ночью? Вот что чувствовал Ворон?

Лицедей, что-то крича, вцепился в меня и оттащил от неё. Отступница хохотала, всё больше покрываясь трещинами.

— Разве оно того стоит? — верещала я, удерживаемая Лицедеем, — Во что бы ты ни ввязалась, разве оно того стоит?! Где гарантия, что тебя не засосёт с головой?!

Лицедей треснул меня по голове.

— Дура! Хочешь, чтобы на твои вопли все Халаты сбежались?! — прикрикнул он.

Я замолчала. Отступница беззвучно хохотала.

— Я вижу длинные-длинные сны, — шептала она, — Они думают, что я попала в их сети. Но на самом деле я их использую. Когда они расколят меня, я отброшу их за ненадобностью. Симбиоз!!!

— Кто — они? — пискнула я.

— Пауки, — сказада Отступница.

Лицедей меня ещё крепче сжал.

— Уведи меня отсюда, — взмолилась я.

Он обнял меня за плечи и мы вышли из палаты, оставив Отступницу исступлёно хохотать.

Коридор был малолюдным. Все, кто мог, уже давно попрятались по палатам —

маленькие, закрытые миры. Парень с зелёными волосами валялся на скамейке, громко сопя. Я знала, что он не спал. И знала, что он не хотел идти в палату, потому что там острее ощущал своё одиночество.

— Когда я только пришла, то стены были исписаны, — сказала я, — Рисунки накладывались друг на друга, но не пытались перекричать. Здесь чувствовалась гармония.

— Гармония в хаосе? — понимающе спросил Лицедей.

— Именно, — кивнула я, — А сейчас половину закрасили. Спасибо, что не всё. Смирились с тем, что это особое место, где время остановилось, и престижным ему не стать.

— Интересно, как здесь было в прошлом веке? — спросил Лицедей, — Мой отец здесь лежал. Говорил, что здесь особая атмосфера.

Он достал откуда-то фотографию. Совсем старая, восьмидесятых годов. Девушки в джинсовых юбках, с дредами, множеством браслетов и жвачками, выдуваемыми пузырями. Кто-то держал шарики, кто-то мыльные пузыри. Расклешенные джинсы, значки, джинсовые жилеты, челки, цветные пряди. Засвеченные глаза, сверкающие брекеты и пластинки на зубах, яркие тени, блёстки на лице, стразы на футболках. Они стояли на крыльце, на том самом, на котором мы любим сидеть. Видно было, что фото было сделано внезапно, во время полуденного летнего зноя.

— Странно смотреть на старые фотографии, — сказала я, — Всем этим людям сейчас за сорок, а кто-то, возможно, умер. Но тогда они были молодыми и счастливыми.

— Фотографии — кусочки света, — сказал Лицедей, — Обрывки прошлого. Отец мог перемещаться в воспоминания, держа эту фотографию. Конечно, менять ничего не мог. Но увидеть вполне было достаточно, чтобы стать счастливым.

Он достал ещё одну. Уже шестидесятых годов. Черно-белое изображение нашего заднего двора. Тогда там ещё не было качель, а деревья были совсем молодыми. Но уже среди кустов петляли тропы неведомых следов. На земле по-турецки сидела девочка, играя на флейте. У неё были седые волосы.

— Королева? — ошеломлённо спросила я.

— Она была перед предыдущей, — сказал Лицедей, — По рассказам, умела играть на тростниковой флейте, которую никто не мог взять, кроме неё. И многое сделала для Иных. Отец восхищался ей. Нет... Он любил её.

Лицедей криво усмехнулся.

— Любил ту, которая к тому времени была давно мертва. В ту, которая жила, когда он ещё не родился.

Он достал ещё одну фотографию. Тоже шестидесятые. Бородатый хиппи играл на гитаре, рядом сидела черноволосая девушка, положив голову на его плечо. Вокруг люди играли на трещотках, хлопали, пели и выглядели счастливыми и безмятежными. Их волосы были украшены цветами, волосы были длинными, а одежда просторной, струящейся и, похоже, очень яркой. Крайняя девушка показывала знак победы, её пальцы были украшены сердечками, на футболке была символика хиппи. Их окружали цветы и бабочки.

— На самом деле лежал только играющий на гитаре, — сказал Лицедей, — Он постоянно видел убитых. В зеркалах, во сне, во время учёбы. Друзья его не забыли и навещали каждый раз, когда выдавалась такая возможность. И не только. Иногда тайно приходили. Тогда политика этой больницы была не такая жесткая.

— Я почти слышу песню, которую они поют, — сказала я, — "Игры разума"...

Он дал мне другую. Ещё старее. Девочки в длинных платьях в горошек, мальчики в

шортах до колен и гольфах. Девочка с кудряшками держала зажигалку, её подбородок почти касался огонь. Прямо в камеру смотрел тёмноглазый мальчик, его волосы обрамляли лицо, открывая лоб, оттеняя скулы. Бледная кожа пронизывающий взгляд, который говорил о большем, чем слова.

— Тридцатые годы, — сказал Лицедей.

— Этот мальчик... — сказала я, — Он кажется... Знающим? Очень похож на Вечность.

— Как будто говорит сквозь время, — сказал Лицедей, — Давно мёртв, но живет среди фотографий и рисунков на стенах. Вечность бы понял, какой из рисунков принадлежит ему.

— А ты? — спросила я.

— А я нет, — сказал он.

— Откуда у тебя эти фотографии?

— Отец дал. А ему дал друг. Они очень ценные... Их нужно беречь.

Он убрал их во внутренний карман.

— Если бы я мог стать Знающим... — горько сказал Лицедей, — Если бы я мог пройти инициацию... Но я всего лишь Оборотень... Канатоходец, едва балансирующим между светом и тьмой. Если я превращусь, то уж точно не в Знающего. Скорее, это будет кто-то вроде Отступницы.

Мы вышли из больницы. Царила южная ночь, пахло фруктами и дымом.

— Куда пойдём? — спросил он.

— Куда угодно, — сказала я.

Серые воспоминания

Двадцать лет назад больница не особо отличалась от нынешней. Рисунков на стене побольше, виниловые пластинки громче, свободы больше. Сад буйствовал цветами, зелень была особенно яркой на фоне летнего зноя, казалось, ей не страшны были лучи солнца. Лимонное дерево несло плоды, которые склоняли ветки чуть ли не до земли.

На траве сидели девушки. Одна была в платье в горошек и с невообразимым начесом, который делал её похожей на единорога. Другая была с кудрями и в расклешённых джинсах. Обе в джинсовых жилетах, утыканных значками.

— Кажется, девчонки скучают? — послышался бодрый голос.

Парень с хвостиком подошел к ним, махая укулеле.

Из окна полилась песня каких-то хиппарей. В небе пролетела одинокая чайка.

— Скучно, — сказала девушка в джинсах, — Думала, что хоть тут отвлекусь от всего этого ужаса. Но нет. Тут ещё хуже.

— Королева говорила, что это место много лет служит приютом для Иных, — перешла на шепот девушка в платье, — Когда-то нам резали голову, пичкали наркотой, жгли током...

Она поёжилась, словно от холода.

— А ещё раньше просто пичкали наркотой, чтобы мы превращались в овощей, — кисло усмехнулась она, — Чтобы мы догнивали в приютах. О. И эксперименты ставили.

— Что ты всякие ужасы рассказываешь?! — возмутилась девушка в джинсах, — Хочешь, чтобы мне всю ночь кошмары снились?!

— Ты так и не придумала, как вернуть крылья? — склонился над ней парень.

— Нет! — в раздражении ответила та, — Откуда я знаю, как их вернуть?! Ты Знающий, тебе виднее!

Парень закатил глаза.

— Собери её по частям, — улыбнулся он, — Верни ей первоначальный облик. И тогда крылья отпадут за ненадобностью. И запомни: не жалея. Она не жалела, когда выдирала крылья у лучшей подруги. И ты не жалея, иначе обе погибнете.

На секунду мы с ним, казалось, встретились взглядом. Я знала, что он смотрит на лимонное дерево. Но у него был такой пронизывающий взгляд. Будто он смотрит сквозь время. Сквозь миры.

Разбудил меня звук включенного крана. Кларисса куда-то ушла, Клэр умывалась и чистила зубы. Я присоединилась к ней. С каменными лицами мы елозили щетками во рту, а потом не выдержали и рассмеялись. А потом мне стало не по себе от ощущения удущья, которое меня схватывало каждый раз рядом с ней и я поспешила ретироваться. Потом меня с другими больными заставили высаживать цветы под видом трудовой терапии, хотя на самом деле больнице нужна бесплатная рабочая сила. А потом пришли мои родители.

— Тебя кто-нибудь навещает? — спросила мама.

— Нет, — ответила я.

— Почему? Что, друзья позабыли о тебе?

— У меня нет друзей.

— Хорошо... Надеюсь, тебя скоро выпишут. Я попробую поговорить с мисс Алингтон.

Тебя же держат, как в клетке! А ты должна ходить в школу!

— Меня всё устраивает. Спасибо, мама.

Она порылась в сумке и достала несколько дисков.

— Вот, — сказала она, — Я принесла твои любимые. Меня так обыскивали, будто я барыга какой-то! Пришлось всю сумку вывалить, представляешь? Ещё и в дисках рылись... И еду, как оказалось, нельзя проносить!

— Просто проверяют на контрабанду, — объяснила я, — Был случай, когда одному наркоту протасили. Да и мобильники тут запрещены.

— Вот как... — покачала головой мать.

— Да, в дурках любят это дело, — подтвердил отец, — И траву протаскивают, и порошок, и алкоголь... И мобильники умудряются. Поэтому с этим очень строго.

— Ну, скучно молодняку, — развела руками мать, — Ни погулять, ни пообщаться нормально с друзьями... Кошмар!

— Тут ни капельки не скучно, — поспешила я заверить родителей, — И порядки не такие строгие, как в остальных больницах. Гулять по городу не выпускают, но во дворе можно. Да и для творчества тут большой простор. Пианино есть, инструменты для рисования, шитья, скульптуры... И спортивная площадка. Всё хорошо, не стоит волноваться.

Родители обеспокоенно переглянулись, но возражать не стали. Мы немного поговорили, а потом время вышло, и санитары выпроводили их. А я побежала к Эрику, Саймону и Грегу.

— Мальчики! — хлопнула я в ладоши, — Мне родки диски принесли!

Мальчики тут же обступили меня и принялись передавать друг другу диски.

— А у тебя хороший вкус, — одобрил Грег.

— А я говорил, что она мисс совершенство? — хохотнул Саймон, — Настолько крута, что Пол Маккартни с Бобом Диланом отдыхают!

— Потанцуем! — воскликнул Эрик, — Зажжем это унылое местечко!

Мы побежали наперегонки к проигрывателю.

— Кто последний — тот чистит на кухне картошку! — сказала я ради духа здорового соперничества.

В итоге я же и прибежала последней, а Эрик окрестил меня Королевой Очищенной Картошки.

— Я-то хоть королева, а ты кто? Герцог? — фыркнула я.

— Император! — воздел палец вверх Эрик.

Мы с мальчиками покатались со смеху. Грег вставил один из дисков в проигрыватель.

— Зажжем танцпол! — вскричал Эрик и принялся кружить меня.

Элли, сидящая с Мариам и Габриэль на диване, принялась хлопать в ладоши и смеяться. Клэр закружилась с Грегом. Остальные больные топали ногами, свистели и подпевали, а санитары напрасно старались их уговорить.

— О, дорогая! — пел мне прямо в ухо Эрик, — Пожалуйста, поверь мне! Я никогда не сделаю тебе больно!

Я загибалась от смеха, лицо всё покраснелось, щёки болели, во рту пересохло. В дверях стояла Элис, скрестив руки на груди. Всегда чужая, всегда лишняя, белая ворона, пятое

колесо. По своему выбору, из-за нас. Но через минуту, когда я опять на неё посмотрела, она тихонько пританцовывала, воровато оглядываясь.

— Ладно, мне надо на терапию идти, — сказал Эрик, потрепав меня по голове, — не скучай там без меня.

Пока никто не видел, я пробралась в его палату. Постель дышала запахом его шампуня: пята и лаванда. На тумбочке стояла ваза с одиноким цветком и томик японской поэзии. Я принялась рыться в ящиках, открыла дверцу. Там были только бумажки с одиноковым рисунком: петух, стоящий на одной ноге, как цапля. Я порылась под подушкой, в постельном белье, в шкафу. В кармане одного из его жакетов я нашла альбом с кожаным переплётом. Сев на кровать, я открыла его.

Первая фотография — похожий на Эрика кудрявый мальчик с перебитым носом, сидящий на кровати. Он смотрел чуть изподлобья, будто заглядывал в душу своими ярко-зелёными глазами, окаймлёнными красными кругами. Как будто он знал какую-то тайну. В руках держал фото той самой королевы...

Второе фото — двое, робко целующиеся в тени кустов. На них падала тень от листвы, в волосах запутались лепестки, под ногами хрустели сучья. На ней была мягкая фетровая шляпа и рваные джинсы на бёдрах, на нём — кожаные штаны и косуха, на обоих — одинаковые футболки с The Doors. А внизу была надпись:

Наши Джим Моррисон и Памелла Курсон в своём укромном уголке.

— Вот бы прикоснуться к тебе подольше, — услышала я шепот, — Я не дам Ластикку тебя стереть...

— Прости меня, милая, — ответил мужской голос, — Мы обязательно встретимся. Мы уйдём к морю и будем там жить, милая. Построим место, которое будет укрывать путников от бури. Оно будет на вершине скалы. Слышишь, милая? И там будет кафе с верандой... Обязательно.

Я заулыбалась, прикрыв глаза от блаженства. Потому что знала, что их мечта исполнится.

На третьем фото группа детей сидела на, судя по всему, чердаке. Сзади пылилось пианино, тогда ещё почти целое. Пепел валялся повсюду, в том числе и на их одежде. Мальчик, сидящий в центре, держал наш радиомаягнитофон. Девушка с внешностью азиатки и с черными пышными бровями склонила голову к его плечу. Другая девушка чуть запрокинула голову и в блаженстве закрыла глаза. На заднем плане кто-то с длинными вьющимися волосами и накаченными руками кормил голубей. Внизу виднелась надпись, аккуратно выведенная детской рукой:

Наш любимый чердак и его обитателями!

— Ай-ай-ай, как не стыдно? — услышала я ехидный смешок.

В дверях стоял Саймон, улыбаясь во весь рот. На руках сидел белый кот, внимательно глядящий на меня своими желтыми глазами.

— Это твой новый друг? — спросила я.

— Это Кошачья Королева, — почтительно сказал он, — Гляди, какая седая.

Кошка спрыгнула с его рук и побежала к окну. спрыгнула в сад и побежала вдоль цветущей клумбы.

— Кошка гуляет сама по себе, — пожал плечами Саймон, — Люблю я их.

— Ты ведь никому не расскажешь? — взмолилась я.

— Про то, как ты лазала в личном альбоме Эрика, который он не даёт смотреть даже

нам? — усмехнулся Саймон, — Ладно, я милосердный. Но за это ты будешь моей рабыней неделю!

— Идёт, — согласилась я.

Мы молча посмотрели друг на друга. Он понимающе кивнул и ушел. Я легла на кровать, рассматривая фотографии. Девушки с летних одеждах, двор, залитый солнцем, мяч в заплатах, огромные венки, куклы, рисунки на стенах, бенгальские огни, костры, плакаты с рок-группами, виниловые пластинки, мороженное, обнимающиеся мальчики и девочки, танцы в лёгком сумраке, посиделки на крышах и мир сквозь черно-белую и винтажную призмы. И тень леса на фоне светлого неба. Раньше здесь было много зелени.

Странно было смотреть на больницу прошлого века. Некоторые вещи с тех пор изменились, но в целом она не сильно отличается от нынешней. Как будто здесь и впрямь остановилось время. И любые новшества здесь особо не приживаются. Мобильники никому тут не нужны, даже Элисон их не протаскивает.

Вдруг дверь распахнул Кит. Он смотрел на меня дикими глазами. Я спрятала альбом. Как оказалось, уже был вечер, комната была залита красным светом заката.

— Никаких интересных снов не видела? — подмигнул он мне, усаживаясь рядом со мной.

Я рассказала ему про свой сон.

— Так это твоих рук дело? — завершила я свой рассказ закономерным вопросом.

— Я подарил тебе сон, — подтвердил он, — Сама бы ты его не увидела. Даже не всякий Знающий может смотреть сквозь время.

— Здорово, — восхитилась я, — Наверное, это воспоминания самой больницы. А может, её сон...

— Мне нравится твоя идея, — неожиданно расхохотался Кит, — Она такая же безумная, как и ты.

— А по фотографиям можешь? — спросила я, — Отец Лицедея мог так делать...

Я протянула Киту альбом. Он раскрыл его на самой середине, долго вглядывался в черно-белые улыбающиеся лица и медленно кивнул.

— Запрыгивай на локомотивпрошлого, — подмигнул он, — Прямо на его крышу, как и полагается таким безбашенным ребятам, как мы!

Мы легли вместе на подушку, соприкоснувшись лбами. Его смуглая кожа была горячей и сухой, дыхание частым и прерывистым. Его ресницы чуть касались моих щек, щекоча их. Держали в руках чуть тёплую фотографию, пахнущую старой бумагой и чернилами. Настоящее уносилось куда-то вперед, послышался треск виниловой пластинки...

— Что шепчут небесные птицы?

Мальчик в шортах выше колен и девочка с платьем в клеточку смотрели в небо. Стая голубей поднималась с крыши вверх, хлопая сизыми крыльями. Воздух дышал южным летом. Цвели розы, рододендроны, гроздики, лаванда, мята. На лимонном дереве уже набухали плоды, за забором — на персиковом дереве, виноградные лозы склонились над столом, на котором на тарелке лежали яблоки, груши и вишня.

— Ты думаешь, они шепчут? По-моему, они кричат, — сказал мальчик, — Они радуются, что улетели. И в этом я похож на них.

— Надо сфотографировать, — сказала девочка, — Позовём Мэг!

— Мэг! — хором закричали они, — Иди сюда, Мэг!

С крыльца скатилась шарообразная девушка в расклешенных брюках и футболке с Джоном Ленноном.

— Сфоткай их! — попросила девочка, указав на небо.

Голуби летели на фоне чистого и ясного неба. Мэг понимающе кивнула и убежала, а потом вернулась с громоздкой камерой. Когда она их сфотографировала, они были уже довольно далеки.

Вечерело. Во двор высыпала группка ребят. Мальчики были в шортах и рубашках с засученными рукавами, девочки были в платьях до колен и соломенных шляпах. Самый старший, долговязый и несуразный, тащил коробку с феерверками. Девушка несла граммофон.

— Тут у меня наземный есть, — принялся перечислять долговязый, — И высотный. Продавец пластинок дал.

— Он всё может достать, — чванливо сказал парень с прической, как у Пола Маккартни.

— И умеет натравливать пчел и собак, — прибавила девушка с граммофоном.

Девушка, идущая позади всех и несущая камеру, испуганно вжала голову.

— Не бойся, — покровительственным тоном сказал долговязый, — Я их напускаю только на тех, кто мне не нравится. А ты мне нравишься. На Марлен Дитрих похожа.

— Голубой ангел, — мечтательно вторил парень с прической Пола Маккартни.

Девушка включила граммофон. Полилась песня. Похожая на Марлен Дитрих установила

камеру.

— Тяжелая вещь, — пожаловалась она, — И, к тому же, сложная. Если бы мой отец не работал в фотосалоне, я бы и не разобралась.

— Хорошо, что он помогает нам, — сказал долговязый, — Нам ещё повезло с больницей. Сьюзан лечили в другом городе. Приехала как кукла. Сказала, ей лоботомию сделали.

Ребята одновременно вздрогнули. Долговязый принялся запускать феерверки.

— Эй, голубой ангел, — махнул рукой парень с прической Пола Маккартни, — Давай, вставай между феерверков. Потрясное фото получится, зуб даю!

Девушка, похожая на Марлен Дитрих, встала туда, куда ребята показывали. Неловко улыбнулась...

— Занимайтесь любовью, а не войной, — надрывался горе-музыкант, играя на пианино. Падал мягкий солнечный свет на пыльные клавиши. Впереди была раскрыта нотная тетрадь. Девушка, опершаяся на пианино, строчила что-то в тетради, где аккуратным почерком было выведено:

Тексты хитов

— Почему я на ней не могу сыграть? — вдруг спросила она.

— Не знаю, Оливия, не знаю, — вздохнул парень.

— Знающий, который ни хрена не знает, — фыркнула девушка, — Просто блеск.

— Но это не делает тебя хуже, моя дорогая, — нараспев произнёс он, — Ведь ты — дверь в сад и наездница единорога!

— Ну-ну, — фыркнула девушка.

— Ты знаешь, почему эту комнату называют Логовом Свахи? — по лицу парня поползла блуждающая улыбка, как у пьяного, — Эта комната сводит сердца. Эта комната дышит любовью! Эта комната — убежище всех влюблённых! Мы все здесь партизаны разума!

В комнату ввалился какой-то человек в кожанной куртке, притащил с собой громоздкую камеру и сфотографировал не ожидавших этого влюблённых. Вспышка!..

— Всё, хватит с тебя.

Ромео встал с кровати и потянулся, как после долгого сна. Я недовольно цокнула, а он шуточно погрозил мне пальцем.

— Не-не-не. Никаких больше воспоминаний. Ты не Знающая, а я не могу так долго тебя тащить.

Он кивнул мне, тепло улыбнулся и вышел из комнаты. Я сидела на кровати шевелясь, пытаюсь переварить пережитое. С фотографий на меня смотрели другие Иные, черно-белые, винтажные, давно умершие или постаревшие, и в то же время такие, как я. Такие, как мы.

— Вот как, — услышала я хмурый голос.

В дверях на меня мрачно смотрел Эрик. Исподлобья, склонив голову, что ещё раз подчеркивало величину его носа. Зелёные кошачьи глаза как будто светились в темноте. Я нашла его в этот момент очень похожим на своего отца.

— Не ожидал от тебя такого, — продолжил он, — Развлекаешься, значит? Ну, развлекайся.

Он закрыл альбом и убрал его в шкаф. Я молчала. А что говорить? В любом случае это прозвучит как жалкое оправдание.

— Уходи, — прошептал он, — Прошу, уходи.

Он отвернулся, дрожа всем телом.

— Уходи, пока я не превратился.

Я попятился к дверям. Он медленно развернулся, на глаза упали пяди волос, рот растянулся в ухмылке. Обнажились сверкающие клыки. Он медленно приблизился ко мне, прерывисто дыша.

— Не стоит заглядывать в чужие секреты, — прошептал он, — Кто знает, что прячется на дне чужого ящика?

— Лицедей! — заорала я.

Он встрепенулся, посмотрел на меня блуждающим взглядом. Я толкнула ногой дверь и убежала.

Малиновая дуэль

Мы с Эриком перестали разговаривать. Я не спешила мириться: в какой-то степени мне стало легче. Он ворвался в мою жизнь, перевернул её вверх дном, вытаскивал меня на крышу встречать рассвет, водил по свалке, рассказывая историю той или иной выброшенной вещи, мы рисовали на стенах баллонами и купались у пруду прямо в одежде, он заставлял меня заплывать чуть ли не на середину. Но когда мы оставались наедине, и у него в темноте ярко и жадно горели глаза, мне становилось не по себе.

Да и не до него было. Я гуляла с ребятами, ходили на чердак, сидели там у окна, вглядываясь в пейзаж города. Я с удивлением смотрела на пианино, и иногда мне там мерещился музыкант, играющий Леннона, и Оливия, стоящая рядом. В свете солнечных лучей, яркие, нереальные и винтажные.

А потом там случился пожар. Из-за Блейна, который чего-то испугался. Тот пожар всё решил — он сжег дружбу Блейна и Ромео. После Блейна увезли в обычную больницу, потому что он что-то повредил, и мы часто сидели на крыльце в неловком молчании. Тогда приходили кошки. Они пробирались через небольшую дырку в заборе, появляясь так же внезапно, как и уходя.

— Почему они так ко мне ластятся? — хохотала Элли, которую они буквально облепляли.

— Любят потому что, — отвечала Клэр, которую они сторонились, — Чувствуют, что ты чистая, как ребёнок.

— А тебя почему не любят? — спросила она, — У меня есть одноклассница, от которой все животные шарахаются. Идет такая, и вороны с громким карканьем разлетаются. Жутко это, если честно.

— Ну, городские некоторые меня любят, — задумалась Клэр, — Их вроде четыре, и я дала им имена. Им понравилось. А так... Эти чувствуют, наверное, мою тьму. А жаль. Я-то их люблю.

— От Брайана они тоже шарахались, — вспомнил Ромео, — А он гонял их, пытается поймать и погладить. Как вспомню, сразу смешно становится.

При его упоминании Элли тут же помрачнела.

— Поссорились, что ли? — удивилась я.

— Нет-нет, — замотала она головой, тут же натянув улыбку, — Всё в порядке. Я просто немного задумалась, но всё в порядке. Кстати, вы видели новеньких?

— Да, слабовато поколение пошло, — цокнул Ромео, — Ни одного Иного.

Я посмотрела за горизонт. Солнце уже почти село, вдали начинал разливаться алый.

— Да прям уж ни одного, — расхохоталась Клэр, — Просто кто-то подслеповатым стал.

— Да иди ты, — обиделся Ромео, — Ты даже отличать их от других не можешь, так что замолчи.

Вдруг кто-то начал нас расталкивать. То была Кларисса, она быстро спустилась по ступеням и побежала в сад.

— Как всегда, — фыркнул Ромео.

— Странная девица, — пожала плечами Клэр.

— Мне нужно поговорить с ней, — прошептала я.

Я вскочила и побежала за ней. Пришлось продрасться сквозь кусты. Ветви царапали меня, листья запутывались в моих волосах, ноги натыкались на старый и начинающий гнить мусор. Она сидела на качелях, медленно раскичивая и глядя на заходящее солнце. Я подошла к ней и стала её раскачивать ещё сильнее. Она откинула назад голову и закрыла глаза. Косы растрепались, казалось, ещё немного, и они расплетутся.

— Мне кажутся очки лишними для тебя, — сказала я.

— А тебе всё время что-то кажется, — сказала она, — Иначе бы ты не попала сюда.

— Что скрывается за ними? — спросила я, останавливая качели.

— А ты узнай! — закричала Отступница, напрыгивая на меня, — Хочешь крылья? Так отбери их у меня!

Она выхватила нож и замахнулась. Я попыталась выбить его из её рук, но она была неумолимо сильна.

— Дуэль! — громко скандировала она множеством голосов, — Дуэль! Дуэль! Дуэль! Дуэль!

На секунду перед моими глазами вспыхнула картинка.

Та же девица. Нож-бабочка, выпады и скандирования толпы.

— Нет, — кричала я, отбиваясь от нападков Отступницы, — Я знаю, чего ты добиваешься.

— Да неужели? — нало ухмыльнулась та.

Лезвие вонзилось в моё плечо.

Капли крови на аккуратно подстриженной траве. Ликование остальных. Воровка, почувывая кровь. Бескрылая, попавшаяся на удочку страха.

Я не кричала. Я отважно смотрела в её глаза, прячущиеся за толстыми линзами очков. Она хочет моей крови, но она не получит ни капли. И страха тоже. Как бы не саднило плечо. Как бы ярка не была кровь и как бы красивы не были её брызги. Боль полоснула меня, и я приму её. Я не издам ни звука.

Порез за порезом. Страх, парализующий бескрылую. Воровка не убивает. Воровка играет, как кошка с полудохлой мышью. Она как бешеная собака, впервые узнавшая вкус крови. И теперь её не остановить. Выбор сделан, жребий брошен, и разлучить их смогут только прутья клетки. Осталось решить — падать будут двое или только одна.

Изловчившись, я выбила нож из её рук и повалила её на землю. Она с ненавистью глядела на меня, скаля зубы.

— Ты думаешь, что если пришьёшь себе мои крылья, то у тебя будет всё? — прошептала я, приближая своё лицо к её, — Нет, дорогая, теперь у тебя ничего нет.

— Я поглочу тебя, — прорычала она, — От тебя ничего не останется. И что ты на это скажешь, общипаная птица?

— Да ты посмотри на себя! — расхохоталась я.

Моя кровь закапала на её лицо. Ярко-красная, горячая, такая неуместная на фоне её фарфоровой кожи. Она тяжело дышала, как громадный зверь, и нервно смеялась, как будто смеялась в лицо самой истине. Свет заходящего солнца в последний раз упал на неё, и я увидела трещины, покрывающие её с головы до пят.

— Чувствуешь? — ликующе спросила я, — Скоро ты рассыпешься на части. Сначала ноги. Потом руки. Потом лицо. Ты навсегда увязнешь в том аду, который сама сотворила.

— И что ты сделаешь? Это не остановишь. Процесс запущен. Тебе останется смотреть на крушение вражеского корабля. Смотри и ликуй, победительница! Чудовище повержено и

скоро сгинет в тёмной пучине, а ты сможешь летать.

Она закашлялась. Видимо, я слишком сильно придавила её к земле. Я чуть ослабила хватку.

— Но знаешь, что? Я унесу крылья с собой. Я не дам тебе их урвать, ясно? Ты сгинешь вместе со мной, девка!

Она истерически расхохоталась, а я отпустила её и в страхе убежала. Бежала по темнеющему саду, продиралась сквозь кусты. Рука сжимала окровавленное плечо, чувствовала тёплую влагу и солоноватый запах, боль переключила моё внимание только на себя.

— Смотри, как ветер гуляет.

— Он провожает её.

Они держались за руки — бескрылая чайка и её приятель с длинными патлами. Смотрели на бушующую воровку, хватающуюся за прутья решетки в бессильной истерике.

— Я жду тебя, — хохотала она, — Эй, чувиха, я жду тебя. Встретимся в Сан Франциско, чувиха!

Парень обнял ту, к которой она обращалась. Прижал её к себе. На спине виднелись рваные шрамы, расползающиеся по всему телу. А воровка ликовала: ей удалось захватить с собой аж двоих.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кровь стекала по белой раковине, стекала по спирали причудливым водоворотом, чтобы исчезнуть во тьме канализации. Казалось, ей не было конца. Рядом валялась порванная и испачканная футболка. На коже виднелась уродливая рваная рана, которая ужасно саднила. Я даже не могла пошевелить рукой, не вскрикнув.

Я посмотрела на своё отражение и впервые испугалась саму себя. Горящие во тьме глаза. Такие же, как у Лицедея. Такие же, как у Отступницы.

Тому, кто борется с чудовищами, следует опасаться, чтобы самому не стать чудовищем.

Лицо исказила ухмылка. Рыжие кудри спутались, как у брошенной куклы. Веснушки особенно отчетливо виднелись на фоне побледневшей кожи. Тело исхудало: отстрые локотки, торчащие рёбра и тазовые кости, осунувшееся лицо. Лето заканчивалось, а вместе с ним и мой запал.

В меня полетел листочек в клетку. Я поймала его и принялась читать. Какая-то анкета, датированная 1961.

— Раритет, — ухмыльнулся Саймон.

— Выйди, пожалуйста, — хмуро сказала я.

— Да не вопрос, — сказал он, но не вышел, а только отвернулся, — Это тебя Отступница так отделала?

— Дуэль, — процедила я.

— Могу бинты принести, — сказал он, — Ты на Эрика не злись. Он дурак.

— Он же твой друг.

— Ага. И дурак.

— А причем тут анкета?

— Когда-то был подобный случай. Всё закончилось тем, что у все трое дружно сошли с ума.

Он приблизился ко мне, внимательно глядя своими тёмно-карими глазами.

— Чтобы победить ту, кто пришла из бездны, ты должна посмотреть в бездну. А чтобы

посмотреть в неё, ты не должна бояться. Не будешь бояться — не дашь ей над собой власть.

— Если боюсь — то я проиграла?

— Да. представь, что это игра. Только на кону кое-что очень важное.

— Так анкета-то причём?

— А ты прочитай её. Может, узнаешь свою подружку.

Он улыбнулся, подмигнул и покинул ванную. Я заглянула в листочек. Стандартная анкета девочки-подростка, как это поможет мне одолеть Отступницу? Видимо, придётся идти к Эрику за помощью...

— Эрик, не будь ребёнком, открой.

Комната заперта изнутри. Я стучусь о белую дверь с облупленной краской. Изнутри доносится гитарная трель. Я вздохнула и вышла во двор. подошла к окну, ведущему в его палату. Оно заперто, из-за шторы ничего не видно, кроме кактуса, статуи манэки-нэко и крохотного садового гнома.

— Эрик, мне вовсе не хочется терпеть твои обиды. Речь идёт о жизни и смерти.

Небо затянуло серыми тучами. Я почувствовала первые капли дождя. Чувствовалось дыхание осени в этом прохладном августовском ветре. Я постучало по стеклу. Потом постучала ещё сильнее. Ноль реакции. Но я знала, что он там: притаился, умерив дыхание, выжидал.

— Я выбью стекло, если ты меня непустишь, — спокойно сказала я.

Он подошел к окну, распахнул его. Пахнуло лимоном и спиртом. Помог мне залезть. Попутно я свалила статую кошки и гнома, задела кактус, больно уколовшись. Он запер окно, занавесил шторы. В комнате царил полумрак. Эрик поднёс горящую зажигалку к ароматической палочке. Призрачная дымка окутала помещение, из-за чего Лицедей казался ещё таинственнее. Словно провидец, словно колдун с горящими зелёными глазами. Я в изумлении смотрела на него, понимая, что он далеко не странный, сумасбродный мальчик, которым я раньше его считала. Он оборотень, перевёртыш, знающий о Грани даже больше, чем я. И потому лучше с ним не ссориться.

— Прости, — выдохнула я.

Он мягко улыбнулся.

— Я разворошил твои секреты, ты разворошила мои. Мы квиты, малышка.

Его взгляд остановился на моём плече.

— Это уже случилось?

— Была дуэль. Точнее, это она на меня напала.

— Дуэль... Давно их не устраивали.

— Раньше они были популярны?

— Не очень. Детский сад это какой-то, если хочешь знать моё мнение.

— Я хочу... Я хочу её победить. Саймон дал мне это. Сказал, что может помочь. Но, по моему, это бессмыслица какая-то.

Я дала ему бумажку. Он развернул её, принялся вчитываться. не представляю, как он это делал при таком освещении. Через несколько минут он поднял на меня глаза и лукаво сощурился.

— Ничего не замечаешь?

— Эээ... А что я должна замечать? Анкета как анкета. Любит девичьи группы, состоящие из визгливых мальчиков, сериалы о том, как куча детей собачится между собой, и гамбургеры. Ничего особенного.

— Посмотри внимательно. Точно ничего не замечаешь?

Я бегло прошлась взглядом по неровным строчкам и помотала головой.

— Сам почерк как будтокричит, — сказал Лицедей, — Буквы расползаются, наполняя собой пространство. Чайка-поморник, воровка, хамелеон... Такими движет жадность,

страстное желание получить всё, до чего дотянутся руки. Им и всего мира мало, они хотят ещё и ещё. Они глотают воду из мирового океана, пока не лопнут, ибо им всё мало. Цепкая лопнула, забрызгав своим ядом Пастушку. Мы не можем ждать, пока лопнет Отступница, потому что произойдёт абсолютно тоже самое. помнишь твоего друга, который стал Безжизненным? Тебя ждёт тоже самое.

По моей коже пробежали мурашки, когда я снова вспомнила цепкие пальцы Гарри.

— Тогда что мне делать? — взмолилась я, — Я не хочу заканчивать свои дни в Клетке!

— Для начала успокойся, — положил мне руку на плечо Лицедей, — Научись читать между строк. Эта анкета с виду кажется обычной. Но посмотри: пункты противоречат друг другу. слова залезают друг на друга, кричат. Никогда не замечала такое за Отступницей?

— Я замечала это за собой. До сих пор не могу научиться нормально писать, часто рука дрожит, и теперь я понимаю, почему.

— Руки Отступницы тоже будут дрожать, буквы будут расплываться в её глазах. В конце концов она выронит ручку и больше никогда не поднимет. В какой-то степени история циклична. И жизни людей тоже цикличны.

— Значит, меня будет ждать тоже самое? Отступница меня утешит?

— Нет, если будешь действовать быстро. Верни ей первоначальный облик. Вырви её из оболочки яйца. Разбей, пока оно само не начало покрываться трещинами.

Я тяжело вздохнула, потому что совершенно не представляла, как это сделать. Воспоминания о начальной школе перепутались, я перестала отличать "до" от "после". И мне уже начинало казаться, что она всегда была безликой, скрывающейся за очками и длинными косами, этакая тихоня, девочка-ботан из подростковых сериалов.

— Начни с имени, — любезно подсказал Лицедей, — Оно обычно простое, означает главное свойство его носителя.

— Ну, не скажи, — воспротивилась я, — Я бы не догадалась, что Кита так зовут. Почему не Южанин или Черноокий? Это бы ему больше подошло.

— Потому что он выброшен на берег, — вздохнул Эрик, — Вечность тебе больше расскажет.

— Ладно... Как я узнаю её имя?

На этот раз тяжело вздохнул уже Лицедей.

— Ладно уж, так и быть. Спросим ответа у прошлого.

Он обнял меня, повалив на кровать рядом с закрытым альбомом. Закрыв мне глаза своей рукой.

— Пусть наши сердца ведут нас.

К резиновым сапогам липла грязь. Всюду раздавались шерохи, всплески воды, чавкания мокрой земли. Всё вокруг отдыхало после продолжительного ливня. Небеса были хмурыми, серым и унылым. Девочка в старом, дырявом плаще-дождевике вела мальчика в больничной пижаме. Рукава его были засучены, и на них виднелись следы от уколов, а на запястьях были надеты фенески и браслет с надписью "all you need is love". За ними плелся мальчик помладше, в расклешенных джинсах и футболкой с led zeppelin. Он нёс в руках кассеты с альбомами и плеер с огромными наушниками.

Вскоре они подошли какой-то деревянной подсобке. Дверь со скрипом отворилась. Пол был земляной, так что внизу было выкопано метра на три и приставлена лестница.

— Куда это ты меня привела, Доминика? — посмеиваясь, спросил тот, кого она вела за руку.

— Спускайся, Оливер, — сказала она.

Первым спустился всё же мальчик, идущий позади. Потом он помог Доминике. Вслед спустился Оливер.

Внизу было кострище, которое давно не убиралось, пеньки, покрытые трещинами и улитками, банки от консервов и куча кассет.

— Вот это да, — восхищенно сказал тот, кто первый спустился, — Вот это класс! Тут и Боб Дилан есть, и Леннон, и Йоко Оно...

— Ладно, мы поняли, — фыркнула Доминика, — Ты эту шарманку можешь до ночи тянуть, Чарли.

— Классное место, — сказал Оливер.

— Ещё бы, — потянулась Доминика, — От старожилов досталось. Тут проходят и свидания, и совещания Знающих... А ещё тут засыпать здорово. Всегда видишь самые необычные сны. Можешь даже за чужими подглядеть. Я люблю приходить сюда одна и думать...

Она с обожанием посмотрела на Оливера. А тот достал фотографию... Фотографик Королевы.

— Ночи опускается... — пробормотал Чарли, — Как бы тебя Халаты не хватились, Безнадёга.

— Не хочу быть игрушкой Ластика, — неожиданно жёстко сказал Безнадёга.

Доминика разожгла костёр. В свете неяркого пламени черты лица безнадёги заострились, сделались какими-то грубыми, волчьими. И всё же их можно было узнать. Те самые кудри, тот самый широкий нос, те самые зелёные глаза. Они завораживали, в них отражались проблески пламени. Они были похожи на призрачный свет маяка посреди открытого океана. Свечи русалок, манящий заблудившихся моряков. Неудивительно, что Доминика была так загипнотизирована ими. Безнадёга вновь взглянул на фотографию Королевы, и его взгляд смягчился, стал согревающим, ласковым. Но этот взгляд предназначался не для Доминики, и бедняжка не знала, что она никогда не займёт в его жизни место давно умершей девочки. На то он и Безнадёга.

— Повезло тебе, — нарушил затянувшуюся тишину Чарли, — Ты знаешь о своём имени. Я моё так и не смог узнать.

— Это довольно легко, — оторвался от созерцания Безнадёга, — Оно проявляется в детских прозвищах, обидных ругательствах, сравнениях, в твоей характерной черте, в том, с чем тебя все ассоциируют. Просто подумай — кто ты есть? Кем тебя видят? Кем тебя называют?

— У меня не было детских прозвищ... — расстроился Чарли, — И я не знаю, какая у меня наиболее примечательная черта. По-моему, у меня их много!

— А может, ты подскажешь? — оживилась Доминика, — Всё-таки ты нас очень хорошо знаешь... Вот меня ты кем видишь?

— Ха-ха, глупая, — пожурил её Безнадёга, — Я не настолько проницательный, чтобы догадаться об истинном имени. Ты должна узнать его сама.

— Так, а пока мы тут болтаем, давайте-ка запечатлим этот момент на снимке! — засуетился Чарли, — Это же наша первая ночь на легендарной подсобке! Кто знает, когда мы ещё раз так встретимся...

Он принялся копошиться в сумке. Достал фотокамеру из своей сумки.

— Ты что, её всё это время таскал с собой? — удивилась Доминика.

— Это ещё что, — ухмыльнулся Безнадёга, — Как-то раз он достал оттуда мотор для машины. МОТОР!!! Всё-таки его сумка это кладёзь сокровищ.

— Может быть, твоё истинное имя — это Кенгуру, — хихикнула Доминик.

— Да ну вас, — сказал Чарли и щёлкнул...

— Хм... В принципе, ничего нового я не узнала... Эй, ты чего?

По щеке Лицедея одна за другой скатывались слёзы. Он шмыгал покрасневшим носом и смахивал их ресницами. Как-то сгорбился вдруг, сделался маленьким и беззащитным. Поддавшись порыву нежных чувств, схожих с сестринскими, я прижала его к груди и принялась гладить его жесткие волосы, похожие на кудри африканца. И тут он громко высмаркался.

— Эй! — оттолкнула его я, — Я тебе платок, что ли?!

— А это тебе месь за альбом, — ухмыльнулся тот, — Теперь мы точно квиты.

Я тяжело вздохнула, поняв, что мне придется ещё раз стирать одежду.

— На вас футболок не напасёшься, — пожаловалась я, — То меня колой обливают, то ножом тычут, то теперь это...

— А это твоя карма, — назидательно поднял он палец вверх, — Твоё кредо. Ты обречена всю жизнь стирать свои футболки. Смирись и плачь, детка!

Кажется, он повеселел.

— А что случилось? — спросила я, — Почему ты вдруг расплакался?

— Просто... — опустил он голову, — Это были мои родители.

— Они оба были Иными?

— Да... И если мать смогла адаптироваться к обществу, то отец не смог. Но проблема была не только в этом. Мама любила моего отца беззаветно, смотрела ему в рот, бегала за ним, как дурочка... А он просто этим воспользовался. Нет, он всегда был добр с ней, никогда не предавал, но когда когда он смотрел на неё, то видел ту Королеву. Он любил её, по-своему, земному. Но не так, как Королеву. Безнадёга...

— Интересно, почему?

— Кто знает? Может, он находил это безумно романтичным. Любить образ той, кого с нами давно нет. Я догадывался, что он видел её во снах. Хотя он об этом не говорил никогда. Но мне кажется, что да. Знаешь, я думаю, что даже если бы она была жива, то всё равно бы мало что изменилось. Потому что она жила в своём мире.

— Как Скрипичный Ключ... Тогда как она была Королевой? Разве может она быть серым кардиналом?

— Да, вполне. Безмолвная тень этого дома. Она действительно многое сделала для тогдашних ребят. Останавливала кровопролития, удерживала от страшных ошибок. Куда уж нынешней сравниться с её жалким платком!

— Ты так говоришь, будто тогда Иные были жестокими.

— В некоторой степени. Просто у них были свои порядки. Как в волчьей стае. Но и времена были другими.

Ароматическая палка погасла. Лицедей не стал зажигать новую. Мы просто лежали на кровати, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, потому что вдруг стало очень холодно. И я знала, почему: это шагала зима. Мы сохраняли остатки тепла, лежали вдвоём, наслаждаясь последними летними вечерами.

Безцветное имя

Рано утром меня натошак повели на обследования, так что после них я планировала отсыпаться часов до двух. Но не тут-то было. Меня разбудила мисс Алингтон, сказав, что ко мне пришли. Вздохнув, я пошла в комнату свиданий.

За столом сидела Луиза. Распущенные черные волосы, полное отсутствие косметики. Она была сама на себя не похожа. И в этих грубых южных чертах проскальзывали черты подруги детства.

— С чего это ты вдруг решила навестить меня? — удивилась я, — Я думала, мы больше не подруги.

— Вот, — сказала она, протянув мне пакет с мандаринами.

Я достала один и стала чистить.

— Ты же училась в школе искусств? — спросила я, жуя, — Знала Блейна?

— Онучился в параллельном классе, — сказала она, — Блейн был такой ангелочек, со светлыми волосами, крыглыми глазами, фарфоровой кожей. Когда он играл, всё вокруг замирало. Гордость школы. Когда он попал в психушку, я уже ушла из той школы, так что не знаю подробностей. В любом случае, не это важно. У нас много чего произошло.

— Например?

— Ну...

Луиза наконец подняла на меня взгляд, полный боли. Казалось, она вот-вот расплачется.

— Марк погиб.

— Что?!

Я вскочила, опрокинув стул и напугав сторожащих санитаров. Пришлось глупо улыбнуться и заверить их, что всё в порядке.

— Как это случилось? — уже потише спросила я.

— Сорвался вниз на машине с оврага, — сказала она, — Говорят, это было самоубийство. Но предпосылок никаких не было. Официально.

— А что думаешь ты?

— Я думаю, это Сандра его довела, — отчеканила Луиза, — Никогда её не любила.

— Сандре самой нужна помощь, мне кажется.

— Пусть страдает одна. Других в это зачем вмешивать?

Её глаза предательски заблестели. Она моргнула, и по её щекам скатились злые слёзы.

— Она даже не понимала, насколько сильно он её любил. Да я бы пол жизни отдала за то, чтобы меня так кто-нибудь любил!

— Если он её любил... — тихо сказала я, — То зачем оставил одну?

— Потому что не смог вынести, — пожалала плечами Луиза, — Уж поверь, я этих двоих давно знаю. Сандра никогда его всерьёз не воспринимала, и он это видел. Я не понимаю, зачем она вообще с ним встречалась. Уж точно не из популярности. Ей это не надо.

Мы обе притихли, каждая думая о чём-то своём. Её плечи тряслись от беззвучных рыданий мне в нос ударяли её любимые духи с резковатым запахом мяты.

— А ты девченка нормальная, — вдруг сказала она, — Зря ты попала сюда. Ничего, вечно же тебя здесь держать не будут... Ты странная, но нормальная.

— Нет, — улыбнулась я, — Я больная. Псих.

Время посещения закончилось. Мы кивнули друг другу и разошлись. Она — на улицу, в мир "нормальных". Я — вглубь психиатрической больницы. Вспоминала Марка. Он часто посмеивался надо мной, но никогда не переходил черту. И друзей часто осаждал, когда они перебарщивали. Я их часто видела с Сандрой. Он смотрел на неё с дрожащей улыбкой, поправлял её волосы, отдавал ей свой ланч. Она витала в облаках, и её улыбка была фальшивой. Я давно заметила, что с ней что-то не так. И мне подумывалось, что это заметил и Марк, и он знал, что она не станет с ним делиться, и если её начнут спрашивать, то она будет отнекиваться, утверждая, что всё хорошо.

Я вышла в сад, села на скамейку. Осень была совсем близко, дышала мне в спину. И ветер стал холоднее, и листья были не такими зелёными, и небо всё чаще затягивало тучами. Но сегодня было вновь жарко, как будто всё в порядке, как будто лето в целом разгаре, и только в самой глубине деревьев притаился первый желтый лист. Скоро скамейку уберут, время прогулок сократят, по больнице начнут гулять шарфы, шапки и свитера. Включатся батареи, все попрячутся по палатам, прижимаясь друг к другу и разжигая воображаемые костры.

— Что такое? Ты захандрила? Тебя вроде кто-то навещал, она тебя обидела?

Рядом со мной сидела Элли. Полосатые гетры на руках и ногах, куча браслетов и бус, сумочка, увешенная побрякушками.

— Кажется, нас ждёт пополнение, — сказала я.

— Но ведь к нам всё время приходят! — всплеснула руками Элли, — Тот очкарик, Сара, Жюли, Элис, Габриэль...

Сарой была полная девушка на инвалидной коляске. Способность ходить она потеряла после аварии. Но кроме этого, у неё была ещё и анорексия. Её приходилось заново учить есть, и она сопротивлялась всеми известными ей способами. Так как у нас были похожие характеры, мы быстро подружились.

А Жюли привел к нам Блейн. С гордостью представил её как нежнейшее и кроткое существо. Сначала мы долго ржали, а потом всё-таки приняли её в свой круг. Бедняжка страдает речевым дефектом, то есть бесконтрольно сквернословит.

Я посмотрела на Элли. Она как-то поникла, волосы потускнели и свалялись. Был видно, что она не одну ночь не спала.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Нет-нет, — помотала она головой и улыбнулась.

Удивительно, как улыбка сразу изменила её лицо, буквально озарила его. Ни у кого, кроме неё, я больше не видела такую настоящую-фальшивую улыбку.

— Если ты хочешь выговориться, то я к твоим услугам, — сказала я.

— Всё в порядке, — поспешила она заверить меня, — Правда. Просто я каждую ночь бк нему бегаю. Не высыпаюсь.

Я нахмурилась, но расспрашивать дальше не стала. Откинулась на спинку скамейки, подняла глаза вверх. Высокая серая стена, покатая крыша, карниз, голубое небо. Вдали на ветках яблоней висели зелёные плоды. На кустах появились ярко-красные ягоды. Было жарко, пахло сухой травой. Скоро со всем этим мы попрощаемся. Скоро всё накроет снег, унесет с собой северный ветер. Скоро не будет этих беззаботных летних деньков.

— Чего хандрим, дамы? — услышали мы бодрый голос.

Ветки, примятые колёсами, жалобно затрещали. К нам подъехала Сара и остановилась

рядом. Её ноги накрывал клетчатый плед. Она была единственной, у которой никто не осмеливался забирать вещи. Она сама их отдавала.

— Тоскуем по уходящему лету, — сказала я.

— Так оно же ещё не закончилась, — удивилась Сара.

— А мы заранее тоскуем.

Элли закрыла глаза, задремав и положив мне голову на плечо. От неё пахло конфетами и детским шампунем. Она казалось такой хрупкой, словно сделанной из стекла, что я боялась даже пошевелиться. И все тревоги куда-то ушли, их прогнало её тепло, её шаги, несущие цветущую весну. Даже осень отступила, затихла где-то далеко, там, где ещё дремал борей.

Вскоре раздался звонок, оповещающий об обеде. Если в течении двадцати минут я не явлюсь в столовую, то останусь без еды. Элли тут же проснулась.

— Наконец-то, еда! — обрадовалась она, — Надеюсь, у нас будет запеканка. Я так люблю запеканку! Она здесь такая вкусная!

— У нас вроде как ещё и десерт будет, — вспомнила Сара, — Капкейки. Что-то расщедрились наши кулинары.

— И волонтёры будут, — поддакнула Элли, — Будем выговариваться. Так говорила мисс Алингтон. Рассказывать о своих проблемах. Они назвали это "Ты не одинок".

— А если у кого-то проблемы с этим? — процедила я, — Может, я не хочу рассказывать о том, что у меня крыша поехала с тех пор, как лучшая подруга столкнула меня с крыши.

Я встала со скамейки и пошла в столовую. Девочки провожали меня изумлёнными взглядами.

Из просторного помещения повеяло запахом шарлоттки. Там всегда было многолюдно и тепло. И там всегда устраивались драки или хотя бы перепалки, а всё из-за длинных очередей и множества людей без тормозов. У окна одиноко сидел Ромео. Блейн в другом конце сидел с Жюли и другими девочками, которых я не знала. Очкарик сидел с Клариссой. Клэр не было. Я почувствовала укол жалости и поставила дымящийся поднос рядом с ним.

— Чего не ешь? — спросила я.

— Нет аппетита, — сдавленно сказал он.

— Да ты чего? Нас не каждый день кормят капкейками. Бери, пока дают!

— Я не люблю сладкое...

Он грустно посмотрел на меня своими черными глазами. И неловко улыбнулся.

— Почему ты сюда попал? — спросила я, — Музыкой случайно не занимался, как Блейн?

— Я ча-ча-ча занимался, — равнодушно ответил он, — Потом из-за травмы головы немного нарушилась координация и мне пришлось бросить.

— Ты любил танцы?

— Больше жизни. У меня не было такого таланта, как у Блейна. Я всего добивался усердием, но ты сама понимаешь, его недостаточно. Дяде было недостаточно... Ладно, не важно.

— Я нормально... Похоже, мы товарищи по несчастью.

— Я слышал от Саймона, что ты с Клариссой сцепилась. Это правда? Только плечо пострадало?

Я энергично закивала. Он обеспокоенно посмотрел на меня.

— Берегись её. Она теперь не успокоится. Только не поднимай шума, ладно? Не хватало

ещё, чтобы тебя в изолятор утащили.

Он всё-таки принялся уплетать за обе щёки остывший яблочный пирог. Я последовала его примеру. Ромео, танцующий сальсу... Трудно это представить.

— Твоей партнёрше повезло, — сказала я.

Он подавился. Я похлопала по его спине.

— Не сказал бы. Я часто лажал, и она с завистью смотрела на лучшего ученика, который двигался так плавно, будто был рождён быть королём танцев...

Он вздохнул, предавшись печальным воспоминаниям. Я уже пожалела, что напомнила ему о прошлом.

— На самом деле талантливых единицы, — сказала я, — Можно добиться успехов упорным трудом.

— Да какая разница уже...

Он ковырял в тарелке вилкой. Ко мне подошла Кларисса и грубо схватила за руку, оттащив в сторону.

— Сегодня в полночь на заднем дворе, — шепнула она.

Её глаза лихорадочно блестели, косы растрепались. Я не чувствовала страха или ненависти, только тупое остервенение. Поэтому согласилась, выдержав её пытливый, изучающий взгляд.

Когда я вернулась, Ромео уже не было. Доев, я вышла из столовой. Спина Ромео промелькнула в конце коридора, на лестничном проёме. Я побежала за ним. Когда я взбежала на второй этаж, его нигде не было. Помещение чердака было открыто. Я осторожно подошла и отворила дверь...

Он сидел на кучке пепла, спрятав голову в колени. В окне уже заходило солнце, бросая красный свет на расплавленные игрушки и уродливое, искорёженное пианино. Я села рядом с ним. Он даже не пошевелился. Воздух вокруг его сгустился, тень удлинилась. На секунду мне показалось, что она издевательски улыбнулась просветом.

Внизу в машине заиграла латиноамериканская музыка. Её было не очень слышно, но достаточно, чтобы вскочить и пуститься в пляс.

— Кажется, сама судьба намекает, чтобы танцор Ромео вернулся, — вскочила я.

— Это не ча-ча-ча, дура, — сквозь нервный смех сказал Ромео.

Я нетерпеливо схватила его за руку и рывком подняла. Вопросительно посмотрела, изогнув бровь. Он вздохнул и сказал:

— Ладно, покажу несколько простых движений.

Он начинал медленно, неуверенно и нехотя. Он наступал мне на ноги, путал движения и несколько раз терял равновесие. Я много раз видела, как танцуют ча-ча-ча и даже запомнила несколько движений, так что получалось у меня весьма сносно. В итоге Ромео втянулся и даже увлёкся, выделявая невероятные па и кружа меня. Я едва попевала за ним. В свете заката весь преобразился, тень от взъерошенной челки падала на лицо, глаза ярко горели, губы тронула счастливая улыбка. И музыкальное сопровождение не нужно было: песня звучала в наших головах.

Завершили танец красивой позой, не удержались и плюхнулись на кучу пепла, запыхавшиеся, разгоряченные и покрасневшие, и при этом совершенно счастливые. Ощущения были как после нескольких часов, проведённых на танцполе. Вся напряженность спала, да и Ромео выглядел так, будто впервые за последние несколько лет был по-настоящему счастлив.

Повернули друг к другу головы, посмотрели опьяневшими глазами, по лицам поползли одинаковые блуждающие улыбки.

— В начале так трудно было, — пробормотал он, — А потом легко. Будто и не было травмы вовсе. Че за хрень?

Я расхохоталась.

— Последней фразой можно описать всю мою жизнь.

Солнце уже зашло, показались первые звёзды.

— Ой. Сейчас же отбой должен быть, — вскочила я, — Если нас не обнаружат в постели, то накажут потом.

— Ты ведь сегодня встречаешься с Отступницей? — вкрадчиво спросил Кит.

Я медленно кивнула, нервно взглотив.

— Обязательно выясни её настоящее имя. И выкрикни его ей в лицо.

Он ободряюще улыбнулся и проводил меня до палаты. Мы разошлись, совершенно довольные собой и друг другом.

Я легла в постель между Клэр и Жюли. Пришла санитарка, помогла вяло сопротивляющейся Саре переодеться в пижаму и лечи в постель. Потом дала таблетки, погладила каждую по голове и ушла, погасив свет. Хорошая это была женщина. Я слышала, что она в молодости не одного больного спасла от лоботомии.

Ночь опустилась на улицу, закапал дождь. Ветер выл в трубах, грозил открыть окно, ударял ветки о стекло. Молодые стволы сгибались. Пролетела чья-то ночная рубашка. Мне совершенно не нравилась сама идея того, что мне придётся идти через весь двор при такой погоде, но остаться здесь означало проявить трусость. От дуэлей не отказываются.

Отступница уже проснулась. Она молча смотрела на меня — зловещий тёмный силуэт. Убедившись, что все спят, мы открыли окно, спрыгнули вниз и тихонько закрыли. Я зашипела, когда моих ног коснулась мокрая трава и твёрдый цемент. Мы пошли через двор, шарахаясь от света фонарей. В окнах на верхних этажах ещё не выключили лампы, там мелькали силуэты Халатов. Мы жались к слепым зонам, потому что двор был оснащен камерами наблюдения, которые просматривались Филином. Филина все боялись: злые глаза, сверкающие из-под кустистых, нависших бровей, запах алкоголя, утробный голос и суровый нрав. Рядом с ним было жутко находиться, коленки тряслись, голос отнимался. Говорят, он никогда не спал. Я поежилась, вспомнив одного лунатика. Он ходил по коридорам во сне, выходил в сад и бродил там, что-то бормотал. Один раз я подслушала, и потом очень пожалела, потому что говорил он очень жуткие вещи. Поэтому его звали Сомнамбула. Потом он уехал в пансионат и больше я его не видела, и очень была рада этому. Боялась его до смерти.

Самым трудным было пробраться сквозь кусты. Ветки царапали, листья и насекомые так и липли. На небе показалась бледная луна. Мимо нас пробежала Поступь. Мы притихли. Кажется, она нас не заметила. Выбрались исцарапанные и злые.

— Надеюсь, ты хоть оружие взяла? — усмехнувшись, спросила Отступница.

— О себе лучше беспокойся, — огрызнулась я.

Я выхватила заточку. Она — тот же нож, что и в прошлый раз. Мы принялись кружить вокруг друг друга, принюхиваясь, сгруппировавшись, как кот, готовящийся к прыжку. Готовились напасть, выжидали.

Как же её звали? Какое у неё настоящее имя? Она с детства была подслеповата...

— Крот! — выкрикнула я, — Червь! Аксолотль!

— Мы что, на уроке биологии? — склонила голову вбок Отступница, — Я тоже так могу. Слепыш, летучая мышь, нетопырь, гидра.

Воспользовавшись моим замешательством, она воткнула нож мне в бедро. Я стиснула зубы, чтобы не заорать от боли. Получилось сдавленное мычание.

— Пингвин! — шепнула я.

Она приподняла брови.

— Киви, эму, страус, — издевательски продолжила она.

Стала теснить меня к стене. Воткнула нож в миллиметре от моей шеи.

— Мне ведь надоест с тобой играть когда-нибудь, — ухмыльнулась она, — Чего оружие не поднимаешь? пацифисткой заделалась?

— Кошка... — в отчаянии выдохнула я, — Лев, тигр... Церемонемейстер?

— Чего ты за мои фразы цепляешься? — сплюнула Отступница, — Ты в жизни не угадаешь моё имя.

Значит, думать надо от обратного. Какая её черта бросается мне в глаза, но я не хочу её замечать? Или... Какую черту она старательно прячет? Какой она была до метаморфозы? Я что-то упускаю. Что-то до смешного очевидное. Когда мы познакомились, я играла в гнома среди страны великанов. И она была такой же. Только притворялась. Лицедей назвал её хамелеоном...

— Хамелеон! — заорала я прямо ей в лицо.

— Ах ты дрянь!

Она ещё раз полоснула ножом, но я успела выставить руку. Она отошла от меня, дыхание отдавалось в её груди хрипом. Я не стала дожидаться, когда она опомнится, и просто рванула через кусты, истекая кровью и шипя от боли. И...

Столкнулась с Филином. Он возвышался надо мной, его глаза горели в темноте, как две глубоководные рыбы. Я попятилась назад.

— Я сделаю вид, что ничего не было, — сказал он грудным голосом, — Возвращайся в свою палату.

— Спа... сибо, — пискнула я.

— Знаю я ваши игры, — кинул он напоследок.

Спина покрылась мурашками. О каких играх он говорил? Лучше не думать об этом...

Перламутровая глубина

Я всё ждала, когда Филин напомнит о произошедшем ночью. Ночами не спала, видя перед глазами его угрюмые впалые глаза, съёживалась перед ними, казалась себе маленькой и жалкой, как букашка. Никто не должен был знать об этой дуэли, кроме Лицедея. Это что-то личное, касающееся нас двоих. А кроме того, если об этом узнают Халаты, то они вмешаются и запрут меня в Клетку. О да, я знала, почему её называли Ластиком. Она стирала страх и радость, сны и мысли. Она стирала тебя.

Ночами мне снились кошмары. То, как Иных схватывали Халату, скручивали им руки и тащили по тёмным коридорам. Они съезживались под прицелом хирургического ножа, который втыкался над глазом и вырезал круг на мозгу. Лоботомия. Опустошение. Ночной кошмар Иных первой половины двадцатого века. Их жгли током, держали над ямами со змеями, окунали в ледяную воду, держали в ванной часами, а то и днями, накачивали наркотой, делая безвольными тушками, находящиеся между сном и явью. История больницы уходила вглубь веков, но иногда из прорези окна я видела совершенно незнакомое место и понимала, что нахожусь далеко от дома, как с точки зрения времени, так и с точки зрения пространства.

Ворожей и представить не могла, что за жуть мне снилась. Я знала о её кошмарах, знала о тьме в ней, но она не знала, что испытывали Иные в те времена, когда психиатрическая больница была аналогом тюрьмы. И я не говорила. Знала, что если скажу, то она тоже начнет видеть эти сны. А я не хотела, чтобы она в лишний раз истрепала себе нервы. Итак, бедная, ходил бледная, как тень.

Дни шли, Филин молчал. Иногда мы пересекались, и он смотрел на меня стеклянным взглядом, делал вид, что ничего не видел. В итоге я решила не думать об этом. Похоже, он понимал, насколько это важно и для меня, и для неё. Может, он знал об Иных, знал о Грани и потаённой жизни. Потому что когда мы говорили о нём, называя его этим именем, и он проходил мимо, то он неизменно поворачивал голову, как заправская сова.

Лето кончилось, оставив нам прощальные подарки в виде фруктов и ягод, а небо проводило его слезами-дождём. Листья начинали желтеть, дни становились холоднее, ночи длиннее. Мы по-прежнему сидели на крыльце, вооружившись зонтиками. Иногда стояли жаркие дни, и мы вздыхали, вспоминая об ушедшем лете. Кто-то уже ходил с насморком. Элис шутила, что "у психов обострение, сейчас хлынут сюда, спасайте задницы". Я хмуро на неё смотрела, Элли закатывала глаза и читала очередную лекцию о недопустимости клеймления психически больных, Клэр тихонько усмехалась.

Это лето многое изменило. Я и раньше здесь была во время знойных дней и лиловых вечеров, но тогда здесь царила скука, дети слонялись по округе по одиночке или компаниям, от скуки устраивались драки, изоляторы пополнялись. Но это лето было другим. Мы сблизилась. Взгляд Ромео потеплел, Блейн стал меньше рисовать неприличные наброски, Габриэль стала меньше приставать. Мариам, правда, уехала, мы плакали, а потом забыли. Об ушедших здесь всегда забывают, это как-то само собой получается.

А с тех пор, как пришла Элли, многое изменилось. она была клеем, что держал всех вместе. Пациенты впервые стали по-настоящему единым коллективом. Любили её все, она не могла не нравиться. Даже буйные, даже асоциальные, даже конченные психопаты.

Однажды к нам приволокли социопата, который замучил своих одноклассников. Его держали в изоляторе и никого к нему не подпускали. Волокли по коридору специально во время тихого часа. И то один мальчик попался ему по пути, тот его чуть не задушил. Когда дежурила Белка, которая клевала носом каждые десять минут, то Элли носила ему еду по ночам, просовывала питьё, пересказывала ему новости, читала литературу. Он даже как-то притих, присмирел. Когда его выписывали, они горячо обнялись и поцеловались, простились, как близкие родственники.

— Смотри, смотри, вот она, — прошептала Элли, указывая дрожащей на новую пациентку.

Это была Сандра. Свалявшиеся волосы, смятая рубашка, размазанная косметика. Она шла по коридору, затравленно оглядываясь. Вся как-то сторбилась, будто несла что-то тяжелое на стене.

— Да, не права была Луиза, говоря, что она не любила его... — ошеломлённо пробормотала я.

— Я её вообще боюсь, — съезжилась Элли, — И самое ужасное в том, что она идет к нам в палату!!! Меня ещё вчера мисс Алингтон предупреждала... Зои, что делать?!

Она затрясла меня, лихорадочно поблёскивая глазами.

— Спокойно, — сказала я, — Она не опасна. Просто иди и познакомься с ней.

Я заставила Элли глубоко вдохнуть, а потом медленно выдохнуть. Она улыбнулась, поблагодарила меня и вернулась в палату. Я пошла к мальчикам. У меня не было никакого желания общаться с Сандрой. Слишком проблемная.

Я застала Ромео одного в палате. Он стоял, облокотившись о подоконник, и глядел в окно. Его кожа казалась особенно тёмной на фоне белой краски.

— Вот и лето кончилось, — сказала я, — Жалко?

— А чего жалеть? — хмыкнул Ромео, — Оно ведь будет потом.

— Но оно не будет таким, как это. И листья на деревьях упадут и сгниют в земле, а потом распустятся уже другие.

— Грустно ты говоришь. Грустнее только блейновская геометрия.

— Это, простите, какая?

Он повернулся ко мне. Его глаза были прищурены, на носу был приклеен лист.

— Параллельные линии находятся друг напротив друга, но никогда не пересекаются, — вдохновенно начал он, — Но пересекающиеся встречаются один раз. Ах, как радостен этот миг, и как краток... Больше они никогда не встретятся. Разойдутся свой дорогой. Побегут... А куда? Зачем? Они будут вечно бежать черех пустоту, в которой ничего нет, одинокие и неприкаянные.

— Жуть какая, — передёрнуло меня, — Это кого он в депрессию хотел вогнать?

— Учил одну маленькую девочку с... Вроде, то была шизофрения. В любом случае, стадия была запущенная, у неё начинало расщепляться сознание. Это он так решил научить её азам математики, называется.

Он подошел к комоду, вытащил такос и протянул его мне.

— Будешь? — подмигнул.

Затем он достал ещё один. Мы принялись жевать. В соседней палате раздались звуки ча-

ча-ча. Ромео выпучил глаза, а я рассмеялась.

— Сколько ты здесь ещё лежать будешь? — спросил он.

Я неопределённо пожала плечами.

— А почему ты вдруг спрашиваешь?

— Просто... Я хотел спросить, когда нас выпишут, хочешь поддерживать со мной общения? Просто обычно, когда здешние выходят, то они расстаются навсегда. Ну, многие. Так что, если ты откажешься, я всё пойму. Хотя мне всё же хотелось общаться с тобой и дальше. Со всеми вами.

— С Блейном тоже? — подмигнула я.

И тут же поняла, что ляпнула лишнего. Ромео нахмурился, но оставил мой подкол без ответа.

— Так да или нет?

— Конечно, да! Как я могу бросить тебя, нашего юного страстного танцора Ромео?

Мы громко рассмеялись. Из залы донеслась громкая музыка. Похоже, это было диско. Мы с Ромео озадаченно переглянулись.

— Пойдём, посмотрим? — предложила я, — Спорим на такое, что это наша тройка?

— Да тут и спорить не надо, — криво усмехнулся Ромео, — Тем более, ты его достать не сможешь в случае проигрыша. Не очень из тебя контрабандист.

— Это кто сказал? — возмутилась я.

И всё же заключать пари мы не стали, а просто побежали в залу. Там уже бесновались наши обожаемые парни: Эрик, Саймон и Грег. Я присоединилась к ним, а Ромео на меня задумчиво смотрел. А потом перевёл взгляд на Блейна, говорящего с Сандрой. Я удивилась, но придавать этому значения не стала. По-любому решил наградить каким-нибудь очередным глупым прозвищем. Меня он окрестил Вечно Бесноватой Рыжей Скелетиной С Никогда Не Вынимающимся Шилом В Одном Месте. Некоторые меня до сих пор так называют.

Когда она уходила, я рассмеянно поглядела ей вслед. Сзади меня обнимали руки Эрика. Он плавно покачивался под какую-то тоскливую балладу. Я ещё раз вздохнула, вспомнив Марка.

Мы с нетерпением ждали Ночи, Когда Все Двери Открыты. Я иногда ловила на себе тяжелый взгляд Отступницы. Я разгадала её тайну, тем самым ослабив её. Но лишь на время. Чем холоднее будет, тем сильнее она будет становится. Она всегда любила дождь и снег. Иногда мне казалось, что они всегда её сопровождают, даже в солнечные летние дни. Собственно, почему Хаомеон? Он маскируется, делается под цвет окружающей среды. А если взглянуть на это с другой стороны, то его цвет зависит от цвета окружающей среды. На Хамелеон всегда было легко повлиять, промыть мозги. Идеальная добыча для сектантов. Хорошо, что здесь их нет, иначе бы она присоединилась к ним.

Какого это — спать меж двух огней? С одной стороны тени Клэр растут, движутся, щёлкают своими бесплотными челюстями. С другой стороны Хамелеон дышит ненавистью. Я завидовала соседкам Поступи: в её комнате всегда незримые цветы и солнечный свет.

Осень своим холодным дыханием срывала листья с веток, рисовала инеем на стеклах,

заставляла ртутный столбик на градуснике уменьшаться, переходить отметку 0. Близилась заветная Ночь, и наши с предвкушением ждали. А у меня на душе было тревожно. Кого-то мы лишимся этой ночью.

И вот, настал день преддверия. Дети вырезали гирлянды и фонари, доставали пылящиеся на антресолях бумажные змеи, надували шары, складывали корабли, самолётики, цветы и птиц, вязали шарфы и свитера, зажигали ароматические палочки, рисовали на стенах. Носились по коридорам, перешептывались, никак не могли утомиться, как бы ни кричали на них Халаты. Эрик заперся в палате, выгнав всех соседей, не пускал даже меня. Но я всё-таки подглядела. Он замороженно смотрел в альбом, сделавшись очень похожим на своего отца.

Мы смотрим телевизор, изо всех сил завидуя веселящимся на праздничном концерте. Делаем попытку устроить свой концерт, но Халатам удаётся нас утомить. Поступь сидит целый день на подоконнике у себя в палате. Перед рассветом она предупредила нас, чтобы мы с ней ни в коем случае не заговаривали. Мне по секрету шепнули, что этой ночью она уйдёт с Вороном навсегда.

Говорят, всё то, что ты нарисуешь на стене, останется в памяти живущих Иных на века. Даже через сотню поколений. А если ты нарисуешь грядущее, то оно непременно сбудется. Кит это называл глупыми суевериями. А я захотела проверить и нарисовала двоих, бредущих по дороге, припорошённой снегом.

— Удачи, ребята, — шепнула я, погладив получившийся рисунок.

Когда зажглись первые звёзды, ребята высыпали на крыльцо. На заднем дворе то тут, то там раздавались шорохи, следы переплетались, надписи нежно шептали, вещая что-то своё. В траве мелькали огоньки. Сверчки, что ли?

Падал снег, такой белый в этой осенней ночи. Окно распахнулось, из палаты вышла Поступь, разгоняя холод. Пахнуло розами и сиренью, она исчезла вместе с призрачным теплом, и воспоминания о ней постепенно стали ускользать из наших голов. Я выставила вперед руки, сжала кулаки, но схватила лишь пустоту.

— А ну не хандрить, в такую-то ночь! Буревестник, это что такое?

Лапы, похожие на гиббоньи, схватили меня и подняли в воздух.

— Лицедей, ты похож на гиббона, — сказала я.

— А ты на индюшку, — парировал он.

Я погналась за ним. Он побежал в сторону черного выхода. Провозился с дверью, но всё-таки открыл её. Мы побежали по тёмной, скрипящей и очень-очень старой лестнице. Меня щекотал шелк паутины, я чувствовала затхлый запах. Неудивительно, что сюда почти никто не ходит. Тут даже окон нет, не то что ламп. Настоящий черный выход.

— Отец называл её Пропастью, — раздался гулкой голос Лицедея откуда-то сверху.

— Страшно, — прошептала я, — Можно мы не будем сюда ходить?

— Нельзя, — фыркнул Лицедей, — Отличное место. Самое лучшее. Давай пошевеливайся, старушка!

Я ускорила бег хотя бы потому, что не хотела оставаться здесь слишком долго.

— Знаешь, какие эхо каких секретов поглотили эти стены? — зашептал Лицедей и сгрёб меня в охапку, — Ты бы знала, Буревестник. О, ты бы знала...

— Если я выпущу сейчас твою кровь... То я смогу избавиться от тьмы. И тогда я буду счастлив! Абсолютно счастлив!

— Я убью тебя, и никто об этом не узнает. Думаешь, кто-нибудь меня заподозрит? Ты, шагающий по краю крыши, думаешь, кто-нибудь **меня** заподозрит?!

— Ты должна стать моей. Кричи, кричи, сколько влезет. Никто не узнает. Это останется здесь, между этими стенами. Тебе не дано понять моей любви, как и никому на этом свете. Она больна, уродлива и вывернута наизнанку. Я **ТАК ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, ЧТО НЕНАВИЖУ!!!**

— Ты отдашь мне всё. Иначе я запру тебя в чулане. О, ты знаешь, как часто его проверяют? Почти никогда. Разве что Филин зайдёт... Ха, Филин тебя спасет. Но ты уже не сможешь оценить это по достоинству, затворница. Отдавай по-хорошему свои сны, муза.

— Хватит! — закричала я, закрывая уши руками, — Хочешь, чтобы я стала как Ворожея?!

— Думаешь, если закроешь, то голоса стихнут? — усмехнулся Эрик, — А Ворожею мы бережем... Кто знает, какой она станет, если увидит и услышит эти ужасы... Если она заглянет в бездну хоть на секунду, то бездна заглянет в неё. Потому что тьма в ней причудливо сочетается с чистотой. В этом-то вся и проблема.

— А меня, значит, не жалко, — прохныкала я.

— Ты крепкий орешек, Буревестник, — обнял меня ещё крепче Лицедей.

Мы вышли на крышу. Меня бросало то в крупную, то в мелкую дрожь, тело плохо слушалось.

— Ну, не грусти, — неловко улыбнулся Лицедей, — Не в эту ночь. Посмотри, как красиво.

Я села на холодную металлическую поверхность. Сад был заснеженным, весь в огнях и гирляндах, на снегу что-то было нарисовано чьими-то крупными ботинками. Голые деревья были заботливо украшены искусственными гирляндами, бумажными фонарями, листьями и цветами, а их ветки заселили птицы-оригами. А за забором асфальтовые артерии пересекали широкие улицы. Дома походили на кукольные, их крылечки украшали тыквы, черепа и фонари. Улицы наводнили нарядные дети. Вдали поблёскивало озеро, в нём отражалось ясное звёздное небо.

Я легла на крышу. Небо как будто плыло. Но хотя бы не ускользало из моих рук. Но всё равно оставалось недосягаемым. Лицедей лёг рядом, его тело было мягким и тёплым, как подушка. Мы взялись за руки и закрыли глаза...

Двое стояли на этой крыше, приобнявшись. Он в летних шортах и футболке, она в

цветастой юбке. Ветер дул, развевая их одежды и волосы.

— Я могу обогнать экватор за секунду, — сказала она.

— Ты выросла, Алиса, — сказал парень, — А я остался всё время опаздывающим Белым Кроликом.

— Ты тот, за которым все следуют, — прошептала Алиса.

Они подняли руки. Звёздное небо рухнуло, просыпав звёзды. Они сияли, как стразы в вечернем платье, как бриллианты, как светлячки или небесные фонари, кружились, как будто от ветра. Двое смеялись, прижимаясь друг к другу и держась за бока.

— Этой ночью Алиса найдёт своего Белого Кролика, — прокричал парень.

— Этой ночью Орфей выведет свою Эвридику, — прокричала девушка.

— Этой ночью Элиза дошьёт рубашку младшему брату, — прокричал парень,

— Этой ночью Психея найдет Амура, — прокричала девушка.

— А как она найдёт? — ехидно спросил парень, — Неужто последует за Белым Кроликом?

— Она будет идти за светом фонаря, — сказала девушка, — Не сводить с него глаз. Иначе всё пропало. Придется начинать заново.

— Да она психанет на сотой попытке и бросит, — захохотал парень.

— Нет, если будет верить, — серьёзно ответила девушка, — Знаешь, сколько звёзд с неба она сможет сорвать, если будет верить?

— Не знаю, я одну уже сорвал, — похабно ухмыльнулся парень.

Их лица сблизились.

— Нареем эту ночь рубежом между летом и зимой. Нареем её Ночью, Когда Все Двери Открыты.

Они жадно поцеловались. Халаты на верхних этажах мирно дремали над записями, отменяющими лоботомию.

— Вот это да, — удивилась я, — какой это вообще год?

— Двадцатые, — пожал плечами Лицедей, — До этого её называли Ночью Ужасов. Ещё бы: к Опустошенным возвращались чувства.

Стало тише. Все притаились в сладостном молчании.

— А хочешь проникнуть ещё глубже? — подмигнул Лицедей, — Только не вздумай отпускать мою руку.

— Я пересекла восьмую клетку. Итак, что мне полагается, Ваше Невеличество?

Две девочки смотрели друг на друга. Седая сощурила глаза, поправив шляпу.

— Ты станешь королевой. И тогда мы встретимся с тобой на равных, — процитировала она, улыбнувшись.

— Ну вот, я стою перед тобой. Где моя корона? — нетерпеливо топнула ногой другая.

— Ты знаешь, что Белым Королевам не полагается корон? — продолжала улыбаться седая, — Кроме того, ты должна выдержать экзамен на знание хороших манер. Итак, что будет, если отнять кость у собаки?

— Собачье терпение, — без запинки ответила другая.

— А я разве сказала, что это зазеркальная собака? — расхохоталась седая, — И вообще, где гарантия, что собака не наплюёт на терпение и не набросится на тебя?

— Какая же Вы противная, — нахмурилась другая.

— Надо просто мыслить шире, — подняла палец вверх седая, — И разве ты так хочешь, чтобы эти прелестные кудри с этими не менее прелестными ленточками прератились в седые лохмы, как у меня?

— А зачем я, по-твоему, терпела ханжество пассажиров поезда? Зачем разнимала братьев? Зачем терпела хамство неотёсанного Шалтая-Болтая? А потом меня заставили разрезать пирог Единорогу и Льву, и Единорог назвал меня чудовищем, а последней каплей стало то, что меня выгнали вместе с ними!!! А потом меня похитили, и меня спас рыцарь... Ах, он такой душка.

— Сказать тебе, почему? — улыбнулась седая, — Потому что ты умница, не-Алиса. И тебе вовсе необязательно занимать моё место.

— Тогда, мне же полагается какая-то награда?

— О да! Всё на свете! Только больше никто к тебе не прикоснётся, увы...

— А это, наверное, девятнадцатый век? — спросила я.

— Ага, — улыбнулся Лицедей, — Похоже на то. А ещё глубже не хочешь?

— В последний раз, — вздохнула я, — Так устала...

— О, а ты, наверное, из Лапландии? Колдунья, должно быть, да?

— Ты дура, северянки светлые и волшебные... А она черномазая, как мавритянка.

— Сама дура! Лапландки такие и есть!

Смугла девочка внимательно смотрела на ссорящихся своими черными глазами, похожими на две щёлочки.

— Я приплыла из Северного Ледовитого Океана, — склонила она голову.

— Русалка? — оживилась первая.

— Тюлень, — сказала гостя.

— Селки, — прошептала первая.

— Хотите, покажу? — предложила селки.

Девочки энергично закивали. Селки вытащила из чемодана тюленью шкуру, раскинула её... Она засияла подобно северному небу. Комната наполнилась водой, пол, потолок и стены исчезли. Селки укутала себя и двоих шкурой. Первая трогала пальцем серебристых рыб, которые бросались от её прикосновения в рассыпную. Вторая замороженно смотрела на светящуюся рыбку, плывущую сквозь толщу воды. Их ноги задевали водоросли, над головами махал крыльями скат.

— Значит, вот что значит — быть тюленем... — выдохнула первая, — Интересно, а как живут дельфины?

— Прекрасно, — сказала селки, — Когда-то им предлагали выйти на сушу, но они отказались. Остались вместе с китами, когда остальные ушли. Слишком любят воду.

Слишком преданы себе.

— Давай мириться? — предложила вторая.

Они стали играть в ладошки и засмеялись.

— Это правда? — удивилась я.

— Я откуда знаю? — хмыкнул Лицедей, — Так далеко я ещё не заходил.

Откуда-то донеслась игра на гитаре.

— Опа, — оживилась я, — Вечность играл эту песню одной из тех, в кого ему угораздило втрескаться.

— Зелёные рукава? — приподнял брови Лицедей.

— Такая красивая песня, — вздохнула я.

— А по-моему, тупость, — фыркнул Лицедей, — Нихрена он эту леди с зелёными рукавами не любил, если честно.

Я пожала плечами. Вдали дребежжал рассвет. Я вздохнула. Этой ночью Хамелеон стала сильнее.

Ореховое сходство

С Хамелеоном мы заключили мир. Но на самом деле это была холодная война. Хамелеон была моим кривым зеркалом. У меня были друзья — у неё не было никого. Я завоевывала расположение людей — она отрещивалась от тех, кто был с ней добр. Я сбегала по ночам — она по ночам спала. Я врагам сразу объявляла войну — она врала, подлизывалась и лукавила. Я была открытой — она была скрытной. Мы были дружной компанией палаты номер три, и в то же время были сами по себе. Ворожея тихо сходила с ума, истончая тёмную дымку. Хамелеон преображалась, делаясь всё безобразней. Сара... Сара таяла. Жюли сморкалась и жевала чеснок. Как будто чего-то не хватало. Нам всем. А может, даже кого-то.

А тем временем зима вступала в свои права. Ветер выл в трубах, ударял ветками об окно. Дни становились холоднее, ночи длиннее, темень гуще. Население больницы ходило в свитерах, шарфах, рукавицах, шерстяных носках. Дрались за обогреватели, толпились у батарей, сидели на подоконниках, несмотря на холод, пока Халаты их не сгоняли. Сморкались, жаловались на больное горло, дышали в ингаляторы. Закутывались в пледы и одеяла, как в плащи, и ходили так по коридорам, пока Халаты не заставляли их одеться нормально. Часами торчали в тёплом душе, грелись чаем, кофе и посиделками в компаниях. Из сада перебрались в палаты, которые превратились в настоящий закрытые мирки, маленькие и уютные.

По ночам больше не гуляли. И только мы с Эриком, Саймоном и Греггом сбегали втихаря, накинув куртки на пижаму, и ходили по заднему двору, пробирались на крышу, а иногда выбирались в город, гуляя под дождем и снегом. Неоновые огниотражалисьна мокром асфальте, фонари почти не горели, моторы шумели, свет в окнах забегаловок гостеприимно горел. Денег не было, но иногда хозяин ресторана мексиканской кухни выносил нам такос, и мы ели, сидя на ступеньках служебного входа. Незамедлительно приходили собаки и кошки, и мы обязательно с ними делились. Кошки ласково мурчали, собаки высовывали языки и как будто улыбались, и мы гладили их всех. Саймона распирало от удовольствия больше всех.

А потом к нам перебралась Сандра. Такая жалкая, одинокая, неловко переминающаяся на пороге. Ничего общего с той уверенной Сандрой, которую знали в школе. Свалявшиеся волосы, отсутствие макияжа, покрасневшие глаза, неопрятная одежда и угловатость. Она, видимо, не узнала меня, а я предпочла сделать вид, что не знаю её. Мы приняли её в свою компанию, но понимали, что она одиночка. Связана по рукам и ногам этими цепями. Изуродованная, истерзанная душа в таком же теле. И главное то, что она настолько отчаялось, что ейэто даже нравится.

Вечность ей решил помочь. он видел то же, что и я, даже нет, намного больше. Если Лицедей смотрит сквозь время, то Вечность смотрит сквозь материю. И только он услышал тихий смех её покорного слуги. И только он разглядел правду среди её истерик, плача и ненависти. Заставил её выпалить правду, выплюнуть, как горькую пилюлю.

— Когда-то я тоже такое испытывал, — как-то шепнул он мне, — Когда потерял Травницу. Невыносимо больно было оживать, но было бы хуже, если бы я стал таким, как она. Ией будет хуже, если она не отпустит его.

— Что будет? — спросила я.

— Много чего, — пожал он плечами, — Но то, что это будет хуже смерти, это точно. Поверь, лучше не думать о таких вещах. Не смотри в бездну слишком пристально, иначе возникнет глупая идея найти её дно. И в поисках этого дна ты сама не заметишь, как свалишься вниз.

И больше мы к этой теме не возвращались.

На одной из ночных прогулок мы встретили того самого парня, с которым я когда-то жарила сосиски. Мальчики опять уплетали такос, а я под шумок ускользнула с таинственным незнакомцем.

— Как романтично, прям не могу, — фыркнул он, — Че тут делаешь в таком виде?

— Из психушки сбежала, а что? — невинно спросила я, — Кстати, я так и не узнала твоё имя.

— Дилан, — ответил он, — Я Дилан.

— Зои, — кивнула я, — "Гарантул" ты написал?

— Очень смешно, — фыркнул он, — Понимаю, почему ты загремела в психбольницу. Я бы тебя в палатес мягкими стенами запер.

— Злой ты, — обиделась я, — Навестишь хоть?

Я написала ему адрес на бумажке. И телефон больницы. И упростила его принести подарки. А потом прибежали мальчики и заставили меня познакомиться с ним. Дилан свалил при первом удобном случае, напоследок выдавив из себя мило-угрожающую улыбку.

Грег гулял среди старых исписанных стен и казался таким... подходящим, что ли. Весь светился в лучах заката, темнел на фоне белого снега.

— Смотри, — сказал он и протянул мне песочные часы.

Песок падал вверх. Именно так.

— Антиподы, — засмеялась я.

— Похоже на то, — сказал он, — Тут даже новые часы покрываются пылью. И электроника выключается.

— Может, это просто ты гасишь неоновые огни?

Он в удивлении посмотрелся на меня.

— Может, это Дом Восходящего Солнца, — задумчиво протянул он, — А может, это я Восходящее Солнце. А ты как думаешь?

— Я ничего не думаю... Я просто ощущаю.

Он с размаху швырнул разбитые часы об стену. Песок разлетелся вокруг нас. Как буря или песчаная буря.

— Как будто феньки, — сказал он, — Очень... странно.

— Кто тебе подарил эти бусины?

— Та, которой больше нет... Пожалуйста, не заставляй меня вспоминать об этом. Я просто ходить по замерзшим листьям и хрустеть ими.

— Ты приходишь сюда, когда тебе грустно?

— И после очередного выкрутаса Эрика.

— Что он опять натворил?

— Помог сбежать очередному буйному. Тот чуть не убил санитарам.

— Где он?

— На чердаке. Прячется.

Я побежала за этим бедолагой. Старалась не попадаться на глаза санитарам. На лестнице столкнулась с Ромео.

— Убегаю от Зака, — пояснил он.

— Кто такой Зак?

— Очкарик. Че, запомнить никак не пожешь? И ты туда же. Ладно, не суть. С утра выслушиваю его стенания из-за температуры. Ещё и моду от других взял сморкаться каждую секунду и вонять ингалятором. Бесит.

Свой монолог он завершил изящным шмыганием покрасневшего носа.

— А что там за история с санитаром?

— Оу, там такая шумиха была. Хорошо, что хоть всё обошлось. Не хватало ещё одного разбирательства, мне истории с Нелли хватило. Ты иди, поговори с Эриком, объясни, что так дела не делаются. Он ведь даже не из сострадания помог.

Мы разбежались. Я подошла к двери. Закрыто. попыталась взломать замок, после десяти минут непрерывных ругательств у меня всё-таки удалось. В тёмном углу, за дюнами пепла и горой игрушек сидел, свернувшись в клубочек, Эрик. Сейчас он был не страшен. Скорее, подавлен и невероятно уязвим.

— Что ты сделал? — осторожно спросила я.

— Ждёшь смятения с моей стороны? — поднял голову Эрик, — Зря. Я не знаю, что это такое.

— У тебя хоть иногда срабатывают тормоза?

— У меня их нет.

Он встал и подошел к окну. Птицы нахозлились, заслоняя птенцов.

— Мне кажется, будто это происходит не со мной, — тихо сказал он, — Как будто я смотрю фильм или играю в игру. Всё происходящее кажется неважным или малозначительным. Как будто декорации. Как будто, как бы плохо не было, это всё не коснётся меня. Даже если меня начнут убивать, это не коснётся меня. Парадоксально, но это так.

— Если ты играешь в игру, то нажми кнопку "отмена".

Он нахмурился.

— Что, не можёшь? — усмехнулась я, — А потому что нет никакой кнопки. Это всё реально. Твои действия отражаются на живых людях. Мы все вокруг так же реальны, как и ты. И если я тебя сейчас ударю, это будет настоящий удар. И потом ты будешь ходить с настоящим синяком.

— Что ты вообще понимаешь? — тихо спросил он, — Дура. Неужели до сих пор не заметила, что я такой же, как Хамелеон?

Мы встретились взглядами. О да, знакомые глаза. Пустые, как будто кукольные. Её.

Коричневая буря

— Нет, вы не похожи, — твёрдо ответила я, — Потому что ты Оборотень. А она такая и есть.

— Да что ты прицепилась ко мне, как Мать Тереза? — накинулся он на меня.

Швырнул об стену. Моё дыхание перехватило, в глазах на мгновение потемнело.

— Что, думаешь, изменишь меня? — надвигался Лицедей на меня, — Катись ты со своей любовью в **Пропасьть!**

Я испуганно смотрела на то, как он приблизился ко мне, больно сжал мои плечи, впившись в них длинными, давно не стриженными ногтями. Наши лица сблизились. Мой горбатый из-за перелома нос терся об его широкий. Я не отводила взгляд. Я смотрела ему прямо в глаза, хоть и знала, что волки это не любят.

— Знаешь, чем я страшнее Хамелеон? Для неё это более, чем реально. Для неё это не игра. Это нечто большее, чем вражда. Это убогая, тянущаяся к великой. А мы оба величавы, оба вожаки и первооткрыватели. Но для меня это не по-настоящему. Она тебя убивает — и чувствует всю твою боль, весь твой страх, осознает, что это более, чем реально. Тебя убиваю я — и не воспринимаю твои чувства как нечто стоящее моего внимания. Понимаешь? Для меня ты не более, чем наваждение!

Я двинула коленом ему под дых. Он согнулся в три погибели и закашлялся. Поднес руки ко рту. Отнял. Крови на пальцах капельками стекает на пол. Я с ужасом заметила, что она начинает темнеть. Если внимательно приглядеться, то от неё идет пар. А если прислушаться, то она едва слышно шипит.

— Видишь? — хохочет он, — Что, боишься? Да, давай, покажи зверю страх! Дай мне причину растерзать тебя!

Он вытащил вилку. Его лицо было измазано кровью, глаза остекленели и как будто смотрели сквозь меня. Как на экран телевизора. Я хотела попятиться, носзади была стена. Хотела отбежать в сторону, но он схватил меня за руку и воткнул в неё вилку. Принялся расширять рану.

— Больно? — прошептал он.

Нельзя. Нельзя показывать ему свою боль.

— Лицедей, — позвала я.

На мгновение его взгляд прояснился, но лишь на мгновение. Он вынул вилку. Моя кровь была такая же, как у него.

— Что... — ошеломленно спросила я.

Впрочем, не смогла закончить вопрос. Ком встал поперек горла. Я могла лишь загнипнотизированно смотреть на тонкую струйку крови. В ушах зашумело. Ноги подкосились. Очень, очень плохой знак.

— Сейчас вылетит птичка, — загоготал он.

Падаю. Он нависает надо мной и заносит вилку.

ПЛОХО

ПЛОХО

ПЛОХО

Я лежу на полу. Тот же чердак. Справа от меня пепел перепачкан кровью. Рука заботливо перевязана. Грег вытирает моё лицо салфеткой. Лицедей лежит на полу и хнычет.

— Что происходит? — хрипло спросила я.

— Ты довела, — кивнул Грег в сторону Лицедея, — И на меня накинулась. Посмотри. Я похож на тигра.

Он продемонстрировал царапины на руках.

— Извини, — смутилась я, — А что я говорила?

— Что его ждет то же самое, что и Гарри какого-то, — выдохнул Грег, — Что он будет терзать себя и не чувствовать боли. И будет слышать твои удары об стену в соседней комнате. И будет слышать, как ты проклинаешь Халатов. И даже звукоизоляция не спасет.

— Почему? — удивилась я.

— А всё ведёт именно к этому, — пожал он плечами, — Черная кровь растворит в вас всё. Будете обедом паука — пустые хитиновые оболочки.

— Откуда ты знаешь?

— Вы сказали.

Он подошел к Лицедею, рывком поставил на ноги.

— Хватит уже спектакли устраивать, — устало сказал он.

Лицедей оперся о него. Они молча вышли, а я осталась сидеть.

Начало зимы протекало неприятно, учитывая возрастающее напряжение между мной и Эриком, но уютно. Несмотря на все старания Халатов, мы высypали во двор, ловя языками снег, делали снеговики, играли в снежки.

А Дилан действительно приходил. Приносил плакат, диски с британской нирваной и книгу "Тарантул". Я чуть не разревелась на месте. Потом я спросила у мисс Алингтон, почему он не может принести бургеры, по которым я основательно соскучилась, а она отвела меня к объявлению:

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ НОВИЧКОВ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Убедительная просьба не пытаться пронести:

Телефоны, планшеты, ноутбуки

Порнографию

Оскорбительную литературу и музыку

Острые предметы или предметы, которые можно использовать как оружие

Алкоголь

Сигареты

Наркотики

Психотропные препараты (больница сама в состоянии обеспечить своих пациентов необходимыми лекарствами!)

Фотоаппаратуру и звукозаписывающие устройства

Фастфуд

А также не приводить животных

Спасибо за внимание!!!

— Тупость какая-то, — фыркнула я, — Как холодное оружие можно использовать и пакет с яблоками. А фастфуд почему нельзя?

— Можно спровоцировать пациентов с булимией, — пояснила мисс Алингтон, — И заведующая придерживается принципа, что здоровое питание — залог правильно протекающей реабилитации больных.

— А что, она может протекать неправильно? — проворчала я.

— Ну, у неё своё понимание лечения, — пожалала плечами мисс Алингтон, — Прошлая вообще за отдельное питание была. И лечебные голодовки устраивала, пока против неё не взбунтовалась половина персонала. Ничего, выйдешь — наешься.

А вечером я увидела на стене заднего двора старое объявление:

Дань Палате Мародеров

Пластинку (не менее, чем пятилетней давности)

Перо ворона

Значки (10–15 шт)

Игровые фишки

КАТЕГОРИЧЕСКИ запрещается с собой иметь:

Часы (любого вида)

Свитеры, не изъеденные молью

Красные шнурки

Презервативы

Литературу, не одобренную Львом (за списком обращаться непосредственно к нему)

Удушающие украшения (бусы, ожерелья), галстуки, бабочки

— Да у них запретов больше, чем дани, — фыркнула я, — Про значки и фишки понятно, про пластинки тоже, хотя не очень понятно примечание, а вот остальное что?

Я закрыла глаза и попыталась представить Льва. Каким он был? Глава мародеров... Они что, Гарри Поттера начитались? Хотя, если пластинки, то, наверное, тогда этих книг не было ещё. Хотя, как знать? Может, это не такое уж и давнее время. учитывая то, какихдинозавровтехники иногда приходится лицезреть.

Лев, наверное, был очень уважаемой фигурой. И по характеру тем ещё авторитаристом, раз уж список разрешенной литературы оглашал. Наверное, гордая осанка, лохматые волосы и пронизательный взгляд, от которого невольно съеживаешься.

На глаза мне попала другая надпись:

Молодой глава Палаты Лимонного Дерева приглашает юных лимончиков присоединиться к его общине. Наши двери открыты для летающих, ползающих и плывущих. Если вы устали от гнета мародёрского прайда, то наши двери открыты для нас. Смерть Льву и его последователям! Мы — дети новой эры и не требуем дани!

Я прыснула. Видимо, у них велись серьёзные войны. Причем под носом у Халатов, которые, возможно, и не догадывались о лимонах и прайдах.

Дети мои, забудьте о лимонах и львах, послушайте: в оскно Ластика, где цветет куст розы, вы можете просунуть дары узнику паутины! Приносите всё, что хотите, но

со слоем пыли не менее трех миллиметров!

— Да что за страсть у них к старым предметам? — удивилась я, — Даже в те времена, по которым сходят с ума все наши, это существовало?

Я прислонилась к стене. От неё веяло теплом.

И всё бы ничего, но потом заболел Блейн. Это было ударом для нас всех. Я корила себя за то, что недоглядела. Сама мысль об инфекционном отделении вызывала у него неподдельную панику. Впрочем, у меня тоже. И всё-таки он ушел. Это случилось ночью, во время наших хороводов. Мы с девочками высыпали во двор, и он был тут как тут. Хотел предупредить о зиме. Я не раз слышала от Иных, что что-то надвигается, но не воспринимала это всерьёз. Даже Элис что-то говорила об эпидемии. Вспоминая о Нелли, я даже слушать её не хотела. Да, очень холодная зима, почти все ходят с соплями, нуичто? Потом пожалела.

Его уволокла Кларисса, а мы с девочками принялись кружить хоровод. Официально, чтобы отогнать болезнь, но на деле нам было просто скучно. Мы хотели расслабиться. Гремучая смесь: потерявшая возлюбленного, темная со страшными видениями, и я, бескрылая чайка. Была ещё Сара, но она была не в счет. А потом что-то пошло не так, как будто меня отбросило в сторону. Я подумала, что это сделал кто-то из девочек.

А потом... А потом я сполна ощутила, что все, **все**, даже Элис, абсолютно чужая нам, были правы. Очередной приступ, из которого я ничего не запомнила, только удушающий страх и желание сбежать отсюда подальше.

Говорят, лучше быть живой и чувствовать боль, чем медленно умирать без возможности что-либо почувствовать. Глядя на Сандру, я убеждаюсь в обратном. Хотя... Я даже не знаю, что хуже. Любил ли её Марк, раз бросил? Любил ли её Марк, раз довёл её до такого? Возможно, его чувства вне моего понимания. Чужая душа — потемки, а таких, как Марк, тем более. Я слышала, что его воспитывает мать-одиночка, которая пьянствует, не просыхая. Ему недодали любви в детстве, вот он не имеет представления о том, что это такое, не умеет её выражать. Как и с Сандрой. Я несколько раз видела, как мать тащила её за волосы по улице. Тогда ей было 14, а мне 13, а я это до сих пор явственно помню. как и помню рассказ Луизы о том, что она избила свою подругу.

Мы иногда тайком ходили к Вечности. Мы — то есть Кит и я. И всё, что мы могли себе позволить — это стоять на заднем дворе, глядя в окно, а он прислонял руки и лоб ко стеклу, в белой пижаме, желтящей его кожу, и смотрел измученно.

Болезнь расплзлась. Наши уже вели войны за ингаляторы и обогреватели, особо нежные одевались в несколько слоев. Даже Ромео потихоньку простужался, но предпочитал делать вид, что всё в порядке. Мы пропадали на чердаке, запирая дверь изнутри. Я погружала руки в пепел, кажущийся тёплым, он кутал нас в клетчатый плед.

В один из таких вечеров, разгребая пепел, я обнаружила потрепанную тетрадь.

Вестник Грани

Третья луна после Бесконечной ночи, середина минус три.

Годигр разума.

— Что это? — спросила я у Кита.

— Это журнал, — охотно пояснил он, — Его Иные издавали от скуки. Сами доставали бумагу и чернила, сами рисовали, сами писали, сами склеивали и сами распространяли. Не каждому удавалось заполучить его. Раритет, знаешь ли. Странно, что он здесь вот так просто валяется. Я думал, все экземпляры сожгли.

— А что значит этот странный набор слов? Третья луна — это месяц, это хоть понятно. А всё остальное...

— Бесконечная Ночь — это зимнее солнцестояние. Третья луна — значит, март. Раньше здесь считали число от середины, нахрена — никто так и не понял. Пятнадцать минус три — двенадцать.

— Это чтоб Халатов запутать, что ли? Умно... А год какой?

— "Игры разума" — альбом Джона Леннона, вышедший в 1973 году.

— Значит, сегодняшняя дата... Луна Бесконечной Ночи, середина минус десять, год...

Я вопросительно посмотрела на Кита. Он пожал плечами.

— Не заморачивайся, Буревестник. У них был свой мир, частью которого мы никогда не станем.

Кроме этой надписи, на обложке ничего не было. Я открыла первую страницу.

КОЛОНКА АИРА

Здравствуйте, мои дорогие любимцы Грани! Вещает альфа стаи Знающих, глава Круглой подсобки!

Сталкивались ли вы с черной кровью? (прим.: свидетелямтьмы просьба

обращаться непосредственно к Аиру)

О, несомненно! Наш городок тесен, одна больная деревня! Просто кладесь для оборотней, тёмных и поморников! Наши уважаемые старшие использовали пиявок и кровопускание, но разве им это помогло?! Нет, дети мои, запомните: не выпустить черную кровь, не вырвав с корнем сердце! А посему, мы — Лев, некоронованный принц, и я, его левая нога, — издаем указ: если заметите кого-то с черной кровью, схватить и тащить на эшафот!

Повторяю, мои маленькие Иные, у темных кровь дымится и глаза оборотня, а когда они спят, вокруг них толпятся тени, не Тени, а тени, знайте разницу!

Меня всю передёрнуло.

— Охота на ведьм? — спросила я.

— В чем-то они правы, — пожал плечами Кит, — Черная кровь выжигает всё человеческое. Поэтому я так боюсь за Ворожею. кто знает, как долго шляпа может сдерживать её тьму.

На второй странице был рисунок обезьяны в тюрбане. Она сидела по-турецки, а рядом был павлин.

Как поют павлины?

— Действительно, — фыркнула я, — Жаль, что такие красивые птицы так плохо поют.

— А так всегда, — пожал плечами Кит, — Красотаограняется уродством.

— Не всегда, — возразила я, — Ладно, посмотрим дальше...

ПИСЬМА ЮНГ

Давай сходим в пустоту! Не верь тем, кто говорит, что там нет ничего, кроме забытого смысла. Это не так! Я вам больше скажу, вернее, шепну по секрету: там вы найдете горящую воду и холодный огонь!

Психея без Амура

Не верьте ей, она сирена, которая заманивает моряков!

Сухопутная Черепаха

А мы не моряки, тупица!

Медная Рысь

От тупицы слышу!

Сухопутная Черепаха

Не слышишь, а читаешь!

Медная Рысь

Хватит ссориться!

Центрифуга

Черных дыр не существует!

Васко да Гама

Как это не существуешь? Прямо одна живет у тебя под носом!

Демиург

— Занятно, — приподняла я брови, — Доисторическая эпоха. Доинтернетная.

Перелистнула страницу.

Кустистая песня (для посиделок на поляне и берегу реки, в преддверии нашествия ищущих беглецов Халатов)

О, сегодня будет дождь!

**И завтра тоже будет дождь!
И в Китае будет дождь!
И в Техасе будет дождь!**

**Ковбои с зонтиками!
Индейцы с зонтиками!
Самураи с зонтиками!
А мы сидим под кустом!**

**Мы собираем ягоды,
И ты собираешь ягоды,
И Халаты будут собирать ягоды,
Но потом!**

Автор Эскимос

— Это что, верлибр? — удивилась я, — Ни ритма, ни нормальной рифмы...

— Народное творчество — оно такое, — развел руками Ромео, — Тут ещё и в девяностых такие песни были. А потом перестали.

— Откуда у тебя столь глубокие познания? — фыркнула я.

— От Эрика, — пожал плечами Ромео.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЛАГУНЕ ОТ ЦЕРЕМОНОМЕЙСТЕРА

Куда вы хотите отправиться? О, сейчас время возрождения и плачущих крыш! А посему... Объявляю начало сезона купания!

В сегодняшнем номере вы узнаете увлекательную историю поместья настоящих аристократов! Болейнам и Тюдорам не снилось!

История этого дома берет начало в 18 веке. Тогда жила семья торговцев. Отец шести футов, мать в шляпке с виноградной лозой, сын-сентименталист и красавица-дочь. Отец возлагал большие надежды на сына, а дочь убежала с индейцем. О, вы бы знали, сколь романтична эта история! А сын что? Сын балаганил, горланил стихи, а потом женился на дочери ковбоя и дал начало славному роду!

Но всё это совершенно не важно, а важно то, что он был нашим покровителем, представляете? Он хотел создать приют для других. Чтобы там была так хорошо, что самые чертственные сердца смягчались! Вы, должно быть, видели рисунок в Верхнеярусной Каюте, человек, простирающий руку в сторону неба, так вот, это он! То был первый рисунок, увековечивший на этих стенах образ лучше других в то время понимающего нас.

Если вы пройдете по коридорам того дома, то услышите звуки игры на банджо. Не шумите! Прислушайтесь.

А в подвале вы увидите отпечатки двух рук. Ода большая и широкая, другая узкая, но всё равно большая. Думаю, вы догадались, кого наш покровитель прятал, а?

А на середине озера не заплывайте. Заклинаю вас! Там мертвый круг. Одна из наших там утонула. Голодное-голодное озеро, теперь вы понимаете, почему его так прозвали?

— Ну дает, — присвистнула я, — Хотел написать об озере, но о нем вышел всего один

абзац из всей этой писанины!

— Похоже, этот Церемонемейстер был такой же болтун, как и Эрик, — фыркнул Кит, — Давай, читай дальше.

ПОСЛУШАЙТЕ

Запомните, больше не осталось ни Мух, ни Жаренных! Прекратите обманывать людей! Мы с вами живем в год игр разума, в цветочную жру, забудьте о тех, кто замуровывает в стены, их больше нет! А значит, и паниковать вам не из-за чего! А будет кто продолжать распространять неверную информацию, отдам в лапы Палача!

Глас разума и новой эры Чернильное Перо

— А это про что? — спросила я.

— Карательная психиатрия, глупенькая, — сказал Кит, — Пауки едят мух, превращая их в хитиновые оболочки. И те, кто прошел лоботомию, были похожи на эти опустошенные тельца. А Жаренные — это те, кто прошел электросудорожную терапию.

— Надо же, — рассеянно сказала я, — У них был целый мир с войнами и интригами, происходящими за спинами Халатов. Здешние были единым организмом, как рой пчел. Жаль, что сейчас такого нет. Мы похожи на тени прошлого, остаточные изображения. Абсолютно разные люди, вырванные из своих привычных жизней, которые никогда не найдут общий язык и никогда не собьются в стаи. Я провела здесь очень много времени, и в то же время совсем мало. Так и не стала частью всего этого. Как и все остальные.

— Сейчас время другое, — сказал Кит, — Нет пластинок и хиппи, нет значков и призрака карательной психиатрии. Надо просто принять это.

Он закашлялся, согнувшись пополам. Совсем был плох, от него исходило жаром. При этом мелко дрожал. Я приложила руку к его лбу.

— Да у тебя температура! — ахнула я, тут же её отдернув.

— Без тебя бы не догадался, — ограчнулся Кит, стуча зубами, — В Склеп не пойду, даже не проси. Давай, иди отсюда, я итак тебя, скорее всего, заразил.

Я упрямо сдвинула брови.

— Не уйду отсюда, без тебя. Халатам не сдам, только уложу в постель и выпрошу у Ласки жаропонижающее.

Он тяжело вздохнул и поднялся, опершись на меня. Мы вышли из чердачного помещения...

— Ты что, издеваешься?! — взвыла я.

Кларисса дико на меня смотрела, запеленавшись в одеяло. На щеках играл нездоровый румянец, вокруг глаз была засохшая желтоватая грязь.

— И ты заболела?! — продолжала орать я, — Вы что, совсем обалдели все болеть?! Хотите дружной компанией провести зимний уик-энд в инфекционке?! Мало было ушедшей Жюли...

— Думаешь, я этого хочу? Я хочу в Склеп меньше вашего... Ненавижу, ненавижу это место.

— Не находишь, что оно похоже на тебя? — хмыкнула я и тут же получила от неё по голове.

— Ей нельзя болеть, — пробормотала Клэр, — Ей это вообще противопоказанно. А если меня заразашь...

— Ну девчонки, не оставляйте меня наедине с этой страшной женщиной! — взмолилась я.

— С кем именно? — хором спросили девочки.

— С Сандрой, — пояснила я, — От неё холодом веет.

И всё же, сколькими горстями бы я не поглощала таблетки, Клариссе удалось меня заразить...

Свет. Яркий свет, как от софитов. Острые осколки стекол. Каждую ночь я видела одно и то же. Просыпалась в 5:30 и с упоением и дрожанием ждала рассвета. День меня спасал, но ненадолго. Я теряла связь с реальностью.

Палата № 3 превратилась в средоточие лихорадки, кашля и полуночного бреда. А Клэр оставалась здоровой, что особенно удивляло.

Первой увезли Клариссу. Я здорово испугалась, когда рано утром к нам вошли санитары, измерили её температуру и предложили отправиться в инфекционный отдел, пока всех тут не перезаражала. Кларисса тут же заартачилась, попыталась убежать, но её скрутили и прижали к кровати. Она кусалась, брыкалась, пиналась, щипалась, царапалась, визжала, в итоге ей вкололи транквилизатор со второй попытки, потому что в первый раз она сломала иглу.

— Тьфу ты, черт вас всех дери, — ругался один из санитаров, — Откуда столько силы у такой соплячки?

Потом измерили температуру раскрасневшейся Саре. Увидев, что отметка была достаточно высока, ей предложили прогуляться до инфекционки. Она сопротивляться не стала. Вялую Клариссу волоком тащили, гордо восседающую Сару торжественно везли.

Остались только мы: я, Клэр и Сандра. Само собой, атмосфера была гнетущая. Холод плюс тьма равно страдающая меж двух огней Зои.

Я перестала выходить из палаты. Либо лежала на кровати в верхней одежде, кутаясь в несколько слоев одеял, либо ходила в туалет, либо сидела под тёплым душем часами, наотрез отказываясь выходить, либо ела в столовой вместе со всеми, дыша парами горячей пищи. Клэр говорила, что об меня можно греться, как об батарею, но у меня было такое ощущение, словно я в одной пижаме выскочила на мороз. Кости ломило так, что было больно двигаться. В горле как будто были иглы.

Падаю

Дни больше не спасают. Рассвет потерял свою силу. Кувыркаюсь, боюсь, кричу. Боюсь потерять контроль. Боюсь стать такой же, как Ворожея. Когда-то она пыталась пройти Инициацию, то есть испытание для Знающих. Пришла, наследив по коридорам, с неё капала черная кровь. Она даже на человека не была похожа, не то что на себя. Как Гарри. Как Лицедей.

Не хочу быть как она. Не хочу быть как Гарри. Не хочу быть как Лицедей. Не хочу однажды вывернуться наизнанку, перестать быть собой. Но больше я не хочу в Клетку. После неё люди не становятся прежними. Там растворяется время и сны, открываются секреты и ящики Пандоры.

Я пережила несколько приступов, и каждый раз последнее, что я видела — это алчно горящие глаза Ворожеи. Нет... Это уже была не Ворожея. То был зверь.

Но у Халатов много глаз, как у пауков. Они заметили мои изменения. Засунули градусник, принялись щупать лоб, заглядывать в глаза. Как будто я была куклой. В отличии от Клариссы, я ушла гордо. Странно было идти по коридорам. Почти пусто, все ослабевшие, хилые, больные. Тут царил атмосфера смерти, холода и болезни. Страшно.

А невозмутимые Халаты вели меня вниз, в подвал, где располагалось это отделение.

Тёмные коридоры, обшарпанные стены, надписи под потолком и на потолке. Потрескавшаяся плита, кровавые следы. Пятна, реки черной крови. Халаты шли в ней, пачкались в ней, ничего не замечая. А меня всю передергивало от отвращения. Затхлый запах, примешивающийся к нему сладковатый оттенок смерти. Это здесь умерла Травница. Это здесь томится Вечность. Этого места боится Хамелеон, и я впервые её понимаю.

А вот и моя палата. Серые стены, белый потолок с голой лампой, белый пол и кровать с незаправленным постельным бельём.

— Белье сама заправишь, — сказал санитар сквозь марлевую маску, — Если будет что-нибудь нужно, то звони в колокольчик. Кормление три раза в день, в восемь утра, два дняи семь вечера. Вместе с таблетками. Не пропускать. Ингаляция пять раз в день, полоскать горло будешь каждый час под присмотром медсестры. На ночь компрессы.

Ну надо же, всё по расписанию. Как в тюрьме.

На окне была решетка, под подоконником — батарея.

— На подоконнике не сидеть, — сказал санитар, — Знаю я, как вы любите это делать. Но ты серьёзно заболела, есть огромный риск осложнений, так что даже не вздумай подходить к окну.

— А выходить из палаты можно будет?

— Нельзя. Сама понимаешь, заразна.

— Из вещей ничего нельзя взять? Чтоя тут буду делать целый день?

— Тебе принесут карандаши и альбом для рисования. Тут работает радио, которое включается на час в день. Да и сомневаюсь, что тебе придется скучать в таком состоянии.

Он ушел, заперев дверь на ключ. Я повалилась на кровать и закрыла глаза. Стало ещё хуже.

Меня разрывало на огонь и воду. Опять. То дрожала от холода, кутаясь в одеяло и прижимаясь к батарее, то потела от жары, раздеваясь и сидя на подоконнике. Тошнило от еды и таблеток, болела голова от негромко работающего радио, все раздражало и всё бесило. Дни сливались с ночами, я всё больше и больше теряла контроль.

Я оципанная чайка, мои крылья — гноящиеся культя. как же больно. Как же... Бесит! Я слышу голос Хамелеон и бью кулаками в стену, крича ей проклятия. Ненавижу, ненавижу, ненавижу эту тварь. Я бы разорвала её на куски.

А потом я понимаю источник своих бед. Да... Это черная кровь. Это Ворожея космический зверь, по жилам которого струится тьма. Его глаза горят чистой ненавистью, отражающейся в моих глазах. Теплая, теплая кровь сочится сквозь стены, пропитывая меня. И я сдавленно рычу, обжигаясь своей ненавистью, захлебываясь в ней.

Буревестник где-то на дне меня бьется в истерике, но я её не замечаю, только засовываю поглубже, туда, откуда её крик не будет слышен. Халаты пока не замечают, что творится у них под носом, но это пока. Ходят в крови, шлепают по ней тапочками, и я смеюсь, смеюсь, смеюсь, вгрызаясь в кожу пальца.

Буревестник рвется наружу через царапины. Птичка боится, кричит изо всех сил о буре, поглотившей её. Её пугает Ворожея, пугают её черные глаза, ей всё время кажется, что они смотрят на неё в ночи. А всё потому, что Буревестник знает, что тьма поглотит это место, полностью извратив его суть. Очернит людские сердца, посеяв смуту и страх.

Буревестник кричит, и её крик будет услышан. Вечность прошептал:

— Не бойся, Буревестник, я не дам тебе погибнуть.

И тут же зверь, испугавшись голоса мудреца, куда-то спрятался.

Я осторожно прижала руку к стене и почувствовала тепло его руки. Каким образом мы догадались, где будет рука друг друга?

— Она уедет, — шепнул Вечность, — Уедет навсегда. Знаешь... Ты не злилась на неё. Она не желает тебе зла. Она сама бы рада избавиться от тьмы, потому что страдает от неё.

— Я боюсь её, — сказала я, — И в то же время не хочу её потерять.

— Другого выхода нет, — сказал Вечность, — иногда нам приходится отрывать от сердца дорогих нам людей, чтобы спасти их. Вот и тебе придется отпустить меня.

— Что?!

— Я ухожу, Буревестник. Потому что иначе умру, медленно и мучительно. Я предлагал пойти со мной Кита, но он отказался. Мы... Мы помирились с ним.

Слёзы скатились по моим щекам.

— Я рада. Честно, рада. Давно пора было.

— Вам не придется грустить. Вы забудете обо мне. А я буду счастлив. Я уплыву на корабле в неведомые края... Вместе с теми, кто покинул ваши воспоминания.

— Но пока ты здесь. И мне больно... Больно вместе со всей больницей. Такого, как ты, не найдется больше здесь.

— Ага, кому ещё в голову взбредет дать вам такие чудесные прозвища? — рассмеялся Вечность.

— И кто ещё будет таким проникательным...

— Кит.

— Но он не ты.

— Не я...

Мы одновременно вздохнули. А потом мне стало легче. Я была рада за него, нутром понимая, что иначе он умрет, как Травница — медленно, страшно и мерзко. А я не желала ему такого. Тем более здесь.

— Мне было очень здорово быть с вами, — сказал Вечность, — И зимой спорить из-за обогревателя, и весной скакать по лужам, и летом сидеть на крыльце... И осенью делать короны из листьев. Честно, без вас здесь было бы невероятно скучно. Я пронесу эти воспоминания как самые теплые в моей жизни. Пронесу за двоих.

— Мне бы хотелось услышать твою игру на гитаре.

— Где я тебе возьму пианино? — рассмеялся Вечность, — Спи давай, а то Халаты прибегут.

За окном светило солнце. Его лучи заставляли пыль светиться. Они падали на пепел, старые игрушки, гнезда птиц, нотную тетрадь, волосы и кожу Вечности, его белую рубашку и тонкие руки. Он закрыл глаза, и на его щеке дрожала тень от ресниц. Пальцы коснулись клавиш. Полилась мелодия, похожая на этот самый свет, её подхватили жужжащие мухи и птицы в саду, вой ветра в трубах и шелест листьев, скрипящие половицы и тикание часов. И мне показалось, что за его спиной выросли прозрачные, почти незаметные, похожие на дымку крылья. Он даже не смотрел в ноты, его пальцы летали по клавишам. А потом она

закончил и повернулся ко мне.

— "Мелодия слёз", — сказал он.

— Что-то в твоём исполнении она не пробивает на слезу, — засмеялась я.

— Музыкант делает мелодию, — терпеливо, как маленькому ребенку, пояснил Вечность, — Одна и та же музыка звучит по-разному в исполнении каждого человека.

Я заглянула в окно. Зелень повсюду и цветы.

— Лето... — рассеянно сказала я, — Оно тебе особенно дорого?

— О чем ты? — сварливо спросил Вечность, — Сейчас июнь, дорогая. Совсем уж чокнулась от своих лекарств?

А потом ко мне пришла незнакомая девочка с кудрями и улыбкой до ушей. Что-то болтала, а я в недоумении смотрела на неё, пытаюсь понять, что в неё мне так знакомо. Где я могла её видеть? Почему она мне кажется такой родной? как будто мы знали друг друга раньше. До боли знакомые черты. До боли знакомая болтовня. Больно кольнули мне в сердце эти кудряшки, гетры и родинка под глазом.

Она сказала "прощай", и мне захотелось схватить её и удержать. Но ей надо было идти. Туда же, куда и Вечность. Она держалась так, будто знала меня ещё давно. А теперь пришла попрощаться. Когда она помахала рукой, на секунду в моей голове промелькнула догадка. Но лишь на секунду.

— Прощай, ещё одно приятное воспоминание, — ласково сказала я, но она уже не слышала.

Она уже была далеко. И я невыразимо счастлива за неё и её спутника.

Что-то приятное снилось мне, что-то счастливое. На часах 5:30. Опять это время. Надоело. Почему я такая счастливая? Почему мне хочется улыбаться? Почему в голове звучит Бетховен?

Мои щеки мокрые от слёз. Я плакала? От чего мне хочется плакать этим снежным утром?

Я видела странный-странный сон, но ничего не запомнила из его содержания.

А днём я стала обыкновенной рыжухой. Мне стало лучше, но по-прежнему не спадала температура и по-прежнему ночами мучали кошмары и удушающий страх. Но и он постепенно уходил.

Стало тепло и спокойно. Только таблетки надоедали и скучно было. Я рисовала людей во фраках, платьях, цилиндрах и шляпах. Заморские края, корабли, волков, мячики и птиц. Слушала радио. Полоскала горло, дышала ингаляторами, ела таблетки и супы, пила чай, сидела под теплым душем, умывалась, лежала под компрессами.

Дни тянулись медленно, тоскливо, но вполне терпимо. А потом меня выпустили.

Я торжественно возвращалась в палату. Шла по пустынному коридору. Больных значительно поубавилось. Открыла дверь, ведущую в палату. Там сидела Кларисса. Три кровати были заправлены.

— А где Клэр? — спросила я, — И Сандра тоже где? Остальные?

— Их выписали, — сказала Кларисса, — Остались мы с тобой и Клэр.

Её лицо больше не искажала ухмылка. Она была... Измученной? Я увидела трещины. О нет...

Белоснежный полёт

— Ну что? — говорило всё в ней, — Ты счастлива? А? Счастлива, бескрылая? Ну, давай, вырви мне их. Вырви с корнем.

— Аведь чужеродное тело вызывает отторжение, — вслух сказала я, — Общеизвестный медицинский факт. И о чем ты только думала, глупая? Думала, сможешь улететь на чужих крыльях из своего личного ада?

Она смотрела на меня безразличным взглядом. Нутром я догадывалась: ни мой облик, ни мой голос не вызывают в ней отклик. Моё имя ни о чем не говорит. Она сейчас похожа на жука, перевернутого на спину.

— Кто вы? — прохрипела она.

— А кто вы? — в свою очередь спросила я.

— Я не знаю, — закрыла она лицо руками, — Я не помню кто я и откуда. Я даже не помню, сколько мне лет!

— А где вы жили до того, как попали сюда?

— В доме престарелых. Я жила в комнате с двадцатью такими же дряхлыми развалинами, как и я. В семь утра мы просыпались и завтракали, до двенадцати гуляли в палисаднике, в двенадцать обедали, после обеда до шести вечера был тихий час, в шесть ужинали, до девятисмотрелистарое и невыносимо скучное шоу, а потом ложились спать. И так изо дня в день, очень долгое время. Персонал смотрел на нас с отвращением, заведующий считал деньги, самую счастливую, которой мы все завидовали, раз в месяц навещали родственники, чтобы проверить, умерла ли она, чтобы получить наследство.

Ужас. Как выпишут — пойду навещу бабушку.

Клэр с ужасом на нас смотрела. Не могу больше... Видеть её не желаю.

ОНА УБЬЕТ В НАС ВСЁ

ВЫЖГЕТ СВОИМ ЧЕРНЫМ ПЛАМЕНЕМ

НЕНАВИЖУ

УЙДИ, ПРОСТО УЙДИ

ИНАЧЕ ТУТ НЕ ОСТАНЕТСЯ НИЧЕГО

БЕСКОНЕЧНО ТОНУЩИЙ КОРАБЛЬ

Клариссу увели в изолятор. Меня следом за ней. Нас разделяла стена, и я бы многое отдала, лишь бы хотя бы заговорить с ней. Это невыносимо — быть под прицелом Халатов, как бабочка на кончике булавки, как бактерия под микроскопом. Я слышала скрип ручек, записывающих что-то в тетрадях, и этот звук бил по моим ушам. Изо дня в день слышала один и тот же вопрос: "Как Вы себя сегодня чувствуете?". И каждый раз заверяла, что всё в порядке. Пока меня всё-таки не выпустили.

Вернувшись в свою палату, я обнаружила, что Клэр нет. В палате было накурено, необузданная постель ещё хранила её тепло и запах. Я выглянула в окно. Она медленно уходила, и на её плечи и волосы приземлялись снежинки и тут же таяли от её тепла.

— У меня такое чувство, будто она тает, — услышала я голос, но не стала

оборачиваться, — Как этот снег. И когда-нибудь превратится в грязную талую воду.

— Думаешь, она грязная?

— Она грязная. Но это не её грязь. Она хочет избавиться от неё.

Я усмехнулась.

— Ода. Не она одна. Но вся проблема в том, что должно разбиться сердце.

— Её? Значит, исход один? Либо стать талой водой, либо родником? В любом случае ей придется умереть?

— Не её. Кто-то должен отдать своё сердце. Но он должен по-настоящему захотеть и ни секунды не колебаться.

— Тогда... Этим "кем-то" буду я.

Тогда я наконец обернулась и посмотрела на него внимательно.

— А хочешь ли ты этого? — громко спросила я, — Неужели ты уверен, что так любишь её, что готов проститься с жизнью?

Он удивленно посмотрел на меня. Чем-то они были похожи. Тот же взгляд и та же копна черных волос.

— Я... люблю её?

— Глупыш! — рассмеялась я, — Как ты же собираешься умирать за неё, если даже не можешь разобраться в своих чувствах?

— Просто... Где гарантия, что это действительно любовь, а не очередная болезненная одержимость? Ты ведь не знаешь... Мы, черно-белые, любим не человека, а образ, что себе придумали. Бегаем, как собачка, за конченными скотами. Нас легче других обмануть, но обманщиками считаю нас.

— Что в твоём чувстве больше? Радости или болезненности?

— Я... Не знаю. Я думаю о ней, как об отце. Но отец меня бросил. И он оказался не тем кем я его считал.

— Хорошо... Тогда попробуем по-другому. У тебя от неё чаще живот болит или приятное покалывание в груди?

Внезапно до него дошло и он просиял.

— Ну вот, видишь? — глупо хихикнула я, — Любовь и не должна причинять боль. Она — это лестница. Но ведущая вверх, а не вниз.

— Ты права! — энергично закивал парень, — Теперь я всё понял. Я отдам за неё своё сердце.

Он выскочил из палаты, а я вздохнула и села на подоконник. Славный паренек. И говорит, как Иной. Этот город действительно очень странный. Он полон удивительных людей.

— Нихрена себе ты тут речи задвигала! — услышала я знакомый ехидный голосок.

Эрик стоял под окном и орал в приоткрытую форточку. Я распахнула окно. Он влез и уселся рядом со мной. Мы болтали ногами и смотрели на деревья, укутанные снегом. Как будто цветы на них распустились. Гипсофилы.

— "Любовь — это лестница"! — передразнил он меня, — Да ты у нас романтик, оказывается. Какая же ты всё-таки у нас многогранная и неповторимая, каждый раз открываешься для меня с новой стороны!

— Так, восхищение мной — это, конечно, занятное и, безусловно, нужное дело, но оставим его на потом, — устало сказала я, — Сейчас меня волнует Хамелеон. Её все больше и больше затягивает, а я даже не могу ничего сделать.

— В 5:30 ты узнаешь ответ, — подмигнул он, — Вы ведь всегда узнавали об удивительных вещах именно в это время?

Он хлопнул меня по плечу, слеза подоконника и унесся в даль, как будто исчезнув среди серебристого снега, освещаемого первыми фонарями. Сзади меня Халат убирал постель Ворожеи, обнажая голую поверхность кровати.

Я вышла в коридор. Тьма была наполнена звуками, я слышала голоса, смех и шум распыляемой краски, шуршание карт и свист чайника, перестукивание чашек, звук гитары и треск костров. И я знаю, что некоторым этим звукам не одно десятилетие. Журнал был прижат к груди, я чувствовала запах желтых страниц и слышала их шуршание.

Комната Лицедея и остальных была пуста, на стене были начертаны стихи. Из уважения к нему я не стала их читать. Это что-то личное, как тот альбом или портрет покойной супруги. На подоконнике стояла ваза с гипсофилами. Откуда они зимой? Я осторожно подошла к окну и прикоснулась к лепесткам. Они рассыпались белым снегом.

В палате, где никто не живет, на всю комнату раскинулся плед, под которым шевелились люди и мелькали карманные фонари. Я осторожно пробралась под него незримой тенью. Иные хохотали, освещая себя фонарями, рассказывали сказки и сочиняли частушки. Их лица были раскрашены и осыпаны блестками, в волосах были вплетены нитки, их головы украшали венки и тюрбаны, на рукав были фенечки и бласлеты "дружба". Один из них, светлокудрый и горделиво держащийся, держал в руках журнал и аккуратно выводил дату.

В палате Кита распологались другие Знающие, таинственные и молчаливые. Они чертили на потолке созвездия невидимыми чернилами, разжигали костры из медицинских карт и играли на секреты. Кит сидел во главе, он казался счастливым. Вот только тени у него не было, но даже этот факт его очень радовал.

Я вышла в сад. Повсюду цвели эти снежные цветы, сад освещала полная луна. Я подумала, что эти цветы рождены от снега и лунного цвета. Луна бессмертна, а снег умирает и возрождается кучу раз. После себя он оставляет белые цветы невиданной красоты, чтобы Луна не тосковала, когда его нет.

— Очень красивая легенда, — услышала я голос Королевы.

Я обернулась, но не увидела её. Только кусты сугроб со следами птиц.

— Я хотела тебе помочь, но теперь думаю, что ты итак всё знаешь.

— Что ты имеешь ввиду? — спросила я.

Но ответа не последовало. Я принялась шарить вокруг в поисках хотя бы намека на её присутствие, но в саду стояла торжественная тишина, и моими компаньонами были только деревья да кусты. Я вздохнула и подошла к клетке. Хамелеон уже ждала меня.

— Я вырвалась, — сказала она, — Но ненадолго. Скоро меня опять затянет.

Свет Луны отражался от её очков. Меня это взбесило.

— Открой глаза, — сказала я и сорвала с неё очки, тут же разбив их.

ДРЫЗГ!

Полетели осколки, как брызги воды. Скрылись в снегу, оставив в нём глубокие шрамы. Она шокированно смотрела на меня своими глазами. Да, теперь я вижу, какого они цвета. Мутно-зелёные. Как мои, только хуже.

— Что ты наделала? — прошептала она.

НЕ СПАСЁШЬ ЕЁ

Спасу.

Я схватила её за запястье. Мы полетели куда-то вниз, за пределы клетки, за пределы зимней ночи. Я крепко вцепилась в неё, она беспомощно смотрела на меня. Я почувствовала резкую боль в спине. Что-то выбиралось из моей кожи, резало её, разрывало, вылуплялось, как из скорлупы. Крылья. Белоснежные, с черными кончиками. Кожа обрастала перьями. Больно. Невыносимо больно. Тело жгло огнём.

БРОСЬ ЕЁ И ТЕБЕ СТАНЕТ ЛЕГЧЕ

Я лишь ещё крепче сжала её своими лапами, вонзила в её кожу когти. Неожиданно я стала легкой, а она — несоизмеримо тяжелой. Город внизу приближался к нам. Белоснежный, с улицами- катакомбами. Он жадно раскрыл свою пасть.

ЕСЛИ ТЫ ЕЁ БРОСИШЬ, ТО СМОЖЕШЬ УЛЕТЕТЬ ОТСЮДА

Я отчаянно замахала своими крыльями. Она безвольно повисла на мне, её косы болтались грязными канатами. Я то падала вниз, то поднималась вверх. Лапы затекли, мышцы нестерпимо болели.

Ещё... Ещё немного. Миллиметр, сантиметр. Взмах крыльев, капелька пота.

ТЫ ЖЕ ВЕРНУЛА СВОИ КРЫЛЬЯ, ТАК ЧЕГО ЖЕ ТЫ ЖДЁШЬ? БРОСАЙ Её УЛЕТАЙ, А ТО СГИНЕШЬ ВМЕСТЕ С НЕЙ

— Заткнись! — проорала я.

— Брось меня, — проскрипела Хамелеон, — Я уже насквозь пропиталась дымом города, построенного на костях.

— Каким ещё дымом?

— Из крематория. Ты не спасёшь меня, идиотка. Тоже мне, принц, спасающий принцессу.

Почему она такая тяжелая? Почему её не поднять? Она слишком, слишком тяжелая... Тут явно что-то было не так.

Белый лепесток пролетел перед моими глазами. Такой странный и неуместный в этом мертвом городе. Несмотря на то, что тут тоже всё белое. Он коснулся меня, и я почувствовала приятный холод. Снежный цветок...

— Кости... — сказала я вслух, — Они же желтые, а не белоснежные. А эти дома словно построены из снега. Ослепительно белоснежные...

— Ха-ха, — нервно рассмеялась Хамелеон, — Так вот в чем загадка этого города. Снег... Это ведь не страшно! Тогда чего ты голову мне морочил?!

Стены рассыпались в снежинки. Белая пыль поднялась чуть ли не до небес, и я поспешила взлететь, чтобы нас не накрыло. Хамелеон стала легче, и мне было легко её нести. Она смеялась, держась за бока. Я давно не слышала этот смех.

— Давай её сюда.

Мы лежали в Прихожей, на снегу. Перед нами сидела Королева и какой-то парень с оленьими рогами.

— Это было безрассудно с твоей стороны соваться туда, — сказал он, — Если бы я тебе не помог, то вы бы остались там.

— Разве ты мне помог? — удивилась я.

— Конечно. Лепесток, по-твоему, откуда взялся?

— Что, нормально подсказать нельзя было? Тебе повезло, что у меня большое воображение.

— Думаешь, я не знал, какое оно у тебя? — хмыкнул парень, — Я ведь Знающий. Ничем не хуже твоего Кита. К тому же, тот лепесток — это максимум, что я мог позволить. Иначе меня бы затянуло вслед. Итак чуть не упал туда. Водоворот ведь... Как море сирен.

Он вздохнул и провел рукой по щеке Хамелеон.

— Чем больше ты пытаешься повлиять на такой сон, тем сильнее затягивает? — спросила я.

— Именно, — подтвердил парень.

— Тогда это черная дыра какая-то, а не водоворот, — вынесла вердикт я, — А ты кто, кстати?

— Приятно познакомиться, Олень, самый могущественный Знающий Лагуны, — отвесил шутливый поклон парень, — Кит много о тебе рассказывал. Я думаю, что ты можешь примкнуть к нам.

— Правда? — удивилась я.

Королева тем временем перевернула Хамелеон на живот. Её спина кровоточила. Она приложила снег к её ране.

— Да, — коротко ответил Олень, — Иди сейчас в подвал. Я встречу тебя.

Я встрепенулась. Казалось, не прошло ни секунды. Но вдали уже алел рассвет. Я задрожала от холода. Вдали послышалась ругань охранника.

— Ну, ты идёшь?

Ко мне подошел Олень. На нём уже не было рогов. На плечи был накинут пуховик.

— Поторопись, нам надо успеть до рассвета.

Он схватил меня за запястье и повел к дверце, ведущей в Пропась. Открыл заржавевшую дверь, и мы шагнули в гулкую темноту. Спускались куда-то вниз, хлопали дверцы, то тут, то там раздавалось эхо от наших шагов.

— Запомни, ни секунды не сомневайся, — сказал он, внезапно остановившись, — Боишься — проиграла. Мне дальше нельзя, иди сама.

Он ушел вверх, а я стала спускаться дальше. Было темно так, что я не видела собственных рук. Шла так долго, что стало казаться, что и меня нет тоже. Но я есть. Я чувствую тепло от шершавых листов журнала.

А потом....

Ноги мои чувствуют пустоту. Внизу — город, светящий мириадами огней. Вверху — небо, скрытое тучами. Вокруг меня скакал белый кролик с часами.

— Не бойшься высоты? — спросил он, — Если ты хочешь стать Алисой, то ты должна меня догнать!

— Но я не...

Он уже рванул. Я нервно сглотнула. Высоты я действительно боялась, и теперь

понимаю, что это из-за того, что Хамелеон скинула меня с крыши.

— Эй, не оставляй меня одну, — закричала я и погналась за зверушкой.

Он не бежал прямо, а всё время петлял, скакал из стороны в сторону, как будто запутывая свой след. Я никак не могла угнаться за ним.

— Если ты хоть на секунду испугаешься — то полетишь вниз! — радостно прокричал он.

— Ах ты засранец ушастый, вот я сейчас из тебя шапку сделаю!

Я прибавила бегу, но все равно почему-то была очень медленной. Ползла, как черепаха. Под ложечкой засосало от мысли о том, что мы сейчас находимся на высоте птичьего полета, и я в любой момент могу сорваться.

— Позови-ка Алису, — пропел кролик, — И спроси у неё, какого это — быть такой маленькой?

— Алиса перед тобой, — устало усмехнулась я.

— Нет, ты ещё не Алиса! А вот догонишь — станешь ею!

Он подпрыгнул и скрылся среди облаков. Я поспешила за ним. Холодный туман застилал мой взор, я вся промокла.

— Не боишься? — спросил кролик где-то сзади, — Меня не обманешь, девочка! Ты боишься, боишься!

Я резко развернулась и сгребла в охапку клочок облака.

— А я уже не тут! — донеслось издалека.

Я побежала на звук. Кролик с издевательским видом скакал вокруг меня.

— Эй, девчонка! — свистнул он и камнем юркнул вниз.

Я заколебалась.

— Ха, трусишка!

Разозлилась и бросилась за ним. Ускоряюсь, нагреваюсь. Меня растирает в порошок. Скоро превращусь в падающую звезду и кто-то, глядя на меня, загадает желание. А может, оно исполнится.

— Ты разобьёшься, — заходился кролик, — Разобьёшься! Разобьёшься! Умрешь через несколько секунд! Давай, ори от страха.

— Не разобьюсь, а сгорю, — прокричала я в ответ, — Физику учить надо.

— Ну и что? — беззаботно ответил кролик, — Всё равно ведь умрёшь! Не страшно?

Как ни странно, я не чувствовала страха. Мне было весело. Я смеялась, как сумасшедшая, стараясь ускориться ещё больше. Вытянула вперед руки. Я ведь и есть пламя, об этом кричат мои волосы и веснушки. Я — огненная чайка.

Наконец мне удалось схватить животное за шкурку и притянуть его к себе. Прижала к своей круди теплое, мягкое тельце.

— Ты победила, — надменно сказал кролик, — Да ты просто сумасшедшая!

— Ещё бы! — ещё больше распирало меня, — Тыдаже не знаешь, с кем связался!

Очнулась лежащей на полу. По всему телу разлилось приятное тепло, на душе стало удивительно спокойно и легко. А ещё весело. Я поднялась, вышла из подвала и стала красться по саду. Даже снег не смог меня остудить.

Бирюзовое побережье

— Добро пожаловать, — кивнул Кит.

Он уже смотрел на меня по-другому. Как на равную. А я уже многое видела и понимала. Например, я видела, что призрачные созвездия освещают эту комнату, а из шкафа веет зимним лесом. На стене были рисунки, похожие на наскальные, и если смотреть краем глаза, то можно увидеть, как они двигаются.

— Я думаю, — пробормотала я, — Что нам нужно снова начать издавать "Вестник Грани".

Я протянула им потрёпанный журнал. Олень взял его в руки, осторожно сдул пыль, стал бережно перелестывать страницы, вчитываясь в потускневшие строки.

— Опять ты пытаешься сделать, как раньше, — с укорнизной покачал головой Кит, — Мы уже не они. Те времена уже прошли. Слово "лоботомия" уже нам ни о чем не говорит, а их оно приводило в ужас. Тогда пятна крови на стенах были свежи, а сейчас от них не осталось и следа. Ты видишь прошлое, но не делайся его рабом.

— А так всегда бывает с теми, кто видит сквозь время, — сказал другой мальчик.

Он был чернокожим, чернооком, в белом халате, с золотыми браслетами, а волосы скрывал тюрбан.

— Африка, — представился он.

— Как в "Глазе волка", что ли? — фыркнула я.

Он строго на меня посмотрел, и я съежилась под его взглядом.

— По-моему, отличная идея, — сказал Олень, — У меня как раз где-то маркеры завалились и альбомные листы.

Он принялся рыться в тумбочке. Вывалил на пол перед нами целый канцелярский магазин. Подсвечивая карманными фонариками, мы принялись писать и рисовать. Громким шепотом спорили между собой, сколько страниц будет, как колонка будет называться, какие статьи включать, а какие нет. Вскоре к нам присоединились другие Иные, как мухи, мнимые светом лампы. У каждого была своя четверть страницы, кто-то писал большую статью, кто-то всего несколько строк, кто-то рисовал, кто-то сочинял стихи. Олень сшивал страницы, Кит корпел над обложкой, Африка стоял на стрёме. Вскоре к нам пришла Хамелеон, пробравшись через окно. В комнату ворвался ветер и снег. Он подхватил листья и разбросал их по комнате, а мы с Лицедеем принялись за ними гоняться, чтобы поймать. Олень подошел к окну и с трудом его закрыл. На полу лежала разбитая ваза, растекалась лужа от воды и расстывшего снежного цветка.

— Я принесла краски, — виновато сказала Хамелеон.

— Давай уж, — вырвал их у неё Олень, — В качестве компенсации будет.

Я настороженно следила за ней краем глаза. Угрозы от неё больше не было, но остальные по-прежнему сторонились её. Вчерашний парень — ухажер Ворожеи — разогревал примус. Девушка в венком из искусственных цветов на голове раскладывала одноразовые стаканы. Грег принес сдобу, Саймон — сосиски и кетчуп. Радуга, с которой мы когда-то болтали на крыше, раздавала всем одноразовые тарелки. У неё были нежно-розовые глаза. Интересно, что это значит?

— Только вот кто его будет читать? — усмехнулся Кит, — Иных совсем немного

осталось. Все здесь собрались.

— Думаешь, тогда их было много? — иронично вставил Олень.

— И к тому же, многие из них до сих пор остались живы, — задумался Лицедей, — Кто-то остался здесь, кто-то уехал в прибрежный город.

— Наверное, превратились в скучных взрослых, — потянулась Радуга. Глаза приобрели бежевый оттенок.

— Нет, они остались Иными, — возразил Лицедей, — Иной не может перестать быть таковым.

— Кошка перестала, — приподнял бровь Кит.

— Значит, никогда не была Иной, — рявкнул Лицедей, — Уж поверь, я встречался с ними. По-прежнему Иные, чуть взрослее, чуть рассудительнее, но Иные.

Я почувствовала сгущающуюся атмосферу и попыталась их успокоить. Кофе уже было готово. Каждому досталось по стакану с горячим напитком, тарелке с сосиской в кетчупе и сдобе. Мы уплетали еду за обе щеки и параллельно спорили насчет оформления. Ночь пролетела незаметно, вскоре показался рассвет, и мы бросились в рассыпную по всей больнице.

— Я вижу, тебе стало лучше, — сказала мисс Алингтон, — Значит, терапия действует.

— Да, — в блаженстве сказала я, откинувшись на спинку дивана, — Я теперь чувствую себя Джонатаном Ливингстоном.

— Что ж, это хорошо, — кивнула она, — Если пойдет дальше такими темпами, то тебя можно будет выписывать. Но всё же на учете какое-то время тебе придется побыть. Как насчет санатория? Могу дать тебе несколько буклетов.

Я согласилась. Она дала мне их. На первом были изображены горы с заснеженными вершинами. Санаторий назывался "Кленовый сироп". Крупнейший пансион для психически больных с программой реабилитации, разработанной ведущими специалистами в области психиатрии и психотерапии. С видом на горы, кленовыми деревьями, бассейном, кафетерием, ботаническим садом и зоопарком.

На втором была цветущая долина и озеро, в котором отражались облака. "Сказочный дол", нестандартный пансион в виде небольшой старой деревни, закрытом обществом, в котором царит мир и любовь, ежедневными мероприятиями, такими, как рыбалка, крокет, купание и т. д., возможность заниматься творчеством, кулинарией, резьбой по дереву, спортом, музыкой, садоводством и животноводством.

На третьем был заснеженный вечнозелёный лес и небольшой трогательный домик. "Домик лесничего", так гласило название. Чистый прохладный воздух, игры в снежки, камин, трудовая и творческая терапия, домашний уют, похожий на детство, проведенное у бабушке в деревне.

— Вы же прекрасно понимаете, что это всё не то, — жалобно протянула я, возвращая мисс Алингтон буклеты, — Мне нужен пансион в Эвер-Порте.

— "Океанское побережье", что ли? Да что ж вы все так грезите о нём? — закатила глаза мисс Алингтон, — Ты вообще видела прайс? Очень большие цены. А я тебе предлагаю дешевый вариант. Да, они не так близко находятся, но зато очень хорошие. Не элитные, в

этом-то вся беда.

— А по мне, это хорошо, — буркнула я, — Не нравится мне атмосфера элитарности.

— Сколько зарабатывают твои родители? — спросила психиатр, — Я знаю, что они поставляют мясо и растительные культуры местным магазинам, так что платят им вполне прилично. И всё же этого недостаточно. Отец Мариам, если её помнишь, работает директором школы искусств. А её мать — нейрохирург в соседней больнице. Сама понимаешь, сколько они зарабатывают. Поэтому они могут потянуть её проживание там. Хотя, прошло уже достаточно времени, я думаю, её оттуда уже выписали.

Я тяжело вздохнула.

— Ты всё-таки подумай, — сказала мисс Алингтон, — Больница не может обеспечить реабилитационных условий в полной мере, а тебе надо.

— Какой в этом смысл? — горько вздохнула я, — Я ведь даже работу не смогу найти с такими-то диагнозами.

— Людей с психическими заболеваниями вполне принимают на работу, — возразила мисс Алингтон, — Есть, конечно, ограничения, запрещены один или несколько видов деятельности. Работодатели обеспечивают безопасную атмосферу для вас, учитывая особенности вашего психического здоровья. Уже давно прошли времена карательной психиатрии.

— Не забывайте, что мы в городе на самом краю мира, — вздохнула я, — Досюда нововведения доходят несколько лет.

— Не будь такой пессимисткой, — махнула рукой мисс Алингтон, — В психиатрической больнице в Эвер-Порте работает женщина, у которой была шизофрения. Теперь она прошла реабилитацию, социализировалась, и хочет помочь другим. Про неё статья даже есть в нашей газете.

Мы ещё поговорили и я вышла с кислым выражением лица. На скамейке меня ждал Эрик.

— Ну, чего хандришь? — набросился он на меня, — Лимон съела? Она тебе чай без сахара дала? О, она отправила тебя на трудовую терапию? Что на этот раз? Снег разгрести или цветы поливать?

— Просто я хочу в "Океанское побережье", но он дорогой. Причем очень дорогой. Больше зарплаты моих родителей.

— Да, океан — это серьёзно, — кивнул Эрик, — Раз потянула — будет тянуть всю жизнь. Тем более, там ведь окна на всю стену с видом на побережье. Когда тепло, то их открывают, и ты дышишь солёным воздухом и слушаешь шум прибоя. Представляешь, какие там сны снятся?

— Перестань дразнить, — простила я.

— Да ладно, кто тебе сказал, что только через пансион ты сможешь встретиться с океаном? Ты ведь можешь снять домик с таким же видом. И главное, тебя не будут тормозить санитары. А там всё по расписанию!

— Но мне нужна реабилитация, — поморщилась я, — Оттягиваю, как могу, возвращение в социум. Мне кажется, что я не смогу жить за пределами больницы. Пусть хоть в пансионе побуду.

— Тогда какие проблемы? — подмигнул Эрик, — Она же тебе всучивала буклеты? Потому что мне всучивала.

— Я там никого не знаю, — дернула я плечами, — Я вообще эти места не знаю. А тут

ХОТЬ ЧТО-ТО ЗНАКОМОЕ.

— Так поехали вместе? — предложил Эрик, — Вдвоем веселее в незнакомой обстановке. Ну давай, ну че ты?

Я вздохнула. А потом задумалась.

— А давай! — в конце концов согласилась я.

— Меня выписывают.

Всего два слова и тысяча чувств. Горечь, как от лимона. Сладость, как от апельсина. Терпкий вкус многолетнего вина. Летний дождь, ливень, запах тропического леса, мокрая зелень, нависающая над головами и песчаная дорожка. Летняя ночь, прохлада и ветер, приносящий запах фруктов.

На плечи Ромео было накинуто старое пальто. За окно таял снег, стекал лежами к дороге. Конец февраля означал звук капли и обнажённую пустую землю и прошлогоднюю траву с листвой. Ромео смотрел спокойными черными глазами. За это время он повзрослел, стал более спокойным и рассудительным.

— Что делать будешь? — упавшим голосом спросила я.

— Вернусь в студию танцев, наверное. Надо же когда-то начинать. Некоторым людям тяжелейшие травмы не мешали осуществить их мечту.

— Думаешь, сможешь?

— Да. Смогу. Могла бы порадоваться за меня, что ли. Пожелать удачи.

— Удачи не существует, — подмигнула я, — Но у тебя талант.

Он не выдержал и обнял меня, сжав так крепко, что мне показалось, что у меня затрещали рёбра. Я чувствовала руками его спину, жесткие волосы, его вздымающиеся бока, и мне хотелось не выпускать его. Хотелось сказать, что он никуда без меня не уйдёт и мы останемся здесь, будем танцевать на чердаке, гонять чай, играть в карты и сидеть ночами с другими Знающими, обсуждать грядущее и прошедшее. И никакого города, никакой студии. Но я отпустила его, когда он отстранился. На губах застыло "стой", вслух сказала "пока". И смотрела ему вслед, когда его уводила старшая сестра, обняв за плечи.

— Страшно за него, — цокнул Грег, всё это время молча наблюдавший за нами.

— Почему? — обернулась через плечо я.

— Все-таки в психушке лежал. Как родные его встретят? А что будет, когда его увидит дядя? Он ведь свирепый тип.

— Всё будет хорошо, — твёрдо сказала я, — Не пропадёт.

Встала с кровати, поправила юбку и вышла из палаты. Вышла в сад. На земле валялся мусор, всё это время прятавшийся под снегом. На небе светило бесполезное солнце. Деревья были неприкрытыми и тёмно-коричневыми. С труб стекала вода, сосульки блестели и капали вниз.

Люди приходят и уходят. Особенно здесь. Распадаются самые шумные компании. Потому что вырастают. Говорят, что самые лучшие друзья — это друзья детства. Но чаще всего неразлучные в школе расходятся в институте с ощущением пустоты на душе. Хорошо быть взрослым. Ты уже знаешь свой путь, своё место, ты не вырастешь из вещей, друзей, любимых...

Краем глаза я заметила Ромео, уводимого сестрой. Они шли пешком, видимо, у них не было машины. Он обернулся, посмотрел на меня нежно и улыбнулся. Мне стало легко и в то же время грустно. Кто-то сказал, что он легко отпускает людей, а я теперь знаю: никогда он никого не отпустит. Самый постоянный человек в мире. Выходит, не такой уж этот кто-то и проницательный. Стоп, о чём это я?..

Я вернулась в свою палату. На моей кровати уже сидел Эрик. В руках он держал конверт.

— Это было обнаружено под твоей подушкой и конфисковано в целях безопасности, — объявил он.

На конверте я прочитала:

Кому: Зои

От кого: Ромео

Прочитать, когда поедешь в реабилитационный центр. В поезде, во время волнения перед неизвестностью. Можешь показать Эрику.

— Вскрыть сейчас? — олепительно улыбнулся Эрик.

— Тут же написано, что в поезде, — цокнула я, — Ты че такой неподрядочный?

— А я тебя с самого начала предупреждал, что я на голову больной, — подмигнул он мне.

— Как и все мы тут, — вздохнула я.

Следом за Ромео выписали Саймона. Прощание с ним не было таким грустным. С ним вообще невозможно было грустить. Он ушел один, без родственников и друзей. Такой маленький и гордый среди талого снега. На календаре было первое марта. На крыше как раз уже разминали глотки кошки.

После прощания с Саймоном мы с Эриком, чтобы не думать о грустном, принялись спорить о том, в какой пансион мы поедем. Я хотела в горы, Эрик их терпеть не мог. А я терпеть не могла деревню и не переносила холода. Спорили долго, горячо и страшно занудно, пока нас не помирила мисс Алингтон, которая принесла нам четвертый буклет.

"Зелёная поляна", трогательный домик, располагающийся в долине, впереди высились горы, которые отражались в речке. У пансиона был свой бассейн, ресторан, стадион, библиотека, ферма и ботанический сад. Возможность заниматься творчеством, читать научную и художественную литературу, приветливый и доброжелательный коллектив, в котором каждый может самовыражаться, не натываясь на обсуждение. Радио, телевидение, интернет и газеты отброшены за ненадобностью.

— Ну, обоих устраивает? — приподняла брови мисс Алингтон.

— Не в горах, и на том спасибо, — кивнул Эрик.

— Мороза и деревни нет, а значит, претензий тоже нет, — пожалала плечами я.

— Вот и отлично — устало вздохнула мисс Алингтон, — Осталось только с родителями этот вопрос обсудить.

Мои родители были согласны. Цена их полностью устраивала, и они были рады, что я пройду курс реабилитации в таком чудесном месте и вообще иду на поправку. Хорошие они, мои родители.

К Эрику приехал отец, парню пришлось долго его уговаривать. В итоге он согласился,

но видно было, что с большой неохотой.

Потом последовали конечные терапии, обследования, опросы. Меня возили в больницу, чтобы обследовать там голову. Сказали, что я иду на поправку, до до конца всё равно не восстановлюсь. Я пожалала плечами: об этом я знала уже давно. Больницы, лекарства и даже операция не дали мне ничего. Я думала, что свалилась с крыши заброшенного здания, и теперь, зная, по чьей вине это случилось, я не держу на Клариссу зла. Но подругами мы больше никогда не станем. Тот случай всё решил. У нас разные цели, разные пути, в нашей жизни нет места друг для друга.

Эрика выписали раньше меня. Он слезно обещал меня дождаться, как Пенелопа ждала своего Одиссея, а я только закатывала глаза. Да, в этом весь Эрик. Сумасшедший и необыкновенный. А всё началось с разговора в ванной. С одежды, насквозь пропитанной колой, и протянутой руки придурочного старшеклассника.

Потом ко мне ещё раз приходил Дилан. Принёс мне мягкую игрушку в виде чайки, а я чуть не расцеловала его от умиления.

— Ты долго здесь торчать планируешь, или нет? — сварливо спросил он.

— Нет, наверное, где-то через неделю меня выпишут, — весело сказала я, — Мы с другом поедem в реабилитационный центр.

— О, здорово, — откликнулся Дилан, — В "Океанское побережье", что ли?

— Нет, в "Зелёную поляну".

— Не знаю, где это, но, судя по названию, ужасно тоскливое место, — невозмутиво усмехнулся Дилан.

— Не будь занудой, — фыркнула я, — Лучше сразу признайся: "я страшно тебе завидую, потому что ты поедешь в такой крутой реабилитационный центр, будешь плескаться в бассейне и кушать лобстеров, а я буду в машины шланги втыкать".

— Ага, и всяких странных дамочек подвозить, — задумчиво пробормотал Дилан, — Нет, это действительно здорово. Просто я противный брюзжащий интроверт, который в двадцать лет ничего не добился, кроме как работать на автозаправке.

— Ну, для этого тоже мозги нужны, — начала было я, но быстро осеклась под его выразительным взглядом, — Что, вообще никаких перспектив нет?

— Нет, — пожал плечами Дилан, — Денег нет. Из-за бедности семьи я пошел работать сразу после школы к дяде, чтобы хоть как-то прокормить семью. Прошло два года, денег так и не прибавилось. Ладно, чего я тут ною? Тебе это наверняка неинтересно...

— Я не спросила бы, если бы не было интересно. Я знаю, что ты чувствуешь. Я инвалид, из-за травмы головы не могу нормально писать и считать, проблемы с памятью и усвоением информации. У меня эпилепсия и проблемы с психикой. У моих родителей достаточно денег, но они не вернут утраченное здоровье.

— Да уж, по сравнению с твоими проблемами мои просто смешны.

— Проблемы не могут быть "смешными" или несерьёзными. Если что-то тебя расстраивает, нет ничего стыдного в желании поделиться этим. И я уверена, что когда-нибудь ты сможешь поступить. Откладывай деньги на колледж, читай учебники, ходи на дни открытых дверей. Я уверена, у тебя всё получится.

— Думаешь, я не откладывал? — фыркнул Дилан, — Всё, что ты перечислила, я делал, и если бы это хоть что-то дало, то я бы сейчас не распинаясь перед тобой. Спасибо за совет, но я уже распрощался с мечтой об учебе. Работать на автозаправке не так уж и плохо, если честно. Платят нормально, дядя меня любит, коллеги уважают. Даже клиентов можно

терпеть. А вот у тебя действительно всё запущенно, и я не знаю, как ты будешь выкручиваться. Но если что — наша автозаправка к твоим услугам.

— Ну спасибо, я подумаю над этим заманчивым предложением, — рассмеялась я, — Классный ты парень, Дилан. Что бы ты не думал, я уверена, что у тебя всё получится.

Мы тепло попрощались и разошлись. Оба с улыбками на лице.

А потом меня выписали. Это произошло раньше ориентировочного срока.

— Лети, пташка, к своему другу, — усмехнулась мисс Алингтон.

И я выпорхнула. Навстречу теплому солнцу, набухающим почкам и раскидистым лужам. Шлепала ногами прямо по облачному небу. Бежала по солнечному городу с прилавками, сувенирами, гирляндами и манекенами. Мимо кафе с поставленными на улице столиками, мимо китайского ресторанчика, мимо ряда аккуратных домов, мимо заброшенного дома с пустырем.

Остановилась у проселочной дороге, поймала машину, попросила подросить меня до фермы. У руля была молодая семейная пара, я заняла место рядом с карапузом. Тот был кудрявый, смуглый, черноглазый и с маленьким аккуратным ротиком с трогательной родинкой сбоку. Он был смирный, а родители буйными.

Я бросилась навстречу родителям и бабушке, которые меня радостно обняли.

А потом мы заполняли анкету, сдавали анализы, обсуждали финансовые вопросы. И в конце концов отправились на вокзал. отец вез мои вещи в двух чемоданах на колёсиках, мать давала мне последние наставления, бабушка просто просила меня побольше есть, пить и спать. На перроне нас уже ждал Эрик со своими родителями. Доминик я узнала сразу, казалось, она не особо изменилась. А вот отец Эрика выглядел очень постаревшим.

— Ну что, крошка? — подмигнул мне Эрик, — Отправляемся навстречу неизвестности? Конвертик я захватил.

— Его должна была я взять, — буркнула я, — Он мой, вообще-то. Что ты на себя нахлобучил, позволь поинтересоваться?

На его джинсовом жакете было множество значков и вышивок, на его голове красовалось широкое сомбреро, а шнурки и носки были разного цвета. У него было три громадных чемодана, которые несли его отец и мать. А сам Эрик тащил клетчатую сумочку с изображением фей.

— А что? — удивился Эрик, — По-моему, я просто отлично выгляжу. Ты просто завидуешь мне.

В это время прибыл поезд. Мы поспешили в купе. Родители с нами посидели, и когда объявили, что поезд скоро отбывает и сопровождающие должны покинуть вагоны, тоуши. Кроме нас, в купе никого не было.

— Чур, моя койка нижняя, — объявил Эрик.

— У нас четыре койки, — устало сказала я, — Зачем спорить?

— Ну, это я так, на всякий случай, — пожал плечами Эрик, — Письмо-то будешь читать?

Он протянул конверт. Мы сели поближе друг к другу и вскрыли его.

Зои!

Сейчас ты слышишь стук колёс и гудок поезда. Из окна открывается вид на перрону и

махающих тебе рукой родителей. Тебе грустно их покидать и ты волнуешься, потому что не знаешь, что тебя ждёт. И я не знаю, но я уверен, что это будет что-то хорошее. Ты выбрала отличное место, я в этом твёрдо убежден. Ты всегда выбираешь только хорошее, в тебе есть неуловимое чувство прекрасного, раз ты смогла разглядеть талант во мне. И вот, что я тебе скажу: ты действительно вдохновляешь людей. Тот вечер, когда мы танцевали в закате под латиноамериканскую музыку, не вляющуюся ча-ча-ча, всё изменил. Во мне просеулось забытое упоение и радость, восторг и ритм танца. Ча-ча-ча звучала в наших головах, я даже перестал спотыкаться и ошибаться. Как будто вновь вернулся на несколько лет назад. Не ты одна приложила к этому руку. Мне Клэр помогла. Ты уж поговори с ней, она замечательная девушка.

Я знаю, ты не можешь найти своё место в мире. А зачем его искать? Ты Зои, милая и слегка сумасшедшая девушка, танцуешь под громко включенную музыку и ешь мороженное зимой, рисуешь на стенах и гуляешь холодной ночью в пижаме и тапочках. Разве этого не достаточно? Зачем покорять вершины, если есть не менее прекрасная равнина? Зачем переплывать океан, если можно пробежаться по берегу? Ты нешарик с гелием, чтобы бездумно лететь к звёздам, и не комета, чтобы падать, сгорая в атмосфере. Ты белокрылая чайка, Джонатан Ливингстон и просто та, которая видит сквозь время, легко проходит Инициацию и спасает заблудшую душу, обращая в снег город из костей.

Эрик хороший парень. Не знаю, случайность ли ваша встреча или судьба. Не знаю также, влюбитесь ли вы друг в друга, останетесь добрыми друзьями или разойдётесь. Но такие, как он, не валяются на дороге. Чистое, бескорыстное и простое детское сердце, прячущееся за этим безумием. Не давай ему терять контроль. Эрик, не давай ей терять контроль.

Я надеюсь, мы потом встретимся. Люди из больницы после выписки часто расстаются навсегда, но мы с тобой по-прежнему друзья, и я по-прежнему тебя ценю и восхищаюсь. Да, я знаю, когда-нибудь мы все встретимся. Так, как раньше, уже не будет, но и хуже тоже не будет. Мы очень сблизились за время пребывания в больнице, и такая связь не пропадёт. Уж я-то знаю, я ведь Знающий.

От себя я напоследок пожелаю: не бойся быть собой, поезжай бесстрашно навстречу неизвестности и помни о своём преданном друге.

Расправь свои крылья!

Ромео

Не кисни, подруга! Ты супер-клевая, детка! Мы любим тебя, рыженькая наша! Правда-правда!

Габриэль, которая больше не пристаёт к людям.

Если тебе станет грустно, то посмотри на небо в 5:30. И знай: я в это время тоже смотрю на него и думаю о тебе.

Кларисса

Надеюсь, оттуда ты приедешь загорелая, с выгоревшими волосами, множеством сувениров и отличным настроением. Эрик, смотри, не обижай её!

Грег

Не бойся, там будет суперклёво! Я знаю чувака, который там лечился. Говорит, отличное место. Вот сегодня с ним об этом говорил. А ещё там есть лошади. Лошади!!! Обязательно с Эриком прокатитесь на них по долине. Это лучше любого моря!

Саймон

Хееееей, малышка, я надеюсь, ты ещё помнишь меня? Давай не кисни, а если кто обидит — скажи мне, я его перееду!

Сара

Будь собой, потому что ты супер! Ты круче яиц, поняла?!

Жюли

Не парься, всё самое страшное уже позади. Надеюсь, что рецидива не будет. Прости меня за всё, я в последнее время многое переосмыслила и очень жалею о том, как поступала по отношению к тебе. Извини, что пишу тебе об этом, а не говорю в лицо. Не бойся реабилитационного центра, персонал там приветливый и отзывы хорошие. Если будет нужна помощь с поступлением или трудоустройством — обращайся ко мне. И это не акт вежливости. Я правда помогу тебе. Правда-правда.

Луиза

Займи комнату, выходящую на южную сторону. Ты будешь видеть речку и горы. Представляешь, каким прекрасным будет твоё пробуждение? Не хуже, чем в комнате с видом на океан.

Боб (Олень)

Ты не моя ФП, но я считаю, что ты просто супер. Не пользовалась моей открытостью, не насмеялась. Увидела мой секрет и не стала о нём распространяться. Даже особо его не затрагивала, наверное, чтобы не смущать меня. У тебя всё образуется, только верь в это! Да придёт с тобой Сила!

Камилла (Радуга)

Выгляни в окно. Там сейчас прекрасный вид открывается. Всё зеленое, солнце светит. Под цвет твоих глаз. Ты замечательная девушка, умная и проницательная и я не жалею о том, что познакомился с тобой.

Гленн (Африка)

Я выглянула в окно. Всё, как он говорил: зеленая поляна, трава и колосья, полевые цветы и бескрайнее синее небо. Глядя на это, кажется, что всё будет хорошо, и боли в жизни места нет.

— Я сейчас расплачусь, — пригрозил Эрик.

— Как и я, — рассеянно сказала я.

— Всё-таки хорошие здесь ребята, — улыбнулся Эрик, — И город совсем не давит.

— Да, кивнула я, — Теперь я тоже это поняла. Здесь обитают прекрасные люди.

Небо пересекла белокрылая чайка. На душе царило умиротворение и любовь ко всему и всем. Я больше не боялась неизвестности. Я её ждала с распростёртыми объятиями.

— В добрый путь! — хором прокричали мы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net